

Гиржи Грошек

Легкий завтрак
в тени некрополя

Амфора

Annotation

Первая часть трилогии Иржи Грошека «Легкий завтрак в тени некрополя» – «Большая реставрация обеда» – «Файф-о-клок». Впервые опубликованный в 2001 году как роман «чешского писателя и кинематографиста», «Легкий завтрак» положил начало самой удачной мистификации в русской литературе нулевых годов XXI века.

- [Иржи Грошек](#)
 -
 - [Дядюшка Клавдий](#)
 -
 -
 - [Агриппина](#)
 - [Прага](#)
 -
 -
 -
 - [Крит. Аэропорт. Натура. День](#)
 - [Прага. Квартира Александра. Интерьер. Вечер](#)
 - [Крит. Аэропорт. День. Натура](#)
 - [Прага. Воспоминания. Интерьер мозга. Сумерки](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Номер карины. Интерьер](#)
 - [Крит. Бар Корнелия. Интерьер](#)
 - [Крит. Гора Ида. 1500 метров. Натура](#)
 - [Прага. Воспоминания. Моя квартира. Кавардак](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Интерьер](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Моя натура](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Номер карины. Интерьер](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Номер Александра](#)
 - [Прага. Возможная реальность. Интерьер](#)
 - [Крит. Развалины древнего лабиринта. Натура](#)
 - [Крит. Бар Корнелия. Дамский покер. Игра](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Телефон](#)
 - [Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Интерьер](#)

- [Валерия...](#)
-
- [Клавдио](#)
-
-
-
-
-
-
-
-
- [Эпилог](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Иржи Грошек

Легкий завтрак в тени некрополя

«Кто это – утром на четвереньках?» – спрашивает сфинкс.

Морской паром от афинского причала

отошел ранним вечером 24 июля... С марта по октябрь греки – великие мореплаватели. Представьте себе: большие утюги разглаживают синий мундир, как теплоходы Эгейское море; утюги старательно обходят пуговки-острова; а на плечах мундира пыжятся эполеты – это чайки. Ни ветра, ни качки, ни волнения... Я прогуливался по верхней палубе и время от времени поглядывал на баклана, который лениво преследовал огрызок яблока за кормой. Меня подмывало плюнуть в него от раздражения, что баклан такой вялый и неромантичный. Что море скучное, что плыть на пароме до утра, что вечер придется провести в обнимку с бутылкой, что другой компании не предвидится. Кофе в баре пытались готовить по-турецки; я рассматривал в своей чашке кофе и тоже пытался установить его национальную принадлежность. Скорее всего, кофе был негром, но только не турком. Тогда я решительно подошел к борту и все-таки плюнул в баклана. Затем спустился на нижнюю палубу, открыл первую дверь, оказался в ресторане и отметил для себя, что это весьма кстати...

В ресторане я выбрал столик, развернул меню на четырех языках, подошел официант, я довольно толково потыкал в меню указательным пальцем и откинулся на спинку стула в ожидании кулинарного сюрприза. Иногда, чтобы не связываться с меню, я указываю официанту на «блюдо за соседним столиком» и говорю, что мне то же самое. Но в данном случае... За соседним столиком рыжий и толстый свинтус лопал все подряд со скоростью хорошего жонглера. Разлетались капли томатного соуса, какие-то котлетки шлепались в подливку – свинтус жевал, надкусывал, скреб, грыз, глотал и прихлебывал. Я не успевал разглядеть блюдо как следует, как оно исчезало. Официанты сломя голову бегали между свинтусом и

кухней... Иногда свинтус задерживал пустую тарелку, разглядывая – а не осталось ли на ней еще кусочка, и тогда официанту приходилось выдергивать тарелку из его пальцев, чтобы конвейер не останавливался. Ай да свинтус! Видали мясистого Вакха на полотне Рубенса? Он воскрес.

Она... Она тоже сидела за этим столиком и пускала сигаретный дым прямо в физиономию свинтуса. Тот отмахивался, продолжая есть, а она глядела на него в упор, не мигая, не отрываясь. Сама целеустремленность. И казалось, что главная задача ее жизни – пускать дым. На вид – лет двадцать пять, смертельная брюнетка с короткой стрижкой. Тонкие черты лица. Ноги и фигура – для сопровождения денежных персон на уикенд. Более отвратительной картины я еще не видел. А все из-за жирного свинтуса... Такие женщины должны мечтательно и одиноко поджидать принца из Монако, а не шляться по свету в сопровождении мешка с дерьмом.

«Давайте решим, что это ее папа», – подумал я, вытащил из кармана блокнот и ручку, затем как можно крупнее написал «Чтоб ему лопнуть!». По-чешски, разумеется. Потому что чуть раньше я слышал, как свинтус обронил малозначительную фразу именно по-чешски.

Эту надпись я разместил на своем столике втайне от свинтуса. Через некоторое время последовал кинжальный взгляд на мою записку – брюнетка на долю секунды оставила в покое толстяка и снова уставилась на него, не забывая дымить, как дракон. Я уж думал, что все на этом и закончится, но тут брюнетка загасила очередную сигарету и громко рассмеялась. От неожиданности толстяк поперхнулся и замер. И тогда все, кто был в ресторане, повернули головы, чтобы увидеть колоритную парочку. Гору тарелок на столе, рыжего свинтуса и его компаньонку.

– Питайся, Клавдио, питайся, – сказала толстяку брюнетка и снова рассмеялась.

Честно говоря, от ее интонаций у меня мурашки пробежали по спине и так же испуганно спрятались. Но свинтус Клавдио, наоборот, радостно и дружелюбно заулыбался своей спутнице и всем, кто хотел бы разделить его веселье. Желających оказалось немало; поднимались бокалы за здоровье Клавдио, за его отменный аппетит. Клавдио, пережевывая макароны, раскланивался в разные стороны.

– Извини, Клавдио, – сказала брюнетка и пошлепала толстяка по щеке, – мне надо поговорить с одним господином.

– Угу, ммм, угу, – согласился с нею Клавдио, и брюнетка бросила на стол салфетку...

Она даже не взглянула на меня, не остановилась, а только, проходя мимо, сказала «Пойдемте», и я вышел следом за ней на палубу.

В это время года темнеет мгновенно, без полудрежных сумерек, – без пятнадцати девять солнце начинает заваливаться за горизонт, ровно в девять кто-то выключает свет и зажигает звезды. Брюнетка прошла на корму, откуда внезапная прохлада разогнала пассажиров, и остановилась. Я, озабоченный судьбой оплеванного баклана, взглянул за борт, но кроме темного моря там не было ничего. Неожиданно ее лицо оказалось рядом, но романтического дыхания я не почувствовал.

– Вы только что предотвратили убийство, поцелуйте меня, я заслужила. – Всю фразу брюнетка выложила без запинки, в едином ритме, как будто долгие годы проговаривала эту фразу перед зеркалом.

Я пожал плечами и аккуратно приложился губами к ее носу. Пару секунд брюнетка смотрела мне прямо в глаза, переманивая к себе моих чертиков, затем чуть запрокинула голову и рассмеялась, все так же громко и необъяснимо. Ее манера экономно расходовать свои эмоции меня заинтересовала.

– И много у тебя таких номеров? – спросил я.

– Для тебя – сколько хочешь, ты мне нравишься.

«Кто пишет для нее сценарий? – подумал я. – Кажется, она хорошо выучила свою роль, а мне потребуется суфлер. Господи, какая моя следующая реплика?»

– Клавдио – это просто говорящий бегемот? – поинтересовался я.

Она улыбнулась. И я понял, что знаменитая улыбка Моны Лизы – это обыкновенная ухмылка педика. Потому что женщина улыбается туманнее. Ее усмешка не ответ, не намек, а вероятность, что так улыбалась ее прабабушка. И брюнетка разглядывала меня из глубины веков с точки зрения всего женского пола, а не отдельной представительницы. Загадка – как эти фурии объединяются в пространстве и во времени, чтобы обрушиться на одного мужчину. Доисторический хаос, где тени ушедших и нерожденных женщин летают, перетекая друг в друга. Откуда сейчас нашептывают

информацию прямо в подсознание конкретной брюнетки. Мне не следовало бы теперь расслабляться, но я наплевательски раскурил трубку мира...

Она подождала, пока трубка моя как следует раздымится, и требовательно протянула к ней свою руку... Когда-нибудь Смерть посетит меня. Она докурит мою трубку, допьет мое вино, дотрахаёт моих женщин. Потом скажет: «Пошли, дружище! Тут делать уж больше нечего...» И будет выглядеть точно так же, как эта брюнетка на пароме, который уплывает в темное море, в неизвестность и неизбежность.

– Несчастный Клавдио... – Она сделала еще затяжку: – Гадость, – и вернула мне трубку. – Все гадость: и трубка, и Клавдио, и я...

Когда женщина говорит, что она гадость, стерва и сука – она явно кокетничает...

– Я выскочила замуж за Клавдио полгода назад... Ты понимаешь по-чешски?..

– А на каком языке мы, по-твоему, разговариваем?

По-моему, она говорила на языке женского хаоса. Удивительно, что я его понимал.

– Полгода назад...

Она постукивала в такт своим словам по металлическому борту. Я изогнулся, чтобы посмотреть – чем же она стучит? Оказалось – коленом. От безысходности или желая дать кому-нибудь хорошего пинка.

– Вообще-то, Клавдио приходится мне дядей, – продолжала она. – Значит, я вышла замуж за своего дядю.

Она помолчала и снова рассмеялась. Так ей подсказывали из женской преисподней.

– Если зашла речь о Клавдио, то пора бы его остановить, иначе из съестных продуктов на пароме ничего не останется, – заметил я.

– А я тебя съем, – пообещала она.

Вот в этом я ничуть не сомневался.

– Кто ты?.. – спросила брюнетка и тут же продолжала: – А впрочем, не все ли равно? Мы плывем на Крит, ты плывешь на Крит. Пойдем, я познакомлю тебя с Клавдио.

– Всю жизнь мечтал. – Теперь уже я рассмеялся.

Но она меня не поддержала. Пауза, во время которой я наслаждался своим остроумием, была в полной мере использована этой женщиной. И я почувствовал себя дурак дураком.

– Мне глубоко неинтересно, о чем ты мечтал всю жизнь, – сказала она. – Ты идешь знакомиться с Клавдио?

Последний раз я обращался к врачу по поводу легкой простуды. Боже мой, он проглядел шизофрению! Я ответил брюнетке, что согласен познакомиться и с Клавдио, и со всеми остальными ее родственниками, если таковые имеются на этом пароме.

– Тогда пойдем. – Она взяла меня под руку, как чопорная леди, и тут я неосторожно спросил:

– А мне это надо – идти с тобой?

А мог бы и не спрашивать... Глупый вопрос, сродни философии, – а в чем смысл жизни? Лишь на мгновение брюнетка прижалась ко мне, и вся мировая философия полетела к черту. Смысл жизни – в самой жизни. В продолжении жизни... И я почувствовал, что очень хочу ее продолжать. И брюнетка это тоже почувствовала...

– Я ответила на твой вопрос? – невинно промурлыкала она.

Теперь брюнетка ожидала, когда я открою дверь в салон. Чтобы выйти к публике и раскланяться.

– Вполне ответила, – пробурчал я немного смущенно.

Потому что смысл жизни обнаружился у меня ниже пояса... И стал заметен.

– Теперь думай о цифрах и считай до десяти, – посоветовала мне брюнетка.

– ...Сорок восемь, – представился я, когда мы дошли до Клавдио. Он уже все проглотил и теперь развлекался в другом салоне. Добрые люди уступили Клавдио угловой диван, и толстяк наслаждался там простором и пивом.

– Простите, что не расслышал – как вас зовут? – Клавдио утопил меня в любезной улыбке.

– Его зовут Милош Корда. – Брюнетка удобно устроилась на диванчике и продолжала: – Фамилия у него чешская, но думаю, что это псевдоним. Может иметь в кармане французский, немецкий, русский, канадский паспорт, а может не иметь никакого. Кинорежиссер, писатель. Снял два фильма на киностудии «Баррандов». Выпустил книгу. Лет около сорока, если не тридцати. Плывет на Крит, один, без

съемочной группы. Зачем? Никто не знает. Ты все расслышал, Клавдио, просто он тебе ничего не сказал. Кто ты такой, Милош Корда? Интересно узнать...

Мне не надо было считать и представлять цифры – просто выслушал брюнетку, и все опустилось... Меня разыграли, как ребенка. Пообещали, что покажут настоящего Санта-Клауса, а появился пьяный сосед в маске. Потому что в этом году его очередь дурачить детей из нашего дома.

– Вы журналистка? – спросил я.

– Моя жена Валерия, – важно представил брюнетку Клавдио. – Мы очень рады такому знакомству. Разрешите угостить вас пивом...

– Пиво – враг потенции, – сказала Валерия. – Пей его сам. Ты, Клавдио, друг пива.

Клавдио, шевеля губами и пальцами, попытался сопоставить одно с другим, и уже намечались выводы, когда Клавдио плюнул на выводы и отхлебнул пива. Господи, сделай же и меня идиотом. Чтобы жил я в радости, а не играл с чертом в шашки. Чтобы маразм и импотенция посетили меня как можно раньше и желательно одновременно. Тогда бы я сочинял вестерны и не гонялся за чужими женами.

– Я с режиссером выпью вина. Надо беречь потенцию режиссера, – подытожила Валерия. – Режиссер – наш друг.

Теперь настала моя очередь шевелить губами и делать выводы. Клавдио поманил к себе официанта, который испуганно заметался между столиков, когда увидел, кто его подзывает. На кухне, по всей вероятности, трубили полный аврал, но, ко всеобщему удовольствию, Клавдио заказал только бутылку хорошего красного вина.

Это природное кокетство, если женщина смотрит на тебя поверх бокала. Когда темные глаза становятся бархатными раньше, чем губы прикасаются к вину. Но когда бокал красного вина стоит на столе и туда опускается указательный палец, а затем палец следует в рот – что это? Вероятно, дегустация.

– Как тебе вино, дорогая? – невозмутимо спросил Клавдио у Валерии. Наверняка он видывал и другие бархатные штучки в исполнении Валерии.

– «Дорогая» не ответила на мой вопрос, – напомнил я.

– На который? – удивилась Валерия. – Нет, я не журналистка. А какой у тебя был ко мне вопрос? Уходи-ка, Клавдио, разве не видишь –

наш тайный друг хочет задать мне неприличный вопрос. Я обожаю неприличные вопросы. После них пересматриваешь теорию Дарвина.

Диван подо мною закачался. Я подумал, что паром налетел на рифы, но оказалось – рыдал Клавдио.

– Вы видите, – всхлипывал Клавдио, подкрепляя свои слова добрым глотком пива, – какая она умная, какая она красивая, нет, вы видите это?..

А также и то, что секундой раньше, покуда Клавдио возился с носовым платком, Валерия показала мне язык. Вдобавок умиление Клавдио своей женой было вызвано цитатой из моей книги. «Обожаю неприличные вопросы» и так далее про Дарвина – написал я. И не думал, что мои заслуги перед всемирной литературой настолько велики.

– Значит, ты ее прочла?

– Значит, я ее прочла, – отвечала Валерия.

– Она знает все «Записки Пиквикского клуба», – подтвердил Клавдио, понемногу успокаиваясь.

– Главное достоинство книги – фотография автора на обложке, – продолжала Валерия. – У тебя было самое дебильное выражение лица. Трубка, шляпа... «Так должен выглядеть настоящий писатель», – сказала я. Если хочешь плеснуть в меня вином – не стесняйся. Я это тоже обожаю.

– Да, – сказал Клавдио, – она много чего любит. Не успеваю покупать.

Я отметил, что последние полчаса Билл Клинтон нравится мне все меньше, а Валерия все больше. Это было так же необъяснимо, как и то, при чем здесь вообще Билл Клинтон. Я, откровенно говоря, «зевнул», и Валерия за один только ход «слопала» три мои фигуры: самолюбие, сомнение и самонадеянность. Остатки возмущения дожевывал добряк Клавдио. Что мне оставалось? Я, как Валерия, подумал и рассмеялся. И тоже опустил в бокал указательный палец.

– Я могу облизать твой палец, – сказала Валерия, придвигаясь ко мне. – Только не бросай меня в терновый куст.

– Знаю-знаю, – восторженно вскрикнул Клавдио. – Это сказка про братца Кролика и братца Лиса.

– Осталось только распределить роли, – вполголоса произнесла Валерия.

– Сказка... – мечтательно продолжал Клавдио, закатывая глаза, и вдруг его голова стала клониться набок, после чего он вновь встрепенулся и сообщил как робот: – Перепил пива. Пора спать.

– Клавдио, ведь ты не против, если я с нашим другом посижу в баре. – Судя по интонации, это был не вопрос.

– Храпеть может любой мужчина. – Клавдио широко развел руки в стороны и сбил со стола пару пустых бутылок. – Друг наш, – проникновенно сообщил мне Клавдио, – я храплю только первые два часа, после чего Валерия может спокойно идти спать.

– Договорились. – Я пожал ему руку.

Вообще-то Клавдио надо придумать сигнал, вроде паровозного гудка. Глядя, как от него волнами отлетают пассажиры, вы бы тоже так подумали. Одна высокая блондинка несколько замешкалась перед Клавдио. Он меланхолично подождал, икнул пивом – блондинку как ветром сдуло, после чего Клавдио зажег сигнальные огни и поплыл дальше.

– У тебя нет любовников, – сказал я. – Нет никакого интереса наставлять Клавдио рога.

Валерия поигрывала пальцем в пустом бокале.

– Отчего же? – ответила она. – Было бы забавно поглядеть на Клавдио с натуральными рогами... Но, как показывает практика, сколько ни старайся, а рожки у мужчин не растут.

– Безобразие, – изрек я для поддержания разговора. – Как говорит одна моя приятельница...

– А у тебя их много? – спросила Валерия.

– Кого? – не понял я и машинально ощупал голову там, где обычно не растут рога.

– Приятельниц, – уточнила Валерия.

– Да как тебе сказать... – замялся я.

– И кто же это, после Агриппины? – Валерия невинно опустила ресницы.

Теперь я разозлился всерьез. Вначале она водила меня за нос, разыгрывая черт знает что. Потом она водила меня как слона за хобот, заставляя воображать, что это не часть моего тела. Затем называла меня дебилом, а кто я такой после всего перечисленного. Допустим, кое-что обо мне можно узнать с обложки... Помнится, кроме фотографии с трубкой была там напечатана и краткая биография. Но

про Агриппину – ни слова. Почему там должно быть написано про Агриппину? Про Агриппину вообще нигде не упоминалось. Ни мною, никем, никогда. А теперь эта штучка сидит и неприхотливо раскладывает пасьянс из моей личной жизни. Да кто она такая, в конце-то концов? И откуда?

– Не напрягайся, – посоветовала мне Валерия. – Пойдем выпьем в баре по рюмочке текилы. Как мужчина с женщиной...

– Откуда ты знаешь про Агриппину? – Я сверлил ее глазами.

– Как дятел с дятлом, – повторила Валерия. – По ма-а-аленькой рюмочке... Выпьем. Вспомним Агриппину. Ведь она была и моей любовницей...

– Как это? – растерялся я.

– Нежно и медленно, – сразу же пояснила Валерия. – Конечно, были там всякие сложности, но мы их преодолели... Ты идешь в бар?

И я поплелся за ней в бар. Вспоминать Агриппину.

Агриппина была моей любовницей. А точнее – я был любовником Агриппины. Наш роман отличался скоростью исполнения в самых неподходящих для этого местах. Лифт девятиэтажного здания – не самое экзотическое место, где мы занимались трудной любовью. Восемь этажей вверх – время Агриппины. Пять этажей вниз – моя очередь. Я никогда не видел Агриппину полностью обнаженной, а только частями. Наша эротика состояла из приоткрыть, приспустить, приободриться, после чего отнести вещи в прачечную. У кого-то есть муж, у кого-то – жена, и, наверное, эти посторонние люди вносят в жизнь любовников некое разнообразие и остроту ощущений. Мы с Агриппиной были свободны, поэтому искали разнообразия другим способом. Лишь изредка наши встречи происходили у меня в квартире, да и то в труднодоступных местах. Под обеденным столом, на подоконнике и даже, грешен, в платяном шкафу с закрытыми дверцами. По правде говоря, я не раз предлагал Агриппине попробовать что-нибудь традиционное, например на постели, но Агриппина всякий раз отговаривалась, что нет у нее на это времени. Зато есть взрослый сын, который требует ухода и внимания. Не скажу, что наши проделки в лифтах, подъездах и шкафах меня здорово утомили. Наплевать, что думали обо мне в прачечной, особенно после одного случая, когда мы забрались с Агриппиной в паровой котел на свалке металлолома. Но когда Агриппина пожелала меня в

переполненном вагоне метро, между старушкой и металлическим поручнем, я адресовал ее, временно, к старушке. Все равно надо было передохнуть и поразмыслить, ибо не так уж много осталось на планете эротических мест, подходящих для нас с Агриппиной. Но, как теперь выяснилось, Агриппина искала не место, а новый смысл. И нашла Валерию.

Вначале мы выпили с Валерией текилы, потом еще раз текилы. Так выходило, что через каждые пять минут Валерия оказывалась ко мне все ближе и ближе. А с разговором об Агриппине Валерия придвинулась ко мне вплотную. Плечо к плечу мы выпили еще текилы.

– Ревнуешь? – спросила у меня Валерия.

– А надо? – спросил я. – Почему вы расстались?

Валерия рассмеялась. Я сделал знак бармену, чтобы он отворотил свою физиономию и не обращал на нас никакого внимания. Thank you!

– Видите ли, юноша, – Валерия играла пальцами на моей ладони, – ненормальные отношения между двумя нормальными женщинами случаются чаще, чем этого хотелось бы вам, мужчинам.

– Это опять моя фраза.

– Наплевать. – Валерия заказала еще текилы. – Так вот, девушка, если вам не хватает любви и тепла – ищите женщину.

– Это твоя фраза.

– Это моя жизнь! – Валерия опрокинула в себя текилу и показала пальцем, где теперь живет текила. Между двух холмов.

– Значит, тебе не хватает любви? – спросил я, расправляясь со своей порцией.

– И все-таки я что-то не так объяснила! – Валерия перевернула свою пустую рюмку вверх дном и жестами показала бармену, что ей сегодня больше не наливать. – Понимаешь, можно любви много, можно любви всякой – не это главное. Пойдем отсюда, а то у тебя разовьется косоглазие...

Мы вышли из бара прямо на палубу. Свежий ветерок обдувал разгоряченное лицо Валерии. Предусмотрительные греки спрятали до прихода в порт свой национальный флаг, и теперь паром шел в темноте конфиденциально, как Ноев ковчег. И я решил поделиться с Валерией своими мыслями о формах размножения. Начиная со времени Всемирного потопа и по сегодняшней день. Когда женщина ищет

новые пути зачатия и спит с женщиной. А если серьезно, главное для женщины – чувство, в какой бы форме оно ни проявлялось. Женщина – это вечный двигатель сексуального прогресса. А если серьезно, главное для женщины – ее эротические фантазии, а не их воплощение. И так далее... Я и не думал, что так много выпил.

– Честно говоря, – отвечала мне Валерия, – я этого не знаю. Ты рассказываешь о причудах женщины, а я этого не знаю. Я не знаю – почему. Я не знаю – отчего. И не хочу объяснять то, что делаю. Я заказала для тебя каюту рядом со своей.

– Зачем? – изумился я.

– Наверное, я сумасшедшая, – как ни в чем не бывало отвечала Валерия.

– Когда?

– Две недели назад, – рапортовала она.

– Что?!! – И хмель у меня вылетел из головы.

– Это все просто, – тараторила Валерия, – я узнала, ты едешь на Крит, мне сказала Агриппина, я собрала Клавдио, купальники, твои книги и заказала каюты.

– Зачем?

– Ты уже спрашивал, – напомнила мне Валерия.

Я решил больше ничему не удивляться. Однажды на пароме я встречаю незнакомую женщину, которая, оказывается, в курсе, что я писался в штаны до трех лет, которая всего лишь любовница моей любовницы, которая заказывает для меня каюту, как только я подумал ехать на Крит, – и что тут удивительного?

– Что дальше?

– Хороший вопрос, – оценила Валерия. – Дальше, как порядочный мужчина, ты должен сделать мне два одолжения.

– Еще два? – Я все-таки удивился, учитывая, что одно одолжение для нее уже сделал – не придушил на месте.

– Никогда не расспрашивай меня про Агриппину, – Валерия указала на свой мизинец, – и никогда не рассказывай Агриппине обо мне. – Ссылка на безымянный палец.

Ревность – это не чувство, это тоже игра воображения. Однажды я застал свою приятельницу, когда она занималась любовью с другим мужчиной. Я так расстроился, что вначале треснул пепельницей приятельницу, затем ее друга, а потом – себя. Они разрушили мою

игру. Целый месяц я подозревал ее во всех грехах, выслеживал, проверял записную книжку – я этим жил, воображая, как, где и с кем она занимается развратом. И вдруг все кончилось. Передо мною его волосатая задница, ее довольная рожа – отвратительная конкретность. Просто – гадкие голые люди на моей постели. Господи, подумал я, неужели мысли мои такие же голожопые, как эти двое придурков? Мне мерещились тайные знаки, которыми обмениваются любовники, мимолетные встречи и жаркие свидания, случайно оброненное слово и перехваченная записка. Да разве его мошонку или желтые пятки я воображал, мучась по ночам от подозрений? Такая конкретность унижала меня как создателя иллюзии, как творческую личность. Мой мозг уравнили с кучкой дерьма, и, кажется, намеренно. Помню, что тогда я очень обиделся. И глупо думать, что я бы стал выпытывать у Валерии, как она проводила время с Агриппиной. Может, еще и фотографии попросить? Полуприкрытая, полураспущенная, полураспахнутая Агриппина и без того тревожила мое воображение, а в совокупности с непонятной Валерией... О, тут предлагалась некая пища для моего ума.

– Три часа ночи, – сказала из темноты Валерия. – Каюта совсем не понадобится. Через два с половиной часа мы будем на Крите. Ты сможешь мне разбудить Клавдио... Все вместе мы сядем в такси... Поедем в отель под названием «Афродита»... Возьмем соседние номера... Распакуем свои чемоданы...

Кажется, я задремал. И очнулся, когда Валерия стала перечислять, какие именно чемоданы будет она распаковывать и какие вещи оттуда доставать...

– Какая «Афродита»? – встрепенулся я. – У меня заказан номер в отеле «Диоген».

Два раза в жизни я видел полупьяного шамана. Один раз в кинофильме о коренных жителях Аляски, второй раз сейчас.

– Окна будут выходить в сторону моря... – продолжала раскачиваться, как в трансе, Валерия. – Утром мы будем плавать в бассейне... Вечером сидеть в таверне... И звезды будут зажигаться для нас... И солнце...

Так все и случилось.

Через два часа мы разбудили Клавдио. Еще через полчаса паром причалил в порту города Ираклион. Следом за Клавдио мы спустились

по длинному трапу на берег. Взяли такси и поехали в долбаную «Афродиту».

С марта по октябрь греки – отчаянные водители. И демонстрируют природное мастерство фигурной езды раскисшим туристам. Чтобы они как следует взбодрились. Через пять минут автомобильных выкрутасов даже Клавдио проснулся окончательно и перестал храпеть в ухо таксисту. Валерия мурлыкала какую-то песенку рядом со мной и, несмотря на выпитую текилу и бессонную ночь, была безоблачна, как утро на Крите.

Что за песенки, Валерия?

Но вскоре мы подъехали к «Афродите», получили ключи и заняли двухместные номера по соседству. Зачем мне двуспальная кровать, Валерия? И окна с видом на море... И храп Клавдио за стеной... И еще холодная вода в бассейне...

Однажды в зоопарке мне показали увядающего гиббона. Самец сидел в клетке и пялился на человеческих самок. У гиббона имелась правильная сексуальная ориентация. Когда появлялась на горизонте аппетитная попка – гиббон аплодировал, когда видел солидные сиськи – пытался свистеть. Я остановился рядом с клеткой, и мы здорово провели с гиббоном время. Я даже сбегал за парой банок пива, но служительница зоопарка отказалась передать гиббону пиво. Как и пачку сигарет. Тогда самец гиббона весело мне подмигнул, ухватил ближайшую гиббониху и наслаждался. Служительницу как ветром сдуло. Вероятно, ей было неудобно, что подопечный гиббон при всех имеет мартышек. А мне хоть бы хны! И гиббону тоже. Мы выпили с гиббоном пивка, обсудили кое-какие подробности из мужской жизни... В общем, когда меня выводил из зоопарка полицейский, а гиббону крутили лапы, мы пришли к единому мнению, что жизнь, по всей вероятности, – дерьмо. Невероятно скучна – без текилы и человеческих самок. Утром я отправился в банк и перевел на лицевой счет гиббона кое-какую сумму. Чтобы он мне не завидовал. Вот какого черта я нахряпался на пароме текилы и увязался за чужой человеческой самкой?

И теперь надо было непременно найти, чем гостиница «Афродита» хуже отеля «Диоген». Заявить, что условия здесь невыносимы, и выехать побыстрее от греха подальше. Я спустился к портю, потребовал туристический буклет и принялся сравнивать

реальную «Афродиту» с картинками на буклете. Посетил бильярдную, оба бара, мини-шоп неподалеку от отеля, коридор и солярий. Проверил четыре лифта, кондиционер в номере, пылесос в комнате у горничной. Не обнаружил симпатичного администратора, одного бильярдного шара, женщину с красивыми ногами в небрежной позе у стойки бара. Возмутился. Но не очень. Попробовал поймать три монеты одной рукой и погладить проходившего мимо мальчика по голове. Мальчик показал мне язык. Гадкий мальчик.

Продолжая свою обзорную экскурсию, я вышел с буклетом в руках на открытую террасу. Два бассейна, пляжный бар между бассейнами. Все работает. Через дорогу ласковое море. Шумит. На небе ни облачка. Солнце светит. Рассчитывая как следует разозлиться за завтраком, я вернулся в отель и заказал себе легкий завтрак, как на картинке. Со злорадством я ожидал в ресторане свой омлет...

– И мне то же самое, – прощепетали у меня за спиной, и Валерия присела за мой столик.

Я был самым добрым и любезным мужчиной на побережье. Мне нравился официант, который ни слова не понимал по-чешски, мне нравилась муха, прилетевшая на омлет, мне нравилась бурда, которую выдавали за натуральный кофе. Я любил свой завтрак, покуда его пережевывал. Валерия была восхитительна. Простите за старомодное слово. Но мужчина в восторге от женщины со времен палеолита. Валерия была восхитительна. И никакие попытки оставить Валерию – ни к чему. Ах ты мое солнышко...

После завтрака мы разошлись на минутку по номерам, чтобы переодеться и открыть плавательный сезон в этом отеле.

– Сейчас я буду участвовать в конкурсе, – предупредила меня Валерия, когда мы спустились обратно в холл и оттуда вышли на солнечную террасу. Когда я говорю «мы», это значит – только я и Валерия. У Клавдио была своя замечательная жизнь, полная пива и пищи... На Валерии был пляжный халатик, у Валерии в руках была пляжная сумочка, в которой женщины обычно таскают всякую дрянь. Несмотря на ранний час, вокруг бассейна уже расположилась солидная туристическая группа.

– Что за конкурс? – осторожно спросил я.

– На лучший бюст и лучшую попку в этом отеле, – решительно заявила Валерия. – Надеюсь, у тебя все готово к голосованию? – И

бросила взгляд ниже моего пояса.

– Валерия, я тебя умоляю... – занервничал я.

– Хорошо, – согласилась Валерия, – голосование будет тайным. Так... – Она надела пляжные очки и оглядела караваны шезлонгов. – Начнем, пожалуй...

Валерия скинула халат и пошла вдоль бассейна. Разумеется, бюст обнажен и на попке – символический треугольник. Я следовал за Валерией с видом гуляющей просто так гориллы. То есть скалился на солнце и хмуро озирался. Не скажу, что наше появление вызвало ажиотаж, но заметное оживление – несомненно. Чуть меньше ростом, чем Валерия, тем не менее я подавил всех своим интеллектом. Всех без исключения. На меня боялись даже взглянуть. Поэтому отводили глаза в сторону Валерии. Я очень пожалел, что с нами не гуляет Клавдио, тогда бы фурор от нашего появления был полнее. Намного полнее. В конце концов мы отыскали два свободных шезлонга под солнцем.

– Уверенно второе место, – сообщила мне Валерия итоги конкурса.

– А кто же занял первое? – самодовольно ухмыльнулся я.

– Дело вкуса, – пожала плечами Валерия, – но, по-моему, вон та шатенка возле бара.

Агриппина! Я чуть было не выскочил из шезлонга от неожиданности. Но, слава всем богам, это была не Агриппина.

– Укололся? – заботливо спросила Валерия. – Кто-то иголочку в шезлонге оставил?

– Показалось, – сообщил я Валерии, тщательно отряхиваясь.

– Бывает, – согласилась со мною Валерия и вытянулась на своем шезлонге во весь рост.

Воображение действительно каверзная штука. Вид обнаженных женщин на пляже, особенно когда их много, не вызывает таких эмоций, как обычное декольте. Уж настолько откровенными бывают разрезы на платьях, и все равно пытаешься заглянуть – а что там дальше? Боюсь показаться старым занудой, но в этом суть отношения мужчины к женщине. Он все время в желании заглянуть, ждет от женщины какого-то продолжения, а какого – не знает сам. Вот, к слову, обыкновенная женская грудь, которую мужчина видит с первых минут

своей жизни. А какая экспрессия при виде молочных желез на стройном женском теле!

– Второй раз предупреждаю – у тебя разовьется косоглазие, – вполголоса сказала Валерия. – Поверни голову и спокойно рассматривай меня горизонтально.

– Как ты все видишь? У тебя глаза закрыты.

– Я не вижу, я чувствую.

Итак, воображение... Вот грудь интересной женщины. Очень интересная грудь. Теперь допустим, что это твоя законная жена. Вызывает эмоции? Не вызывает. А если незнакомая женщина?.. У-у-у!..

– Ты чего скулишь? – обеспокоилась Валерия.

– Жарко.

Десять минут, проведенные в бассейне, вернули мне смысл пребывания на суше. Несколько раньше я мечтал стать рыбой – до того у меня пересохли жабры. Кружка холодного пива подкрепила мое решение остаться в образе человека. Если я говорю «пиво», то подразумеваю Клавдио. Он появился на террасе, как только я сделал первый глоток. И уверенно направился прямо к стойке пляжного бара. Там Клавдио скорее всего подключился непосредственно к трубе, из которой наливали его любимый напиток, и ушел в процесс наполнения и насыщения. Валерия неодобрительно хмыкнула, постучала пальчиком по моей кружке пива, а затем указала на Клавдио. Антиреклама.

Видимо, грек-посыльный давно топтался между шезлонгами, потому что я успел привыкнуть к позвякиванию его колокольчика. Наконец он привлек мое внимание. Вернее, черная табличка, которую посыльный держал в руке.

– По-моему, он разыскивает тебя, – заметила Валерия.

Я и сам бы догадался, потому что мелом на табличке была написана моя фамилия.

– Это начальные титры фильма, – сказал я, подзывая к себе грека.

– Из отеля «Диоген», – сообщил посыльный и передал мне два конверта. – «Диоген» – часть нашей структуры. – Грек широким жестом охватил все побережье, потом смутился и уточнил: – Из четырех отелей.

В первом конверте было послание от Александра. «Прилетаем двадцать седьмого. У меня потрясающая идея. Беру с собой Лолу». Во втором конверте – только моментальный снимок, сделанный на фотокамере «Поляроид». Ни адреса, ни пояснительной записки. Я уставился на фото, вращая карточку, как гадают на кофейной гуще. Когда я в очередной раз поменял угол зрения, Валерия вывела меня из транса:

– Ну не настолько же она квадратная!

– Кто? – спросил я, продолжая вращать фотокарточку вокруг невидимой оси.

– Девушка на снимке, – уточнила Валерия.

– Тут нет никакой девушки, – задумчиво произнес я и передал Валерии фото.

На снимке была только часть девушки, а именно кисть руки. Ярко-красный маникюр, бледная кожа и синие вены, как дельта Стикса. Если в этом состояла потрясающая идея Александра, то прямо в аэропорту я дам ему по физиономии. От испуга. Если это фотография Лолы, то Александр может смело заказывать ей билет обратно. Я не Хичкок. Во всяком случае, не собираюсь на Крите снимать фильм из жизни привидений.

– Симпатично получилось, – сказала Валерия, разглядывая фотокарточку. – Можно поместить это в рамочку и любоваться на сон грядущий. Только не злоупотребляй.

Валерия положила карточку в конверт и вернула мне. Я все еще пребывал в размышлениях.

– Наверное, самое время выпить, – вздохнула Валерия, приподнимая солнечные очки. – Друг мой, – она окинула меня взглядом, – нельзя быть таким впечатлительным.

И в самом деле. Все разъяснится, когда прилетит Александр. А пока предстояло разобраться с Валерией и задать ей пару наводящих вопросов. На что я могу рассчитывать и когда оправдаются мои расчеты? Для свободной любви у меня оставалось не так много времени. Судя по сообщению, Александр с киногруппой прилетает послезавтра, и мы будем заняты выбором места для съемок. Предстояли утомительные разезды по всему побережью Крита, от знаменитого пляжа с пальмами до... не знаю чего. Бегать, как папуас, по тридцатиградусной жаре, забираться в горы, чтобы обозреть

панораму, – до свободной ли тут любви. Так, перехватишь какую-нибудь куколку из кордебалета за тенистым кустом, и вся любовь. Но Валерия, казус жизни, тревожила меня сейчас больше, чем натурные съемки. И даже больше, чем сценарий фильма, в котором, кстати, одни эпизоды просто следуют за другими. По количеству эпизодов наш сценарий мог смело претендовать на самостоятельный раздел в Книге рекордов Гиннеса. У меня всегда так... Разные критики хлопают меня по плечу и говорят, что «это – вещь!». «Эту вещь, – говорят они, – надо публиковать. По этому сценарию, – говорят они, – можно сделать хаа-ароший фильм». А я чувствую, что мне не хватает стержня. Какой-то мысли, фразы, нитки, на которую можно нанизать бусинки. Время от времени я выхватываю у кого-нибудь из рук мой литературный сценарий и дописываю пару фраз. Мне кажется, что я нашел эту ниточку. Но минут через десять я врываюсь в кабинет директора, нахально роюсь на его столе и, обнаружив свой сценарий, черкаю, черкаю, черкаю – покуда у меня его не отнимут. Главная задача Александра, по его мнению, вырвать у меня сценарий, когда там содержится наибольшее количество эпизодов. Покуда я все не зачеркал. Александр оптимист. Опасный оптимист. Это он заверил руководство кинокомпании, что сценарий окончательный и обжалованию не подлежит. Это он утвердил кипу бумаги, выдавая мои отрывки за цельный литературный сценарий. А когда подписали смету фильма, у Александра не дрогнула рука заграбастать деньги. Авторский гонорар и все прочее. Теперь кинокомпания оплачивала нашу поездочку на Крит. Именно «поездочку», потому что я не был уверен в необходимости этой туристической прогулки. А может, мне надо начинать съемки в Египте? «Не надо! – заверил меня Александр. – По сценарию действие разворачивается на Крите». Да пошел ты!.. Оптимист. Помню, все помню, как Александр заливался соловьем в руководстве кинокомпании! Забыть не могу, что он там наплел... «О, господин директор, это будет прекрасный кассовый фильм! Да, господин директор, Крит – это колыбель! Колыбель цивилизации! Обязательно, господин директор, обнаженная Клеопатра в колыбели! Нет, господин директор, Клеопатра вполне сформировалась! Сиськи больше колыбели! А кто говорит о порнографии? Это будет прекрасный кассовый фильм, господин директор!» О размножении улиток, должно

быть, если в голову мне не придет что-нибудь поинтереснее. В поисках мысли я отправился путешествовать на пароме, думая, что меня особенным образом растрясет и роды будут легкими и преждевременными. Но теперь я мечтал только об одном – чтобы Александр всего лишь на недельку разбился на самолете, покуда я что-нибудь не придумаю. Я честно, не бегая за юбками, буду трудиться за рабочим столом, ни на что не отвлекаясь. Когда тело Александра вытащат из-под обломков самолета, у меня появится целый день, чтобы еще раз продумать сценарий. «О какое горе, господин директор! Да, мне потребуется время, да, надо проводить в последний путь погибшего друга». Пусть собаки его хоронят. Целых три дня. А в это время сценарий обрастает смыслом. «Если бы вы знали, господин директор, какая это тяжелая утрата для меня! Мне просто необходима еще пара дней, чтобы прийти в себя, господин директор!» А сам работать, работать. И наконец: «Вот наш новый сценарий, господин директор! Кто со мною рядом? А, это паразито Алехандро! Восстал из мертвых! Сейчас он будет требовать дополнительных расходов. Для поездки в Египет. Пожалейте его, господин директор!» Но разве «паразито Алехандро» погибнет на недельку? Разве он окажет такую услугу своему товарищу? Нет, он припрется уже послезавтра, приволочет за собой какую-то Лолу и будет пучить на меня глаза в ожидании какой-нибудь осмысленной фразы. Лола будет поминутно пудриться, говорить, что ей жарко, душно, что в ее гостиничном номере плохо работают кондиционеры, что еда отвратительная, и так далее. Когда я поставлю эту Лолу в какую-нибудь позу – тогда она запоеет по-другому. Что остров чудесный, что всюду музыка и веселье и только один я гадкий, душный и злой, потому что у меня нет настоящего сценария. Вот когда она, Лола, снималась – «у... впрочем, не важно, какого режиссера...», – он так полюбил ее, Лолу, он так восхищался ее актерским мастерством! Он боготворил ее, Лолу, настолько, что... Что тут я пошлю Лолу к такой-то матери! Потом пошлю туда же Александра. А потом сяду и буду писать сценарий. Так стоит ли все это начинать? Может быть, лучше взять Валерию за руку, пойти с ней в двухместный номер, и там, несомненно, у меня появится сюжет, который, быть может, понравится Валерии.

Но Валерия, маня пальчиком, звала меня в сторону пляжного бара. Клавдио испуганно замычал, когда мы подошли к нему поближе. Он

специально выбрал такое место, где пустые кружки убирались со стойки сразу же, как только Клавдио их опорожнял. Поэтому в свинстве замечен не был, за что мы его и похвалили. От нашего появления Клавдио, видимо, не ждал для себя ничего хорошего. Идти купаться он не хотел, выходить на солнце тоже – Клавдио нашел свое место и не желал его оставлять, опасаясь, что кто-нибудь да займет. Относительно Валерии он настолько не беспокоился, что его уверенность начинала меня пугать. Муж Валерии был начисто лишен либо воображения, либо нервов. Либо зрения. Либо всех чувств, кроме голода разумеется. Но Клавдио больше подозревал меня в попытке выпить его пиво, чем в попытке «отведать Валерии». Честно говоря, до сих пор не ясно – кто кого хочет отведать? Но к женским причудам надо относиться бережно и терпеливо, иначе можно загреметь за изнасилование. Шутка. И тайные надежды. Потому что не было у меня мысли овладеть Валерией, хотя было желание. Вы видите разницу между чувством и ощущением? Я тоже. С Валерией предполагалось чувство, и я не спешил в этом разубедиться.

От конкретного предложения пойти отобедать Клавдио не смог отказаться. Главное, что таверна была в двух шагах, и Клавдио даже оставил на стойке бара недопитую кружку пива, только пытливо оглядел бармена – можно ли ему доверять? Мы устроились на открытой террасе между какими-то фикусами, Клавдио согласился, что пиво и тут неплохое, а мы с Валерией слегка размялись текилой и жареными кальмарами. Когда перед Клавдио замелькали официанты, мы пересели за соседний столик, чтобы никому не мешать.

– Расскажи мне о себе, – попросил я Валерию.

Через дорогу лениво плескалось море, невдалеке вырисовывался соседний островок, рядом сидела интересная женщина и пыталась ногою сбить с фикуса ящерицу.

– Когда мне было десять лет, – рассказывала Валерия, – все принимали меня за мальчишку. Но как только возникала какая-нибудь опасность, я доставала из кармана бантики, цепляла их на голову и говорила: «Я девочка. Не смейте меня трогать». Сейчас я все время прикидываюсь мальчиком.

По дороге с криками «Кукуруза!» ездил греки на мотороллерах, за ними туристы на арендованных автомобилях, за соседним столом

чавкал Клавдио. Во всем не было никакого смысла. Почему я должен был искать смысл в словах Валерии?

– Когда мне было четыре года, – продолжала Валерия, – я увидела мертвую собаку. «Дохлый?» – спросила я у матери. «Дохлый», – отвечала она. Мы пришли домой, я стала играть с механической бабочкой на колесиках. Крутишь колесики – бабочка машет железными крыльями, но не летает. «Мама!» – позвала я. Мама лежала на диване и не отвечала. «Мама, ты дохлый?» – спросила я. «Дохлый-дохлый», – сквозь сон отвечала мама. Тогда я подошла поближе и что есть силы стукнула мать по голове железной бабочкой. Она тут же вскочила с дивана. Я была очень довольна, что мне так легко удалось оживить свою маму. Эту механическую бабочку я храню до сих пор.

– Когда я сдохну, зайди ко мне со своей механической бабочкой.

– Обязательно, – согласно кивнула Валерия. – Клавдио, – оглянувшись она, – ты найдешь обратную дорогу к пиву?

Клавдио внимательно посмотрел в сторону отеля и пляжного бара, оценил расстояние и степенно сказал:

– Найду.

– Тогда мы прогуляемся по побережью. – Валерия взяла меня за руку. – Клавдио, ведь ты не возражаешь?

– М-м-м, – не возражал Клавдио.

Песчаные участки пляжа чередовались с каменистыми. Мы шли вдоль побережья – где босиком по мокрому песку, в полосе ленивого прибоя, где надевали сандалии и возвращались обратно на дорогу. По пути мы завернули в отель и приняли душ, каждый в своем номере...

Мы с Александром – мастера батального жанра. Когда требуется снять грандиозное сражение, мы напускаем столько дыма, что вдвоем заменяем целую дивизию. Главное в кино – почаще «засовывать в кадр» различные части тела. Все в дыму, рабочие кидают лопатами землю, мы выдвигаем руки, ноги, один раз Александр показал даже свою голую задницу. Господин директор задницу Александра забраковал, а в остальном был доволен, потому что за пару центов получилась прекрасная битва при Ватерлоо. Половину вышеозначенной суммы пришлось потратить на «Наполеона», чтобы он в треуголке сидел на барабане. Из-за дыма никто и не заметил, что Наполеон – просто пьяный негр, которого мы с Александром привязали к барабану, иначе он все время падал... Я к тому, что в

романе с Валерией пока было больше дыма, чем действия. Такая вот мысль посетила меня под душем.

– Мне кажется, ты все время что-то ищешь, – сказала Валерия, когда мы, посвежевшие, вышли из отеля.

Действительно, я искал себе оправданий. Или неожиданной опухоли мозга. Или другой смертельной болезни, но что-то надо было сказать Александру – за каким чертом я переселился в «Афродиту» и почему не собираюсь отсюда выезжать. Загадочное выражение на лице, которое я собирался продемонстрировать Александру в ответ на его расспросы, можно успешно держать в течение суток. Покуда Александр не припрется с кинокамерой в эту самую «Афродиту», чтобы отснять мой загадочный смысл. И тогда мне крышка. Александр увидит Валерию, скажет, что я просто-таки озабоченный кобель, и пропишет мне брому для подавления лишней потенции. Поневоле тут будешь озираться по сторонам.

– Вначале ты дважды оглянулся на кустик, который описала собачка, а теперь идешь за ней, – дополнила картину Валерия.

Стоит лишь подумать о кобелях, как тут же появляется писающий бобик. Сюжет?

– Давай-ка устроимся в прохладном месте, – предложила Валерия, – а то вид у тебя как у беременной совы.

– Ты ее видела? – с надеждой в голосе спросил я.

– Кого?

– Беременную сову. – Я все еще не оставил надежды выйти на интригу. Представьте себе – начало фильма... Беременная сова... Недурно, недурно...

– Посмотрел бы ты на себя, – хмыкнула Валерия, заходя в бар, где вовсю трудились кондиционеры. – Срочно два коктейля со льдом, и можно отдельно, – сказала Валерия бармену.

– Простите? – переспросил бармен.

– Раздельно – это значит: в один бокал алкоголь, для меня, а в другой бокал лед, для моего друга.

Слава богу, что бармен не признал во мне пингвина. Мы с Валерией потягивали коктейли и перемигивались.

– Рассказывай, – предложила мне Валерия.

И я выложил ей все, что думал. Про образ беременной совы в начале фильма. А также подчеркнул, что у меня нет творческого

потенциала, совести, ума и домашних животных, хотя я всегда хотел их иметь.

– Прискорбно, – согласилась Валерия, – особенно по части домашних животных. Я всегда считала, что самое крупное из домашних животных – это мужчина... Не расстраивайся. Мне бы твои заботы.

Я с удовольствием отложил все свои заботы. Все, кроме одной...

– По-моему, ты меня раздеваешь, – сказала Валерия, поглядывая на меня. – Так и есть – ты овладел мною уже три раза. Извращенным способом. Мысленно.

– А я могу рассчитывать на другой способ?

– Конечно, – без промедления отвечала Валерия. – Смотри.

Она взяла из пустого бокала кусочек льда, откинулась на спинку кресла и положила лед себе на шею. Вначале медленно-медленно, а затем чуть побыстрее льдинка стала скользить вниз, миновала ключицы, задержалась у левой груди и юркнула за вырез платья. Валерия полузакрыла глаза и обеими руками потянула платье вперед, освобождая льдинке путь дальше по своему телу. Она слегка вздрогнула, когда льдинка пробежала по животу, руки устремились к бедру, и Валерия приподняла последнюю преграду, чтобы пустить льдинку туда, куда ей так хотелось попасть. И она растаяла там, вместе с Валерией, которая глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Ты удивительный любовник, – шепнула Валерия, – мне было очень хорошо.

Я озадаченно хмыкнул... Для одних источником эротизма служат мужчины, для других – женщины. Третьи вообще возбуждаются по всякому неподходящему случаю. Я знал молодую женщину, которая всякий раз кончала, попадая в автомобильную аварию. Другая женщина испытывала оргазм в самолете, когда тот проваливался в воздушную яму. После обычного перелета из Праги в Оломоуц эту женщину спускали по трапу с полубезумным выражением на лице. «Зачем же вы летаете?» – спрашивали у нее перепуганные стюардессы, пичкая эту женщину таблетками против рвоты. «Потому что я не замужем», – отвечала она. То есть видел я много всякого. Но чтобы вот так, с обыкновенным кусочком льда... Я почувствовал к Валерии уважение. Тем более что был причастен к ее оргазму, хотя не понимал – насколько непосредственно.

Всю обратную дорогу к отелю Валерия прижималась ко мне с таким чувством, будто я был единственный мужчина на этом острове. Я думал, что не дойду с Валерией до двуспальной кровати в моем номере, а завалюсь где-нибудь с нею в кустах. Но дошел. И злобно уставился на пару непримятых подушек, в полном одиночестве, потому что Валерия перед моим гостиничным номером резко затормозила и смоталась, как она сказала, «только привести себя в порядок». Если раньше я мысленно не торопил Валерию отдаться, то только потому, что я козел. Этот вывод напрашивался самостоятельно, без прежних рассуждений о чувствах и ощущениях. А то вон чего выдумал. «Боюсь предположить чувство». А преждевременное отмирание конечности не хочешь предположить? А к сексопатологу на статистический анализ не хочешь? А? И тут зазвонил телефон...

– Друг мой, – послышался из трубки голос Валерии, – выходи на лоджию.

Я вышел. Уже стемнело настолько, что море слилось с небом. Перестали верещать цикады. Стихли крики чаек и чувствительных ко всему туристов. Только из глубины отеля доносился размеренный храп Клавдио.

– Я придумала замечательную игру, – сообщила мне Валерия, – и сейчас ознакомлю тебя с правилами...

Наши лоджии разделял прямоугольник из бетона. С трех сторон прямоугольник держался на толстых металлических прутьях. Сквозь пространство между стеной и прямоугольником я мог лицезреть Валерию, мог дотронуться до нее рукой, но пролезть на другую сторону даже и не пытался. Мне вдруг стало совершенно ясно, что я застрял. В какое из отверстий ни сунься. Между желанием и любопытством. Между интригой и желанием. Либо между желанием и женщиной. Везде мешал мой член. Из-за мужских гормонов я не мог быть полностью на стороне женщины. Но гормоны не ударяли мне в голову настолько, чтобы гордо стоять на позиции озабоченных самцов. Я ответил Валерии, что любые правила принимаются. Мы вообще сыграем с ней без общепринятых литературных правил...

– Это хорошо, – просто сказала Валерия.

Мы сидели на лоджии спина к спине, прислонившись к бетонному четырехугольнику, и Валерия задавала вопросы:

– Во что я была одета, когда мы встретились на пароме?

Минута, которая давалась мне на размышления, давно прошла.

– Черные джинсы... – Я попытался изобразить, что для меня плевое дело – вспомнить ее гардероб в мельчайших подробностях.

– Которые подходят к цвету моих волос, – дополнила Валерия. – Держи. – И черные джинсы свалились мне прямо на голову. Это Валерия перебросила их на мою сторону. Такая игра.

– Дальше? – потребовала Валерия.

– Светленькая кофточка, – неуверенно продолжал я.

– Что значит «светленькая»? – уточнила Валерия.

– Бежевеженькая, – отвечал я еще скромнее.

– Передай мне свою отвратительную футболку горчичного цвета с идиотской надписью «Сквош!» – отчеканила Валерия. – А на мне была не кофточка, а топ-майка.

– Конечно, вспомнил, – радостно сообщил я. – Под ней не было лифчика, и кофточка не прикрывала твой пупок.

– Зато перемигивалась с помадой, – отрезала Валерия. – Цвет губной помады можешь объяснить? Тогда снимай джинсы синего цвета фирмы «Вранглер».

Скоро, совсем скоро я сидел на своей стороне совершенно голый, потому что Валерия сумела угадать даже цвет моих трусов, не говоря уж о таких очевидных деталях, как носки и марка наручных часов. Затем Валерия вдолбила мне подробнейшим образом – что, когда и зачем надевала она, каждый раз перебрасывая названную вещь на мою лоджию.

– Как ты так быстро раздеваешься? – удивился я под водопадом из маечек, трусиков и так далее.

– Я же не идиотка, а давно сижу голая. Только вещи перекидываю, – отвечала Валерия. – Иди сюда.

Ее рука манила меня из ближайшего пространства. Быстрые, как ветерок, ноготки пробежались по моей груди и спустились вниз. Я видел треть силуэта, линию Валерии. От плеча линия плавно скользила вниз, вычерчивая округлости и изгибы груди, талии, бедра. Тогда я прильнул к пространству всем телом. И даже в некоторой части оказался на той стороне лоджии.

– Стой так, – сказала мне Валерия и опустилась на колени.

У нее была собственная льдинка на кончике языка...

Если кто-нибудь в июле месяце видел на Крите голого мужчину, страстно ласкающего лоджию, – знайте, что это был я. Ничего не мог с собою поделывать. До сих пор при виде балкона начинаю стонать от удовольствия.

– Только не бросай меня в терновый куст, – сказала Валерия, когда действие кончилось.

Кто-то за минуту перевел время на полчаса вперед, и голый мужчина теперь задумчиво стоял посреди лоджии с ворохом женской одежды в руках. Понимая, что такой символ не лучшая реклама отелю, я поспешил в свой номер. Валерия скрылась за стенкой чуть раньше.

В номере я аккуратно побросал вещи Валерии на кровать и удивился их количеству. Я поразмышлял немного – что будет делать Валерия с моими вещами, но больше никакие фантазии мне сегодня в голову уже не приходили. Пусть фантазирует Клавдио, когда обнаружит мою одежду у себя в номере. В чем был, то есть без ничего, я направился в ванную, когда мое внимание привлек конверт, просунутый под дверь. Точно такой, как от посыльного из отеля «Диоген». Я поднял конверт и открыл, думая либо перечитать послание от Александра, либо насладиться видом замогильной руки. Там действительно была фотография – моментальное фото камеры «ПолярOID». Я вытащил из конверта квадратную карточку и заорал. Что именно – сейчас не помню. Наверное, «А-а-а!» или «О-о-о!». С карточки смотрел на меня женский глаз. Красный зрачок занимал половину снимка. Все остальное тоже присутствовало. Синие тени, длинные накладные ресницы, черная тушь хлопьями – все как-то гадко и цинично. Я прыгал, орал и ругался до тех пор, покуда в дверь мою не постучали. Это был разбуженный моими криками Клавдио. Удивленный видом и состоянием «друга», он принялся расспрашивать, что случилось. Пришлось одеться, чтобы не смущать добряка Клавдио тем, что не смутило его жену. Какая, к черту, его жена?! Где Валерия? Только она все объяснит. Почему рука на фотографии, почему глаз?

– Валерия давно спит, – сообщил мне Клавдио.

Я не стал его разубеждать. Чтобы как-то меня успокоить, Клавдио спустился к портье, вернулся и доложил, что никакого конверта на мое имя к ним не поступало. Он, конечно, успокоил меня еще больше.

– Давайте выпьем пива, – под конец предложил мне Клавдио.

Но я категорически отказался и отослал Клавдио спать. Сам я еще немного постоял на лоджии, но ощущение прекрасного вечера не возвращалось. И тогда я тоже лег спать, стараясь думать о Валерии, но мерещился кровавый глаз. Я так и задремал, отгоняя один образ и представляя себе другой.

Дядюшка Клавдий

Обнял сегодня я здесь девчонку, красавицу с виду.

Все мне хвалили ее, но оказалась – дерьмо.

Надпись на стене в Помпеях

Отравлен в Риме 13 октября 54 года...

Мать Клавдия – Антония Младшая, отец – полководец Друз... Покоряя Германию, Друз оттеснил врага в самую глушь. И тут явился ему призрак со словами: «Доколе, ненасытный Друз?..» Друз упал с лошади и скончался.

Клавдию едва исполнился годик, когда папашка Друз так неудачно покатался на лошадке. Вначале воспитанием сироты думал заняться дедушка – император Август, но юный Клавдий постоянно болел и настолько ослабел умом и телом, что не мог уразуметь императорской науки... Следующего воспитателя призвали из конюшни. Дядька варварского происхождения наказывал Клавдия за малейшую провинность – порол кнутом или вожжами, и на редкость профессионально. Взрослея параллельно с баранами и жеребчиками, Клавдий мог надеяться в будущем только на место старшего конюха. Для изысканных манер ему полагался образец со скотного двора, для философских размышлений – собственная судьба, а специальная шапочка предохраняла Клавдия от простуды. Родовитая императорская семья считала Клавдия по меньшей мере слабоумным. Собственная мать – уродом среди людей и, желая указать на чью-либо тупость, говорила: «Глупей моего Клавдия!» Интриганка бабушка, Ливия Друзилла, не питала в отношении Клавдия никаких надежд, обращалась к нему крайне редко, да и то в командном тоне – «подай», «поди» и «принеси». Дедушка Август часто задумывался над местом Клавдия в античном мире, но только по одной причине – куда бы упрятать дурака с глаз подальше? «И смотреть ему на скачки, да еще со священного императорского ложа, совершенно незачем. Он будет только привлекать к себе внимание и вызывать насмешки. И незачем ему вообще оставаться в Риме на Латинские игры». Эти указы Августа

сочинял по-гречески, потому что не хватало ему родных латинских слов для возмущений по поводу Клавдия...

Между тем семейный урод в потешной шапочке почти самостоятельно выучился грамоте, а дальше – искусству декламации и со временем уже трудился над историей города Рима и даже опубликовал сочинение «В защиту Цицерона». Но подобные успехи только забавляли императорскую семью как идиотские фокусы. Клавдий и сам не верил в серьезность своих занятий; сочинения, мысли и слова Клавдия не воспринимались в приличном обществе без поправки на то, что он недоумок. «Хоть убей, но я и сам изумлен, дорогая Ливия, – писал дедушка Август бабушке Друзилле, – что декламация твоего внука мне понравилась. Ума не приложу, как он мог говорить так связно полную бессмыслицу».

Шли годы; «сиятельный дурачок» – уникальная государственная должность, которую Клавдий занимал по праву своего рождения. Более того, на эту «должность» никто не претендовал. Интриги и заговоры не касались Клавдия, он не рассматривался в числе претендентов на власть, его не звали в сотоварищи, не стремились заручиться его поддержкой, не боялись, а только иногда оказывали знаки внимания, да и то по большим римским праздникам. Редкостное положение в античном обществе, и лучше всякого легиона телохранителей. Когда члены августейшей фамилии тряслись от страха за собственные жизни, ходячий апофеоз рода Клавдиев^[1] беззаботно разгуливал по городу Риму...

У Тиберия он все-таки попросил другую должность, а не чучела огородного, и Тиберий подарил ему значки консула. Когда же Клавдий продолжал настаивать, Тиберий коротко отписал, что вдобавок на праздники пришлет ему сорок золотых. Тогда Клавдий оставил свои романтические порывы и просто жил дальше... Несколько раз при Калигуле отвечал за общественные зрелища. «Да здравствует Клавдий, дядя императора!» – скучно и вразнобой кричала толпа. Он чинно раскланивался...

Дело было в восьмой день до февральских календ... Калигула возвращался из театра по подземному переходу, когда в темном коридоре обратил внимание на часового. Гай принялся над ним издеваться, предлагая для пароля слово «баба» со всевозможными эпитетами. Внезапно караульный вытащил меч, Гай попытался

увернуться, но караульный сильным ударом рассек императору затылок... Это был заговор. «Я жив!» – закричал Гай Калигула, как мальчишка, который после оплеухи повторяет «а вот и не больно, а вот и не больно». Но тут подбежали другие заговорщики и, ободряя друг друга, принялись рубить и колоть Гая. Через некоторое время трудно было признать в окровавленном теле императора Гая Калигулу...

Германские телохранители Калигулы настигли всех заговорщиков, в поспешности был убит пяток ни в чем не повинных сенаторов. «Эти варвары, – пишет Иосиф Флавий, имея в виду германцев, – легко раздражаются». Римская публика все еще находилась в театре, когда подоспело известие о смерти Калигулы. Зрители обсуждали это известие, одни с удовольствием, другие с горячностью, но тут германские телохранители с мечами наголо ворвались в театр и заставили всех замолчать. Зрители подумали, что настал их смертный час. Поднялся крик – публика умоляла германцев о пощаде, указывая на то, что преступление произошло без ведома здесь собравшихся. В конце концов германцы смягчились и бросили на театральный алтарь головы заговорщиков. Публика смотрела на отрубленные головы и ужасалась. «О, если бы у римского народа была только одна шея!..»

Так был убит Гай Калигула; прожил он двадцать девять лет, правил три года, десять месяцев и восемь дней.

Германские телохранители не разбирались во всех перипетиях латинского самомнения. Варвары охраняли персону императора, а какие законы будет издавать эта персона и каким авторитетом она пользуется в римском обществе, наемников не волновало. Источник доходов – Гай Калигула – был убит, и раздражительные германцы бегали с обнаженными мечами по императорскому дворцу, не зная, что делать далее. Дядюшка Клавдий прятался за портьерой, когда пробежавший мимо солдат приметил его ноги в сандалиях. Думая: здесь прячется уцелевший заговорщик, – варвар сорвал портьеру и обнаружил дрожавшего от страха Клавдия. Германец, видимо, решил, что смотрится в зеркало, – до того гримаса дядюшки Клавдия походила на его собственную рожу. Недаром воспитанием Клавдия занимался конюх с берегов Рейна. Хороший физиономист, германский солдат признал Клавдия и с криками «Я нашел вам нового императора!» потащил дядюшку Клавдия к сотоварищам. Те

прекратили понапрасну буйствовать, взвалили Клавдия на носилки и понесли, как добычу, в свой лагерь...

На следующий день состоялось внеочередное заседание сената... С текущими делами было покончено, поскольку граждане уже дорезали семью Калигулы в составе вдовы и малолетней дочери. Несчастных обнаружили у труп Гая, забрызганных кровью Гая. Вдова твердила только одно – что она упрекала Калигулу в жестоком обращении с римскими гражданами. Ей посочувствовали и одним ударом отсеки голову. Дочь Калигулы растоптали... И теперь сенаторы обсуждали возможность установления республики, поскольку никого из рода Клавдиев более не существовало. О сиятельном недоумке попросту забыли, и тут – шулерская карта, нарисованный болван с бубенчиками, которого за ненужностью выбрасывают из колоды, чтобы сыграть в обыкновенного дурачка, – германские телохранители предъявляют сенату дядюшку Клавдия... «Внук Ливии Друзиллы, названный внук императора Августа, племянник императора Тиберия, дядя императора Калигулы... – перечисляют германцы, загибая пальцы, – сын прославленного Друза Германика». Варвары тычут пальцами в небо и закатывают от умиления глаза. «Вы это серьезно?» – спрашивают у них сенаторы. Все смотрят на дядюшку Клавдия – он улыбается. «Серьезно», – заявляют германцы, довольные осмотром Клавдия, и для пущей убедительности обнажают мечи. «Будь по-вашему», – решают сенаторы и, отбросив мысли о реставрации республики, провозглашают дядюшку Клавдия императором со всеми вытекающими последствиями. Так дядюшка Клавдий нежданно-негаданно превратился на пятьдесят первом году жизни в Божественного Клавдия.

Когда сестра Клавдия узнала, что тому суждено стать императором, она громко и прилюдно проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа. И действительно, не обладающий задатками римского кесаря, нетипичный император, в силу своего характера Клавдий не прошел бы на роль первого лица в государстве, будь в живых кто другой из рода Клавдиев. Вдобавок отцы-сенаторы искренне надеялись, что дядюшка Клавдий «не плодоносит», что род Клавдиев кончился, но тут проявили себя римские матроны...

Женщины и Рим – два джокера в античной колоде. В зависимости от расклада они имели в жизни императоров значение как трагическое, так и счастливое. Благодаря Риму отдельные личности возносились до небес, благодаря женщинам – оттуда ниспровергались. Как «серые кардиналы», римские матроны ткали на древних станках свою теневую политику. Лишенные избирательных прав, женщины отчаянно использовали свои природные возможности в деле агитации. Предвыборные лозунги писали на стенах домов и порядочные девушки, и содержательницы притонов. Но большего добивались тайно, спекулируя близостью как приоритетным оружием. И руководствовались подчас не разумом, а желанием продемонстрировать свое влияние. Соперничая друг с другом, женщины проводили на должность таких отъявленных негодяев, что сами потом удивлялись...

Еще в молодости Клавдий был помолвлен с Юлией Младшей, внучкой императора Августа, которая, как помнится, устраивала оргии прямо на Форуме. После каждого акта девушка надевала лавровый венок на статую... Но выслали невесту за это дело на острова, и Клавдий женился на Плавтии Ургуланилле. Плавтия оказалась не хуже Юлии, и Клавдий развелся, как говорят, из-за наглого разврата этой Плавтии. Далее Клавдий женился на Элии Петине. Но с Петиной брак тоже был расторгнут – как сказано, «из-за мелких ссор». Не думала Элия Петина, что дядюшка Клавдий станет императором. Третья жена Клавдия – Валерия Мессалина – забродивший компот из Евиных райских яблочек... В конце концов даже Мессалине наскучила та легкость, с какою она наставляла Клавдию рога. Тогда Валерия задумала неслыханное дело – и свадьбу новую сыграла при жизни мужа, буквально на глазах у всего Рима... Клавдий промолчал, когда ему рассказали о разврате жены. Не произнес ни слова, когда ему предложили лишить Мессалину жизни. Когда ему сообщили о выполнении приговора, он только потребовал чашу с вином и жадно выпил. Разговорился Клавдий на сходке перед преторианской гвардией. Клялся, что отныне будет безбрачным, а если не устоит, то пусть гвардейцы заколют его своими руками. Не устоял...

После гибели Мессалины к одинокому Клавдию стали подбираться разом похорошевшие утешительницы. Ибо вакансия открывалась более чем занятная. Кандидатки предъявляли знатность,

богатство, красоту и прочее, прочее, прочее... Даже Элия Петина, бывшая жена Клавдия, пожелала баллотироваться на второй срок. Но увы... Агриппина Младшая давно ждала своего часа. Ее обвиняли во всех грехах, ее превозносили за всевозможные добродетели. Порыв души переиначивали в расчетливость, молниеносные интриги изображали как движение души. Только она, Агриппина Младшая, «единственный доньине пример» – сестра императора Калигулы, племянница императора Клавдия и мать императора Нерона. Только она – во флере тройного кровосмешения: с родным братом, с родным дядей, с родным сыном... Лукавая Агриппина – в качестве родственницы – имела наилучший доступ к телу императора. Племянница ласкала дядюшку, по возможности – целомудренно, при необходимости – темпераментно. И, покуда их близость не вышла за рамки приличия, император поспешил изменить римский закон, который воспрещал всякому дяде жениться на своей племяннице...

(Престолонаследие – вот похоронный мотив, который свел в могилу десятки императоров. От Валерии Мессалины «завалились» у Клавдия дочь Октавия и сын Британик. Последний мешал, ой как мешал Агриппине. И рада бы она проявить милосердие и оставить Британика в наследниках, а дядюшку Клавдия в живых, но... За спиной у Агриппины-матери стоял собственный сын – Нерон Агенобарб. Старый дурень дядюшка Клавдий был обречен...) Через день после отмены закона Клавдий женился на Агриппине, через год усыновил Нерона. Еще через четыре года Нерону исполнилось семнадцать лет...

«Яд примешали к изысканному грибному блюду, но Клавдия только прослабило. Тогда удивленная Агриппина немедленно пригласила к супругу врача. Приспешник Эскулапа предложил более ядовитое снадобье, и через пару минут с дядюшкой Клавдием было покончено...»^[2]

Как только император испускает дух, Агриппина спешит разделить горе с сиротками – с Британиком и Октавией. Обнимает их, и целует их, и заключает их в свои объятия... Но держит цепко, под стражей, и никуда из своих объятий сироток не отпускает. А в полдень распахиваются двери, и на ступенях императорского дворца появляется Нерон. Специальная «группа поддержки» приветствует Нерона как нового императора. Солистам на помощь приходит народ,

и только некоторые люди смущенно спрашивают, мол, а где же Британик? Но Нерона уже радостно несут в солдатский лагерь, из лагеря в сенат, а из сената он выходит поздно вечером, обласканный всеми почестями, из которых только звание «отца отечества» семнадцатилетний Нерон отклонил как явно неподходящее.

Слышите звон бубенчиков?.. Это топчут дурацкий колпак дядюшки Клавдия. «Ступайте же теперь, счастливые, ступайте же, богатые!..» Вас приветствует новый император – Нерон! Рим, ты требуешь зрелищ?.. Они будут.

Образованная девушка, посвященная во все тайны искусства самими музами, блистала как танцовщица на частных представлениях и публично – на греческой сцене.

Античная эпитафия

Где начиналась моя история, я вам точно сказать не могу. Хотите – в Праге, хотите – в подсознании, хотите – на юге Франции, в департаменте Прованс, где «с ноября по март особенно дует мистраль...» Где «в небольших долинах стоят рядами маленькие круглые деревья с оливковой листвой, а на заднем плане – горы нежнейшего тона...»^[3]

Если взглянуть на картины постимпрессионистов, например Поля Гогена или Винсента Ван Гога, то можно сказать, что Прованс за сто пятьдесят лет совсем не изменился. Те же пейзажи и впечатления, светло-коричневая почва и многочисленные виноградники, Альпы, маслины и, конечно, оливковое масло. Мой дедушка выращивал оливки, мой прадедушка выращивал оливки, я глотала их вместе с косточкой, потому что это – «полезно для желудка, мадемуазель Берта!..». Моим воспитанием занимались дядюшка, невозможная Валерия и стадо баранов, которое вечно бляло под окнами... «Ме-ед, ме-е, у, зе-е-ель Бе-е-е-ерта! Не кида-а-айтесь камнями, пожа-а-а-алуйста!» По правде говоря, дядюшка намного чаще наказывал Валерию, чем меня. Я неоднократно замечала, как, улучив момент, дядюшка хлопал Валерию по попке без видимой на то причины. «Почему же Валерия не плачет и не обижается? – думала я, глядя на

подобную несправедливость. – Лучше бы дядюшка отхлопал няню!» Но дядюшка имел претензии только к нашей Валерии – экономке и горничной в одном лице. «Вот видите, – сообщала я баранам, – к чему приводит непослушание!» Бараны жалобно блеяли...

Своего отца я никогда не видела и не знала, а мама умерла при странных, как мне тогда казалось, обстоятельствах. Умерла при появлении в нашем доме «маленького Брюта»... Я быстро сопоставила эти факты и решила, что мамочка принципиально покинула нас, дабы не видеть это мерзкое чудовище. Маленький Брют постоянно верещал, как пожарная машина, которая приезжала тушить амбар в соседнем поместье. Да только машина приехала, ничего не потушила и уехала, а Брют остался. Расположился на втором этаже, в отдельной комнате, со своей кормилицей, от которой почему-то пахло сгоревшим амбаром... А через месяц, как мы похоронили маму, в доме появилась Валерия. Она мне понравилась больше маленького Брюта. Не верещала, а говорила приятным голосом и чем-то напоминала маму – такая же стройная и рассудительная. Она могла мне объяснить все что угодно – отчего льется дождь, когда грустно, почему протоптаны дорожки в ненужном направлении и поэтому приходится лазить через изгородь и рвать платье... Вдобавок от Валерии всегда приятно пахло; я потихоньку прокралась в ее комнату и как следует надушилась из разных флакончиков... Но не добилась подходящего результата. Даже бараны от меня отвернулись. «Больше не всегда значит лучше», – пояснила Валерия, и я запомнила эту истину, а несогласный дядюшка снова хлопнул Валерию по попке...

Наверное, Валерия все-таки рассердилась и решила отомстить моему дядюшке. Для чего в один прекрасный вечер взяла и переехала в его спальню. «Теперь она будет дергать дядюшку за усы, – намекнула я баранам. – Спокойной ночи!» И действительно, проползая на четвереньках по коридору, можно было слышать, как охает дядюшка за дверью. «Коварная Валерия наслаждается местью без зазрения совести!» Вначале по утрам я тщательно инспектировала дядюшкино лицо – усы были на месте. И даже попышнели с того самого времени, когда в его комнату переселилась Валерия. Усы стали закручиваться кверху, а раньше висели под носом, как спущенные подтяжки. Но месть «невозможной Валерии» продолжалась с неизменной регулярностью...

Маленький Брют тоже практиковался в развитии... И очень скоро кормилицу заменила няня, которая мешала мне жить. «Не тобой посеяно – не тебе топтать!» Няню интересовало – откуда у меня появились такие жизненные принципы? Невозможная Валерия хохотала... Так называл ее дядюшка. Если бы дядюшка скучно говорил, что Валерия – ангел, тогда бы я нашла другой пример для подражания. Но дядюшка в задумчивости наливал себе стаканчик красного вина, выпивал и аккуратно ставил пустой стаканчик на место... После чего дядюшку передергивало, он хлопал в ладоши и рычал: «Ы-ых, эта невозможная Валерия!» С таким азартом, с каким он больше ничего не делал. Спокойно жил, управлял имением, ухаживал за оливковыми деревьями... И вдруг – «Ы-ых, эта невозможная Валерия!» Как будто его осенило или подкрался к дядюшке бес и неожиданно ткнул дядюшку под ребро. Ну кто же устоит после такой рекомендации? Только не я... А няня маленького Брюта старалась подражать ангелам. Разговаривала со мною слащавым голосом и вся провонялась патокой. «Мадемуазель Берта! Немедленно вымойте руки и садитесь за стол!» А для чего же мыть руки, когда суп из тарелки берешь ложкой?.. Няня маленького Брюта закатывала свои круглые, как у барана, глазки и блеяла, что мыть руки перед едой «поло-о-ожено!» в гигиенических целях. Это я и сама знала. А вот что получится, если коснуться грязным пальцем супа? «Русская рулетка!» – моментально отвечала невозможная Валерия. И рассказывала про загадочную страну, где сидят за обеденным столом три медведя с заряженными револьверами. В каждом револьвере по одному микробу. Медведи целятся друг другу в лоб и нажимают на курок. Когда микроб вылетает – медведь падает. Когда не вылетает – сосет лапу. «Зачем они это делают?» – в ужасе спрашивала я. «Потому что у них нет супа, – поясняла Валерия. – А ты вымой руки и ешь!» И мой вопрос был полностью исчерпан. Но подспудно у меня всегда возникало желание сыграть с медведями в русскую рулетку... Это желание рискнуть поселилось во мне навсегда. Поставить что-нибудь на карту, собственную жизнь или тарелку супа, и стреляться с медведями. Ведь как-то глупо просто сидеть и сосать лапу?..

Няня маленького Брюта вмешивалась в мою личную жизнь только на глазах у дядюшки. Ей платили за должность, а на самом деле я училась в «школе» у невозможной Валерии. Как держаться с

мужчинами, как не держаться с мужчинами и когда им позволить... Разумеется, я перешла от теории к практике намного позже. А пока посещала этот женский университет – очно, когда Валерия мне что-нибудь говорила, и заочно, когда я сама догадывалась... Каждое утро Валерия присаживалась на пуфик перед зеркалом, чтобы «придать себе божеский вид». Для какой надобности бесу божеский вид – первый урок Валерии. Дядюшка покидал спальню с рассветом – «как и положено всем мужчинам». Он спускался вниз, где наша кухарка подавала ему первый завтрак. Дядюшка шумно пил кофе, тщательно пережевывал пищу – наблюдать за ним было неинтересно. Валерия вставала не раньше, чем за дядюшкой закрывалась входная дверь. «Ты уже здесь, невозможная мадемуазель Берта?» – Валерия окрывала глаза. Она передразнивала дядюшку и признание от самой Валерии, что мы обе – «не-воз-мож-ные!», тешило мое самолюбие. Наблюдая за Валерией, я могла заглянуть в свое будущее, когда стану взрослой и похожей на эту невозможную женщину не только внутренне, но и внешне. «А вдруг не вырастут?» – сомневалась я. «Вырастут-вырастут! – хохотала Валерия, поочередно трогая указательным пальцем предметы моего беспокойства. – Пык-пык, – говорила Валерия, – такие же, как у меня!» Она оказалась удивительно права, как будто существовала форма Валерии, в которой отливаются такие, как я...

Когда Валерия присаживалась на пуфик перед зеркалом, я занимала «места в партере». Пьеса называлась «Туалет Валерии» и состояла из двух актов – макияжа и переодевания. Валерия никогда не забывала о «зрителях», играла свою роль блестяще, не сутулилась, не расплывалась по пуфику, а «держала ровно спинку», как воздушная, но деревянная виолончель. Округлости Валерии напоминали мне этот музыкальный инструмент, только без смычка. «Женщина должна выглядеть как нечто среднее между скрипкой и контрабасом. И намурлыкать подходящую... музыкальную партию». Про «смычок» я узнала позднее... А пока мы обсуждали с Валерией, что я как флейта-пикколо, и для наглядности Валерия демонстрировала свой указательный палец. «Худющая, как свистулька!» Но не дай мне боже превратиться в большой оркестровый барабан, наподобие кормилицы маленького Брюта. «Хотя для всякого инструмента найдется свой любитель, – щебетала Валерия, – но все приятные мужчины – заядлые

виолончелисты... О-ох заядлые!» Музыкальные способности этих мужчин меня мало интересовали, но если Валерия говорит, что нужно быть виолончелью, я тресну, но буду... «Все вещи, за исключением трусиков, необходимо снимать и надевать через голову!» Мне казалось, что это крайне неудобно. Если юбка слетает с меня, как только расстегнешь молнию, падает на пол, как парашют, то зачем пыхтеть, и задираешь руки, и тащить эту юбку себе на голову, где она непременно застрянет, и ходить как привидение, потому что ничего не видно. «А чулки?» – ехидно спрашивала я. «Мадемуазель Берта, не будьте дурочкой! – хохотала Валерия. – А чулки мы нацепим на голову всем мужчинам!» О-ох уж эти капризные мужчины, думала я, все ради них приходится делать шиворот-навыворот. И юбку снимать не по-человечески, и попку пудрить.

«Так-так-так... – говорила Валерия, разглядывая себя в зеркале. – Жить с таким лицом, наверное, можно, только выходить никуда нельзя». И Валерия начинала колдовать... Поочередно открывала «волшебные» баночки и, едва коснувшись крема, ставила баночку обратно – цок – на туалетный столик. Совсем не так, как дядюшка возвращал на место пустой стакан – бум! Но все равно: «Ы-ых, эта невозможная Валерия!» – говорила я, по странной ассоциации. И хотя дядюшка, вероятно, никогда не слышал, как Валерия цокает баночками, но мне казалось, что именно эти звуки порождают в нем восхищение. «Ы-ых, эта невозможная Валерия!» – вторила мне виновница всеобщего восторга и хохотала – над собой, надо мной и над дядюшкой... Когда Валерия заканчивала свой макияж, она поворачивалась ко мне и предлагала: «Найди три отличия». Как на картинках в журнале, где на одном рисунке все скучно, а на другом – дополнительные детали. Я всегда затруднялась определить – что же именно изменилось в Валерии? И не находила ни одного дорисованного листочка, или веточки, или птички... Правда, была у Валерии татуировка в виде розовой бабочки – на бедре под трусиками, но она там всегда была... «Хороший макияж...» – улыбалась Валерия. «...Самый незаметный макияж!» – радостно подхватывала я.

Невозможная Валерия принималась одеваться... Она включала коварную музыку «на полную катушку» и устраивала шоу со стриптизом, только наоборот. Вначале, присвистнув, Валерия

застегивала на себе пояс – «верность прежде всего!». Затем надевала ажурные чулки – «в них я чувствую себя женщиной!». Дальше – коротенькую комбинацию, а дальше... «глядя по погоде!». Трусики Валерия надевала в последнюю очередь, уже закуривая сигарету. «Обещай мне ничего подобного не вытворять хотя бы лет до двенадцати!» Я пожимала плечами – мол, как получится... Валерия хохотала, выбрасывала недокуренную сигарету через окошко во двор к баранам, и мы спускались на первый этаж завтракать...

Само собой разумеется, что мы с Валерией находились в оппозиции по отношению ко всем остальным женщинам в радиусе ста километров, если измерять от центра дядюшкиного поместья. Кухарке не нравилось наше поведение; няня маленького Брюта осуждала нашу мораль; экономка не разделяла наших взглядов, а бараны просто разбегались, если Валерия пинала их ногами. Только дядюшка поддерживал с нами нейтралитет, когда редко бывал дома. Все его попытки призвать нас к порядку разбивались о слова Валерии «я тебе не жена» и мои слова «я тебе не племянница». Дядюшка озадаченно выпивал стаканчик красного вина и спрашивал: «А кто же вы?» Мы с Валерией смотрели друг на друга и отчаянно хохотали. Какие глупые вопросы задают эти мужчины! Мы ветер в поле; мы блеск в ваших глазах; мы солнечный зайчик, озябший в непогоду; мы звенящая пустота, когда нас нет рядом; мы лунное затмение у чертей; мы ходячие метаморфозы; мы первые и мы последние... А дядюшка смотрел, как мы смеемся, и приговаривал: «Семь лет и двадцать семь лет – и ни-ка-кой разницы».

После завтрака Валерия выходила прогуляться. «Кыш-кыш, – отгоняла меня невозможная Валерия, – кыш-кыш, мелочь! Дай мне побродить в одиночестве». Тогда я делала вид, что отправляюсь по своим делам в другую сторону. Обегала вокруг дома и торопилась следом, чтобы не упустить Валерию из виду, но не попадаться ей на глаза. Проселочная дорога крутилась среди виноградников, редкие крестьяне приподнимали соломенные шляпы и тоже делали вид, что здороваются с Валерией, а на самом деле бурчали себе под нос: «Ах ты заезжая, городская штучка». Я кралась за Валерией по кустам и все слышала. Но Валерия не обольщалась по поводу местных жителей – она ослепительно улыбалась. И отвечала так же тихо: «Здравствуй-

здравствуй, мешок картошки!», или «Привет-привет, старая кочерыжка!», или что-нибудь похуже...

Нагулявшись, Валерия останавливалась посреди дороги и громко рассуждала: «И где же эта мадемуазель Берта?.. Какие чудные цветочки растут повсюду! Жаль, что Берта их не видит... Эта невозможная Берта, наверное, отправилась на скотный двор, чтобы повиснуть на рогах у коровы!..» Тут я начинала в кустах хохотать и подпрыгивать, Валерия брала меня под мышку, и мы возвращались домой, передразнивая друг друга. Я изображала, как Валерия говорит «ку-чу-рыш-ка!», а Валерия – как я крадусь по кустам...

Маленький Брют продолжал расти, и, когда меня осенью провожали в Англию, он уже держался за дверной косяк и улыбался двумя передними зубами...

«We-e don't need no-o education!!! – приблизительно так я заявила дядюшке и Валерии. – Не надо нам никакого образования!!! Ни в Англии, ни во Франции, ни вообще!» Валерия тут же меня поддержала. «Хэ-эй, тичер!!! – пропела Валерия, обращаясь к дядюшке. – Дайте нам прутики, мы пойдем пасти коров! И сегодня, и завтра, и всегда!» Такая перспектива меня тоже не устраивала, тем более что Валерия предлагала пасти коров в обнаженном виде – «как две дикарки». «И завлекать заезжих рыцарей естественными прелестями! Милыми и необузданными!» Мы должны были выбросить все «волшебные» баночки Валерии, все платья и чулочки и прыгать перед «рыцарями» с голой попой. А если у нас будут спрашивать, как проехать на Лазурный берег, отвечать только «ме-е-е!» и «бе-е-е!» – из вредности. Потому что нас никто на Лазурные берега не приглашает, потому что нам некогда, потому что мы пасем коров... Все это было, конечно, увлекательно, но обидно. Даже маленький Брют смеялся, сидя на руках у няни. «Хотелось бы посмотреть, – сказала я маленькому Брюту многозначительно, – что с тобою будет в семь лет...» Вздохнула и согласилась ехать в Англию. Тем более что Валерия когда-то получила начальное образование там же, в частном интернате. «Нет, – рассмеялась Валерия, – как правильно надевать трусики, я догадалась сама. Теперь пасу твоего дядюшку, хотя рассчитывала на большее. Постарайся избежать моих ошибок...» Однако, на мой взгляд, невозможная Валерия была идеальна, и, если для этого необходимо девять лет просидеть на острове, как Симеон

Столпник, – я готова. «Не плачь, – попросила меня Валерия. – Время пролетит быстро. Я буду тебе писать. Прямо сейчас и начинаю...»

«Милая мадемуазель Берта!

Предыдущую строчку можешь показать своим воспитателям, а все остальное прочти сама...

Твой дядюшка сделал мне тысяча первое китайское предложение – „руки и сердца“. Ни там, ни там я по-прежнему не нашла ничего интересного... Тогда он окончательно распоясался и принялся утверждать, что без какого-то паршивого замужества я не могу считаться твоей родственницей. Представь себе – какая наглость! Я возразила, что все женщины на земле – это родственницы и нечего твоему дядюшке лезть в чужой монастырь со своим уставом. Он не понял! Хотя, как ты видишь, я все объяснила правильно. В дядюшкином уставе записано, что „каждая женщина обязана выйти замуж...“, а в нашем добавлено – „...при необходимости“. Вот этого я и не вижу – необходимости выходить за твоего дядюшку...

Бог с ним, с дядюшкой, перейдем к главному... У нас будет бассейн возле дома! Его уже копают... За время твоей учебы я решила переоборудовать все поместье. Мне надоело слушать про масло оливковое и прованское, что, впрочем, один черт! Я ободрала плюшевые обои в гостиной до половины – пусть твой дядюшка поживет в этом свинарнике, если он не понимает, что жил в нем всю свою жизнь!.. Словом, на следующей неделе мы едем в Марсель, где я выберу подходящие обои. Для гостиной, для ванной, для туалета и для коровника... И приглашу архитектора и бульдозер... С архитектором затею роман, а с бульдозером – сровняю все до основания... Как ты понимаешь, милая Берта, планы у меня обширные, и слава богу, что твой дядюшка ни о чем не догадывается... Ведь женщине стоит только начать, а дальше – сам дьявол ее не остановит. Приедешь на каникулы – не узнаешь дядюшкино поместье. Если будут у тебя дополнительные фантазии по поводу переустройства жизни – обязательно поделись.

Маленький Брют дорос до ручки, если измерять его по дверному косяку. Скоро тоже отправится в Англию, где сделают из него законченного джентльмена. На основании „дядюшкиного устава“. Быть может, я немного мужененавистница, но самую малость. „Если ждать, пока мужчина прочтет в ресторане меню от корки до корки, можно состариться и помереть с голоду“. Ведь этой мысли

недостаточно, чтобы меня сожгли на костре как ведьму? Просто я считаю, что у нас своя жизнь, а у мужчин своя. Но поскольку время от времени мы с ними соединяемся и доставляем себе маленькие удовольствия, приходится с мужчинами мириться как с неизбежностью... Твой дядюшка – мужчина, маленький Брют – мужчина, и, если мы не будем с тобою заодно, они нас сожрут по своим правилам. Вместе с чулочками... Извини за подробности...

Твой дядюшка разговаривает с маленьким Брютом как с идиотом – вот не повезло парню. А может быть, так и надо воспитывать подрастающих мужчин? Не знаю, никогда не ощущала себя мальчиком, даже в прошлой жизни... С тобою, Берта, у меня не было никаких затруднений. Я больше чувствовала – что нужно тебе сказать, чем понимала – что тянет меня за язык...

Твоя невозможная Валерия».

Двенадцать лет пролетели мгновенно. Все письма Валерии слились в одно письмо...

«Вот как? – удивилась Валерия. – Ты уже вернулась? А я бы продолжила шляться по английским кабакам...»

За эти годы, под легкой рукой Валерии, наше поместье буквально преобразилось. «Свинарник, облицованный мрамором». Валерия пренебрежительно разводила руками. По мнению Валерии, нашему «свинарнику» не хватало стиля. «Это как вечерние духи рано утром, – говорила Валерия. – Вроде бы и запах приятный, а тяжеловато... Нельзя ли вырубить к чертовой матери вон ту оливковую рощу?» Дядюшка отвечал, что «роща – источник нашего процветания». «Очень жаль, – заявляла Валерия, – что у нас такой источник. Биржевые акции выглядят намного лучше. Не заслоняют панораму и не пахнут маслом». Валерия говорила так специально, чтобы позлить дядюшку. Она не считала нужным с ним что-нибудь обсуждать серьезно. «Запомни, Берта, – говорила Валерия. – У женщины должен быть прочный фундамент в виде собственных сбережений. А воздушные замки можно строить на сбережениях мужчин». Она приводила мне десятки примеров, когда «играем вместе, а шарик круглый. Ставим на красное, а выпадает черное... Мужчина пускает себе пулю в лоб, а женщина уезжает из казино на такси». Валерия разглядывала свой маникюр и добавляла: «В любой ситуации у женщины обязательно останется какая-нибудь мелочь – на такси. Не

знаю, откуда она берется, но в сумочке непременно что-то есть. Открой сумочку и посмотри внимательно...»

У дядюшки появилась странная привычка разгуливать вокруг дома и заглядывать в окна. «Дядюшка, не вытаптывай нам розы!» – предупреждала Валерия. Она занимала центральное место в гостиной и наблюдала, как перемещается дядюшка. С небольшими интервалами дядюшка появлялся либо здесь, либо там. Постукивал пальцем по стеклу, смотрел на нас и улыбался. «Как ты думаешь, Берта, зачем он это делает?» – спрашивала Валерия. Я предполагала, что дядюшка играет в кукольный домик. Ему кажется, что тут могут жить только фарфоровые куклы. «Тогда мне нравится эта игра, – одобрительно кивала Валерия. – Если дядюшка не хочет поджечь дом». «Сельский, двухэтажный, живописный», – добавляла я. Валерия морщилась, словно от зубной боли. «Кое-кому, – намекала Валерия, – после аристократической Англии может нравиться деревенский стиль... Мне же хочется, наоборот, заасфальтировать гостиную. И поставить везде указатели: „До ванной осталось триста метров“».

Но мы не стали устраивать из дядюшкиного поместья каменных джунглей, мы просто отказались с Валерией от «верха» и впредь загорали в «разобранном виде». Во всяком случае, так выражался дядюшка – «ваш разобранный вид шокирует всю округу». «Взаимно, – отвечала Валерия. – Меня тоже возбуждают деревенские соломенные шляпы. Дядюшка, не заслоняй нам солнца...» И тогда дядюшка докупил земли, чтобы расширить свое поместье. Теперь «шокированная округа» могла разглядывать нас только в бинокль. «На самом же деле, – добавила Валерия, – стесняется твой дядюшка. Когда видит, что ты, Берта, вполне оформилась...» И, по общей договоренности с Валерией, мы решили наплевать на морально-этические проблемы как на несущественные. Потому что они исходили от мужчины, у которого этих проблем всегда больше, чем есть на самом деле...

Мои годы английского аскетизма теперь оценивались как процесс, когда молодое вино хранится в погребе. «Что толку в едва забродившем компоте, – рассуждала Валерия, как лисичка. – Где пикантный букет, свойственный дорогому вину?» Я требовала, чтобы Валерия выражалась точнее... «Ты знаешь теперь свою номинальную стоимость?» – уточняла Валерия. Я застенчиво предполагала. «Надо

быть смелее, – ободряла меня Валерия. – Потому что с такой самооценкой можно запросто оказаться на панели...» И Валерия говорила, что любой паразит готов скупить у непрактичной девушки все ее счастливые билетки. «Опыт появляется тогда, – говорила Валерия, – когда не можешь им по-настоящему воспользоваться. Можно лечь с одним мужчиной неоднократно, но почему-то нельзя войти в одну речку дважды. Я никогда не понимала этой поговорки и лезла в речку разными способами и думала, что купаюсь... Теперь, Берта, ты исправишь мое английское произношение, а я позабочусь обо всем остальном...»

Я верила в «невозможную Валерию» с детства. Она перепрыгнула на двадцать лет вперед и все время беседовала со мною из пункта моего назначения.

«Разумеется, Валерия!.. The weather is bad for tennis. Погода неблагоприятна для тенниса...»

Я всегда мечтала быть такой же невозможной, как Валерия, и теперь расстояние между нами сократилось до минимума. Год с небольшим. «Двадцать шесть ступенек, – подытожила наш разговор Валерия. – Ты перескакиваешь через каждую, и получается вдвое меньше. Мысленно возвращаешься обратно, и снова – двадцать шесть. Так что, считай, благополучно проехали... Ведь необязательно наступать на каждую ступеньку и помнить, как она скрипит».

«The weather changed appreciably. Погода заметно изменилась...»

* * *

Безмятежное критское солнце заглядывает сквозь шторы на окнах. Без кондиционера жить в Греции предосудительно. Можно жить в Греции без мужа, но без кондиционера – ни за что. Ночью душно, в девять часов утра уже жарко. Выйти из прохладного номера на лоджию – как ошпариться. Утром в Греции меня подстерегает приятная неожиданность: я открываю стеклянную дверь и получаю тепловой удар вместе с национальной музыкой. И спросонья таращу глаза на вечное греческое веселье, как католическая монахиня, которая направляется в келью, а попадает на карнавал. Кстати, о монахинях... Есть у меня близкая подруга Кики. Полжизни мы провели вместе, и

что же дальше? А дальше она начинает устраивать фокусы... Кроватка дядюшки Клавдио пуста.

Валерия: шорты, футболка, сабо, пляжная сумочка, крем для загара, бинокль.

Я позвонила Милошу из холла...

– Алло? – моментально отозвался он.

– Друг мой, – сказала я проникновенно, – жду тебя на террасе ресторана.

– Во что теперь сыграем? – рассмеялся Милош.

– В завтрак, – строго ответила я и повесила трубку...

Клавдио сидел в ресторане и медленно жевал. Я обнаружила его в дальнем углу зала. Постояла за пальмой... Что за толстокожий мужчина! Он совершенно не чувствовал, как я на него таращусь. «Избушка-избушка, повернись к тарелке задницей, а ко мне личиком», – прошептала я. Он обернулся и покраснел. Вероятно, от удовольствия видеть меня...

– Ранняя птичка клювик протирает? – осведомилась я.

Клавдио поперхнулся и развел руками. Мол, он не виноват, что я так поздно просыпаюсь. И пришлось ему завтракать в одиночестве. А после завтрака в одиночестве он пойдет в одиночестве бродить по острову...

– Ну-ну, – подытожила я. – На террасе, мне кажется, будет попрохладнее...

И, помахивая ручонкой, как веером, я отправилась пить кофе на террасу. Ничего не поделаешь – у каждого дядюшки свой адюльтер. И у каждой невозможной Валерии – тоже.

На террасе я выбрала угловой столик. Понаблюдала, как Клавдио спешно покидает отель, и закурила, наслаждаясь видом побережья. А на самом деле меня беспокоило, чтобы морской причал не загоразивала какая-нибудь ветвистая зараза. Елка или пальма. Море, дорога вдоль побережья, пляжные зонтики – это причальный антураж. Вчера я подслушала один интересный разговор между Клавдио и Кики и теперь хотела проследить за его развитием... «Ах, волна, ах, чудный воздух, ах, остров, темнеющий вдаль... Ты бы хотел, дорогой, оказаться со мною на острове? Только ты и я. Бамбуковая хижина, моя любовь и шелест волн, опять же под мои вздохи...»

Режиссер объявился на террасе, когда спектакль был в самом разгаре.

– Я получил еще одну фотографию, – сообщил мне Милош.

Эти фотографии беспокоили меня гораздо больше, чем Милоша. Только я не орала по ночам и не прыгала, как Тарзан.

– Посмотри-ка, друг мой, на причал. – Я протянула Милошу свой театральный бинокль.

Вытащила нахально из пляжной сумочки. Милош слегка удивился, но взял бинокль и принялся изучать окрестности.

– На причале Клавдио и Кики, – сообщила я.

В дамской сумочке может завалиться все что угодно. Но бинокль я притащила с собой специально. От моих интонаций можно иногда описать.

– Что такое «кики»? – заинтересовался Милош.

– Любовница Клавдио.

И, стало быть, я – обманутая жена, которая страдает... А на самом деле Кики приплыла вместе со всеми. На том же морском пароме. И строила Милошу глазки довольно продолжительное время...

– Нет, это не она, – задумчиво произнес Милош, имея в виду злополучные фотографии.

Конечно же не она... Однако на пароме наш режиссер все больше тарасился на меня. И Кики осталась незамеченной...

– Неверный муж – повод для развода, – подытожила я, потому что спектакль заканчивался и от Милоша требовалось какое-нибудь продолжение. В виде душевной и сексуальной поддержки.

– Теперь мы сбежим в Мексику? – спросил Милош, когда уяснил, что дама его сердца свободна для романтической оргии.

«В Мексику? За каким чертом?»

– Нет, мы переедем в другой отель, – ответила я и вытащила свой безымянный пальчик из обручального колечка...

Пляжные романы. Пляжные романы состоят из песка, из девушки в бикини, из пустых обещаний. Пляжный роман смывается вместе с загаром, когда с каждым днем все бледнее становятся кожа и воспоминания. Пляжный роман продолжается две недели и заканчивается так же легко, как и начинается. У меня не пляжный роман.

– Сейчас мы пойдем и похороним Клавдио, – добавила я, разглядывая свое обручальное колечко на блюдечке.

– Как это? – испугался Милош.

Мужчины довольно пугливые создания. У них слишком развито воображение. Они представляют себе боль задолго до наступления боли. Поэтому нередко кричат от ужаса, когда ровным счетом еще ничего не происходит.

– Мы похороним Клавдио символически, – пояснила я.

А еще мужчины очень непонятливы, когда им не хочется чего-то понимать... Что реальная женщина – это тебе не продукт литературного творчества.

– Может быть, похороним Клавдио в пустой бутылке из-под текилы? – предложил Милош, когда мы вышли из отеля.

Но останавливаться у пляжного бара и пить мексиканскую самогонку я не захотела. Меня тянуло на причал, где море разбивалось о волнорезы, где точки расставлялись над буквами «i» и где Клавдио о чем-то договорился с Кики... В общем-то, я поступала так, как требовали того обстоятельства.

– Аминь! – заключила я и выбросила свое обручальное колечко в море.

– Красиво, – оценил мою выходку Милош.

– Пойдем собирать вещи, – сказала я...

(Разговаривай со мною, Милош, разговаривай. Сейчас подходящее время для болтовни, для пустых обещаний, для объяснений в любви. «Кап, кап, кап», – ты слышишь, Милош, как проходит жизнь, пустая и непонятная. «Кап, кап, кап» – и мне уже двадцать шесть, и тебе под сорок. Убеди меня, Милош, что не надо совершать ничего ужасного. Я буду вспоминать твой голос, твою интонацию, я буду вспоминать эти разноцветные пляжные зонтики, окрашенные твоей интонацией, и смеяться от радости, что ничего не совершила. «Кап, кап, кап», – какое счастье...)

Я предложила Милошу переехать в отель «Диоген». Милош засомневался: «Клавдио сразу же нас найдет».

– А я не собираюсь скрываться, друг мой. Мы поселимся в «Диогене» открыто, как супружеская пара, как любовники, как коллеги по работе, как пара поношенных туфель, потому что отныне я не считаю себя замужем за Клавдио. Если повезет – будем радоваться

жизни, если не повезет – «можешь выгнать меня утром к чертовой матери».

– На это особенно не рассчитывай, – вставил словечко Милош и припечатал меня к ресепшену под самым носом у портье.

– Почту забирать будете? – спросил портье, поглядывая в потолок.

Мы целовались с Милошем так страстно, что портье убрал со стойки все посторонние предметы – кроме моих рук, разумеется. Иначе наше моральное падение случилось бы неминуемо. Опытный портье понимал, что трогать мои руки сейчас нельзя. Это точка опоры, без которой перевернется весь мир.

– Вам сегодня нужны скандалы? – спросила я у портье между поцелуями.

– Сегодня – нет, – отвечал портье. – Сегодня – уже были.

– Тогда пересылайте нашу почту в «Диоген», – распорядилась я. – Мы туда переезжаем.

– О'кей! – согласился портье. – Я так и подумал...

На упаковку вещей нам потребовалось не более получаса. Клавдио в номере не было, он шлялся где-то по острову вместе с Кики. Только благодаря этому обстоятельству «Афродите» удалось сохранить репутацию тихого местечка. Я молча пошвыряла свои вещи в чемоданы и вытолкнула чемоданы из номера, прямо под ноги Милошу. Раз и два! После чего мы спустились на лифте вниз.

– Такси? – предложил нам портье в холле.

– Самолет! – огрызнулась я, но портье, слава богу, ни слова не разумел по-чешски.

И вообще, тот английский язык, на котором я разговариваю, может считаться интернациональным только по части ругательств. Уж их-то понимают точно, а все остальные мои выражения – приблизительно.

Когда мы устроились в такси, Милош вдруг хлопнул себя по колену и что-то пробормотал.

– А теперь повтори все то же самое, но только внятно и остроумно, – попросила я.

Оказывается, он огорчился, что завтра прилетает съемочная группа и ему необходимо приниматься за работу...

– А ты что будешь делать?

– Буду таскать за тобой кинокамеру.

Он по-прежнему подозревал, что «загадочные» фотографии ему присылает какой-то Александр, что это фотографии какой-то Лолы. И мне пришлось закинуть свою ногу ему на колени, чтобы чем-то отвлечь от этой темы. Милош, как водится, позабыл на время про фотографии, про Александра, про Лолу, про Агриппину он тоже позабыл. Только я постоянно помнила про Агриппину. А Милош попытался засунуть свою руку в мои шортики, и, чтобы он особенно не пытался, я спросила у него, как работает кинокамера. Он вытащил руку, соединил пальцы рамочкой и погряз в технических деталях. Тогда я положила Милошу на колени и вторую ногу, устроилась поудобнее и принялась кивать головой – на каждой кочке. Машина то и дело подпрыгивала, что только облегчало мою задачу – быть внимательной по отношению к мужчине. Таксист, между прочим, поглядывал на меня чаще, чем на дорогу, и я показала таксисту язык. «Панорама, перспектива, интерьер, натура», – самозабвенно бубнил Милош до самого отеля...

«Диоген» претендовал на «рай для влюбленных». В нашем номере я распахнула стеклянные двери и вышла на лоджию. Отсюда открывался прелестный вид. Волны лениво разглаживали песок совсем неподалеку от отеля, цикады успокоительно верещали, кондиционер работал, и только ангелы не летали под окнами.

– И свадьбу новую сыграла при жизни мужа... – вполголоса сказала я. – И ночь провела в супружеских вольностях...^[4]

Друг мой, а сколько стоит мужчина? Покуда его потрошит другая женщина, он ровным счетом ничего не стоит. Надо оценивать после развода – сколько от него осталось. Я рассмеялась. Я знала точно – кто посылает фотографии Милошу...

Принося жертву, береги свою грызю.

*Надпись на серебряной ложке, найденной в
окрестности Галлиполи*

На следующее утро я не ощущал достаточной крепости во всем организме, чтобы вот так запросто подняться и идти в ванную. Редкие вещи нас устраивают полностью. Например, ботинки я ношу одного размера, а трусы другого размера. Если об этом серьезно задуматься,

то можно еще немного поваляться в постели. Именно в такие минуты жизни меня посещают слабые мысли:

...Наше жилище помечено женскими следами. Неожиданно и годы спустя вдруг выкатится губная помада из-под шкафа, или диван вскрикнет несвойственным дивану голосом, или ветер тронет шторы на окнах – и тени промелькнут и разбегутся в разные стороны, хихикая и перешептываясь...

...Надо позвонить Агриппине, надо позвонить Агриппине, надо позвонить Агриппине...

...Женщина – существо не человеческой расы. Мужчины всю жизнь пытаются познать инородное тело, понять иноземный разум. Но как пустота может понять бублик?..

...Кстати, о бубликах... Завтра прилетает Александр. Я сфотографирую его с Лолой, он меня – с Валерией. Получится не фильм, а сказка – как мы весело провели время на Крите. Несомненно, что господин директор сделает бублик, просматривая наши кинопробы. Даже знаю, что он скажет. «Неужели вам не хватило шлюх дома и вы отправились за ними на Крит?» Вот что он скажет...

...Женщины от нас предохраняются. Они распоряжаются чужой судьбой по собственному усмотрению. Прерванное зачатие – сколько лауреатов Нобелевской премии погибло из-за этого? Никто не может сказать. Удивительно, из окружающих детей я знаю только великовозрастного ребенка Агриппины. Пусть растет и дальше – на него вся надежда...

...Женщины призваны вынашивать искру божью, а рассуждают как чертовки. Я беседовал на эту тему с Агриппиной. Она не разделяет моих чемоданных аналогий. Мол, что положишь, то и возьмешь. «Беременность, – говорит Агриппина, – процесс с непредсказуемым результатом от разных дураков». Между прочим, я никогда не помню, что за дрянь кладу в свой чемодан. Но всегда хочется открыть его и обнаружить какую-нибудь значительную рукопись или потрясающее художественное произведение. Так что я тоже понимаю женщин, когда с замиранием сердца приподнимаю крышку своего чемодана и вижу на дне сапожную щетку, скомканые рубашки и просроченные счета за собственное проживание. Жалкое зрелище. Зачатие дурака. Это ощущение роднит творчество и беременность. И приятельниц у меня намного больше, чем реальных половых связей...

...По теории вероятности, надо вырезать побольше букв и разложить их на огромной сковородке. И подбрасывать, и подбрасывать... Рано или поздно из этих буквиц сложится роман. Таким образом можно легко написать «Сагу о Форсайтах». По теории вероятности. Сколько раз я пробовал, но получалась какая-нибудь галиматья вроде «взбдызнуть по голозыдре». Наверное, я собираю не те буквы...

...При виде Валерии мужчины превращаются в китайцев. Или японцев. Их улыбки растягиваются до позвоночника. Валерия, как ходячая электростанция, переключает энергию мужчин на себя. Блондинки совершенно анемичны. Вы испытывали сексуальное влечение к холодильнику? Когда ко мне приближается блондинка, я представляю, что сейчас мой член засунут в морозильник. А Валерия – натуральная бестия. Игривая, как пантера в добром расположении духа...

...Дружить с женщинами весьма полезно – всегда ты сыт, сексуально не озабочен и остроумен. С мужчинами дружить гораздо сложнее. Я не знаю, что с ними делать после полуночи. И какой смысл долго общаться с мужчиной, если все равно окажешься в постели с женщиной? В том-то и дело. Я предпочитаю с мужчинами просто пить, пить стоя, за здоровье присутствующих здесь дам. Главное, не указывать женщинам, как им жить. Они живут как бог им на душу положит...

...Я уже придумал название для нашей кинокартины. «Кому нужны чужие трупы?!» Я так и думал, что вам понравится, господин директор!..

...Лучше всего я разбираюсь в похоронной музыке, но под нее особенно не попляшешь. Хотя на свои похороны я закажу что-нибудь веселенькое и банальное. Ведь жизнь – это обыкновенная оргия. Отрезок времени, когда душа соединяется с телом. Мы радуемся, мы безобразничаем от полноты ощущений, а потом – важные, в белых тапочках – расстаемся с осязанием, обонянием, зрением, слухом, вкусом и гравитацией. «Друзья, от нас ушел Милош Корда...» Отсюда ушел – туда пришел... И спрашивается – как, Милош, прожил ты жизнь, тебе отпущенную? А вдогонку мне – «иииууу, виииууу!» – заунывная мелодия. И ответить Милошу, собственно говоря, будет

нечего. Всю жизнь я занимался ерундой. Получи, Господи, обратно свое подобие...

...Говорят, что я описываю события не последовательно, не похристиански: вначале прелюбодействую, а затем – еще раз прелюбодействую. А надо бы пойти в церковь и между этими событиями покаяться. Каюсь...

...Эту прошедшую ночь в постели с Валерией я надолго запомню...

...Мы, пылкие существа, должны восемь часов прижиматься друг к другу телом, иначе нам холодно и одиноко. Иначе мы теряем уверенность в необходимости нашего бытия. Сомневаемся, что будем нужны кому-то утром, поэтому жадно обнимаемся всю ночь, согревая эту надежду. Мы циники днем, мы насмешливо смотрим на чувства. Мы притираемся, как дощечки, и очень нуждаемся друг в друге, чтобы жить только так, как мы живем. Мы вертимся, как колесики в часовом механизме, тикая друг на друга. «Тик». – «Так». «Так?» – «Так!» Мы любим только себя друг в друге, мы любим эту жизнь как отражение нашего существа. Мы целуем друг друга, как зеркало, потому что райское яблоко вновь становится целым, когда мы соединяемся, и червоточина прячется внутри нас, когда соединяются две половинки. «Это – тик?» – «Тик». «Как тебе хорошо?» – «Так!»

...Вчера вечером у себя в номере я разложил фотокарточки прямо на полу. Глаз, губы, рука. Неужели, кроме желания пощекотать мне нервы, тут не было никакого смысла? Рука, глаз, губы. Я перекладывал карточки наподобие пасьянса. Губы, рука, глаз. Позвонил портье. Глаз, губы, рука. «Да, синьор?» Почему портье обращается ко мне – «синьор»? Мы же в Греции, а не в Италии.

– Мне нужен мел, – сказал я портье.

– Мел – это то, чем натирают бильярдный кий?

– Мел – это то, чем рисуют дети, – уточнил я.

– У вас есть в номере дети? – удивился портье.

– Нет, у меня есть в номере бильярдный кий! – разозлился я.

– Я понял, – сказал портье.

– Я надеюсь, – сказал я...

...Мужчина совершает хорошие дела не задумываясь, женщину каждый раз приходится уговаривать. Мол, сделай доброе дело – отдайся...

...В женских будуарах надо вести себя осторожно, чтобы не провалиться в другое измерение. По коробочкам и ящичкам не надо лазить – ничего интересного для мужчины там нет. В нижнем отделении лежат пустые тюбики от помады – не твоего ума дело. В правом шкафчике колготки – не тебе их носить. И не надо фыркать на пудру и смотреть, как она разлетается по комнате...

...Вчера горничная передала мне от портье кусочек мела. И все-таки мел оказался – «то, чем натирают бильярдный кий». Синего цвета. Я опустил на пол и принялся рисовать. Валерия, лежа на кровати, лениво за мною наблюдала, как кошка. Минут через десять я поднялся на ноги и оценил дело рук своих. На полу остался контур вульгарной женщины. Раскоряченные ножки, растопыренные ручки и сиськи набок. Ушки, носик, волосы – все было на месте и все синюшного цвета. Я даже по памяти нарисовал одну совсем интимную и лохматую штучку женского рода, но потом застеснялся и затер эту штучку ногами. Насладившись картинкой, я разложил по синему контуру и фотоснимки. Глаз, рука, губы. Мне захотелось представить фотопортрет целиком. Но получился пьяный сюрреализм. Сальвадору Дали такие «натюрморты» и не снились. Слабый ветерок гулял по полу, шевелил фотографии. Гадкая синюшная женщина подмигивала мне одиноким глазом, манила бледной кистью и улыбалась...

Удивительно, сколько ассоциаций появилось на свет, пока я валялся в постели и ничего не делал. Поток сознания иссяк. Слабые мысли кончились – пора вставать...

* * *

Я вышел на лоджию, сделал глубокий вздох и поспешил выдохнуть все обратно:

маленькую лагуну цвета сочной бирюзы;
садовника, который поливал кустики под окнами отеля;
песчаный пляжик по краю лагуны;
детей с надувными крокодилами на песчаном пляжике;
надувных крокодилов, потому что я не люблю надувных крокодилов;

сотню-другую цикад, из-за того что они нахальные головастые мухи и шкварчат, и шкварчат с утра до вечера;
очень соленую воду Средиземного моря;
два парома вдали;
синее и постоянно безоблачное небо над Критом;
солнечные батареи на плоских крышах домов;
запах вчерашней текилы вместе с запахами рыбы и кальмаров
и бесконечный греческий танец сиртаки – «трам-пам-пам-пам-пам-пам-пам-пам-пам, трам-пам-пам-пам-пам-пам-пам-пам-пам!».

– Мужчина, вы не подскажете, как пройти к морю? – спросила у меня Валерия.

Она стояла на лоджии, раскинув руки. Глаза Валерии прятались за солнечными очками, сигарета во рту курилась самостоятельно, как будто Валерия не имела к этому действию ни малейшего отношения.

– Ты перегрелась, – заметил я. – У тебя все тело дымится.

Валерия слегка наклонилась вперед и аккуратно выплюнула сигарету. Затем вернулась в исходное положение: руки в стороны, ноги на ширине плеч, подбородок приподнят, бикини в разобранном состоянии. То есть полбикини.

– По утрам полезно принимать солнечные ванны, – сказала Валерия. – Полезно для здоровья, – уточнила она.

Я глянул с лоджии – куда упала ее сигарета? Теперь она дымилась на клумбе возле садовника. Садовник удивленно рассматривал сигарету, словно летающую тарелку с инопланетянами. Назревал вопрос – откуда она прилетела? Я быстренько развел руки в стороны и сделал вид, что тоже принимаю солнечные ванны, полезные для здоровья.

– Может быть, надо позвонить Клавдио? – предложил я.

– Может быть, – ответила Валерия, да и только.

О чем размышляла Валерия, прячась за солнечными очками, оставалось тайной, покрытой темными стеклами. А я представил себя на месте Клавдио, собрал всю греческую полицию и принялся мысленно рыдать: «Месье, месье, у меня жена пропала! Брюнетка, глазки карие, очень хорошенькая!..» Впрочем, знал я еще одну женщину, которую муж вечно разыскивал...

«Так, после ее убийства, садясь за стол, он спросил – почему же не приходит императрица?»^[5]

...А между прочим, она совсем и не скрывалась. Ушла от мужа полгода назад и задирала ноги в другом обществе. Просто муж никак не мог в это поверить.

– Клавдио прекрасно знает, где меня найти, – сказала Валерия. – Благодаря портье...

– Портье?

– Портье из «Афродиты», – подтвердила Валерия. – Друг мой, а почему же вчера ты не тревожился о Клавдио?..

Вчера мы бродили с Валерией по ночному побережью... Южные звезды крупнее и натуральнее, чем бриллианты. Во всяком случае, это самое подходящее кольцо для обнаженной женщины. Валерия тихо плескалась в море среди россыпи звезд, а я примерял ей подходящее ожерелье. Малая Медведица казалась мне простоватой, и Большая слишком бедна для моей Валерии. Вчера я сидел на песке, ожидая, когда Валерия выйдет на берег, и действительно – ничто меня не тревожило. Вчера я корчил из себя египетского сфинкса. Спокойного и всезнающего. Эпитафию человечеству.

– А пошел он к черту! – сказал я, имея в виду Клавдио.

– Правильно, – рассмеялась Валерия. – Ты очень решительный мужчина...

– Это шутка?

– Гипноз! – Валерия снова рассмеялась. – Коварный соблазнитель, коварный соблазнитель, коварный соблазнитель!..

Она опустила руки и внимательно осмотрела свой маникюр. Оказывается, Валерия попросту ожидала, когда под солнцем высохнет лак для ногтей. Некоторые женщины еще трогают лак кончиком языка. Но Валерия посчитала, что это лишнее, и показала мне, как тигрицы обдирают кору на деревьях.

– Ррррр, – сказала Валерия, – пойдем завтракать.

Очень любезная тигрица-людоедка. Спасибо за приглашение...

«Он хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верной гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды...»^[6]

Мы не пошли в ресторан. Коварная лагуна возле отеля пообещала открыть мне тайну вечной любви, и я повел Валерию туда, где открывались вечные тайны. Мы выбрали уединенное место на пляже,

под соломенным зонтиком, и завтракали часа два с половиной. Уничтожили бутылку красного вина, четыре груши, две сочные грозди винограда и муравья, который покушался на единственный персик. Муравья с почетом похоронили в песке вместе с косточкой от персика. Словом, коварная лагуна сдержала свое обещание. Вот ее тайна: чтобы вечно любить одну женщину, надо жить с нею на необитаемом острове. Мы плавали в лагуне, как Адам и Ева, мы любили друг друга под каждой волной. Теперь я прекрасно понимаю импрессионистов, которые завтракали с обнаженными подругами. Одинокие самцы просто обязаны вкусно закусывать на природе. Тут можно аппетитно давить во рту виноградинки, перемигиваясь с подружкой, и глупо хихикать ни о чем. А как вам коктейль из красного вина, фруктов и Валерии? Добавьте туда немного ласковых слов, легкий поцелуй, прибрежный песок, греческое солнце и пейте, пейте, пейте и наслаждайтесь. Если не понравится, то вы ничего не понимаете в импрессионизме.

– С добрым утром! – поздравила меня Валерия и перевернула пустую бутылку вверх попочкой.

Завтрак закончился. Мы удалялись прочь, а я все время оглядывался на лагуну, как будто оставил там полжизни. Красное вино и солнце легко играли с моим воображением – в лагуне резвились тени случайных женщин. Сколько мимолетных встреч, сколько романов у меня было – все оказались в коварной лагуне, как джинны, выпущенные из бутылки...

Когда-нибудь я открою свой ломбард. Или устрою распродажу женских вещей. В Праге у меня хранится значительное количество разных безделушек. От губной помады до швейной машинки. Я не фетишист, но такого количества женских огрызков нет ни в одной холостяцкой квартире. На всем белом свете. Какие-то застёжки, булавки, колготки – будто бы я маниакальный старьевщик. Я консультировался по этому поводу с Александром. Он выбрасывает все, что подвернется ему под руку из женских предметов. Вышвыривает прочь из дома, иногда даже раньше дамы, которая вынуждена собирать свои вещи на улице. Я деликатнее. У меня имеются два испорченных пылесоса – я складываю все туда. Отчасти. Потому что где взять столько испорченных пылесосов?

Например, швейную машинку ко мне приволокла одна сумасшедшая оборотка, которая трижды была замужем. Ей бы обвенчаться и в четвертый раз, так нет же – она переезжала от одного бывшего мужа к другому. И предъявляла претензии по поводу ушедшей молодости, увядших роз и утраченного на этом семейном поприще здоровья. Шарахалась, одним словом, как старый боксер между тремя углами на ринге. Это называется – бой с тенью. Четвертым углом на ринге, следовательно, был я. Больше чем на одну ночь эта дамочка у меня не задерживалась. Приходила с головной болью и убегала с тоскою в глазах. Три тяжелых чемодана сопровождали ее, словно верные псы и соучастники блужданий. И мы бесновались каждый раз между ее чемоданов от полуночи до шести часов утра. В половине седьмого за нею являлся какой-нибудь бывший муж и сигналил, и стонал под моим окном. «Пора!» Швейная машинка, современный станок Пенелопы, занимала отныне почетное место в моей квартире. Восемнадцать лет простоит без Пенелопы, покуда она блуждает – и выкину эту дрянь на улицу. Вот такая «Одиссея». Надо сделать объявление: «Крупногабаритные вещи принимают по адресу...» И дать адрес Александра. Ведь у него квартирка побольше да и нервов поменьше. Сотворит из машинки «блямс!» – и поминай как звали. «Меня зовут Александр, а ваше имя теперь – Блямс!!!»

Агриппина оставляла у меня оторванные пуговицы. Ведь она не могла раздеться по-человечески, и мне приходилось добиваться любви, раздвигая на ней одежды. «Раз!» – говорила Агриппина, и пуговица от юбки выстреливала под диван. «Два!» – говорила Агриппина, и застежка на лифе трещала под моими пальцами. «Три!» – говорил я и проникал в Агриппину. Дальше мы сбивались со счета, и только оторванные пуговицы фиксировали нашу страсть. Я складывал пуговицы и застежки Агриппины в большую чайную кружку на письменном столе. Однажды Агриппина принялась их перебирать, высыпала на стол и заметила: «Девяносто шесть! Боже мой, как я давно тебя знаю!» Вероятно, Агриппина никогда не раздевалась, чтобы не принадлежать мне полностью. Снять всю одежду, стряхнуть с себя цивилизацию, принять языческую веру, сесть на помело и визжать, визжать, наслаждаясь дикими звуками собственного голоса. Вероятно, женщина боится только себя. Только она подозревает – что же на

самом деле скрывается под ее современными одеждами. Поэтому: «Мужчина! Стой где стоишь, иначе не знаю, что с нами будет!»

– Я хочу сообщить тебе нечто важное, – сказала мне Валерия...

После завтрака мы исследовали окрестности вокруг отеля. Полуденное солнце загнало всю живность под тень, только оставленный на привязи осел истошно орал и ругался, требуя воды, пищи и особого места в греческой литературе. Мы прошлись с Валерией вдоль прибрежных заведений – таверн, лавчонок, ресторанчиков, кафе – и разыскали пару самых идиотских шапочек от солнца, чтобы не выглядеть дураками среди туристов. Вдобавок купили небольшой бюстик Сократа и затащили его выпить с нами в первый подвернувшийся бар.

– Нечто важное? – переспросил я, макая бюстик Сократа носом в пиво.

– Этот бармен заядлый гомосексуалист. – Валерия постучала пальчиком по стойке бара для убедительности.

Я взглянул на бармена как следует. До этого я больше интересовался картой вин. Пышные усы бармена соединялись с бакенбардами, как день неторопливо переходит в сумерки, и, видимо, этот бар был открыт круглосуточно.

– Точно-точно, – убежденно бубнила Валерия, стреляя по сторонам глазами, – обрати внимание, как он на тебя смотрит.

Действительно, бармен улыбался мне очень приветливо. Я перегнулся через стойку, и мы обнялись. При этом опрокинули на пол пару бокалов и до смерти перепугали Валерию. Которая стремительно бросилась меня оттащить от бармена, приговаривая: «Да что же это творится! Всякие педики не дают человеку текилы выпить!»

– Привет! – Бармен попытался хлопнуть меня по плечу, но Валерия прижала его руку к стойке. – Да отцепи ты от меня эту свирепую кошку! – возмутился бармен.

Это был Корнелий. Когда усы еще не росли по его телу так густо, мы сидели с Корнелием за одной партой. И после выпускного вечера виделись раза четыре. Как и положено одноклассникам, у которых был раньше повод ходить в одну школу, а после школы все законные основания встречаться как можно реже.

– Всю руку мне исцарапала, – продолжал возмущаться Корнелий.

– Она решила, что ты педик, – пояснил я.

– Теперь я решила, что вы – два педика, – уточнила Валерия.
– Мы одноклассники! – заявил Корнелий.
– Это еще ничего не значит, – заметила Валерия.
– У меня есть жена! – вякнул Корнелий.
– Бедная несчастная женщина с глубокой психологической травмой, – сразу же определила Валерия.

Корнелий, видимо, решил развеять всяческие сомнения по поводу своей ориентации, что, безусловно, Валерию только забавляло. Нет ничего глупее мужчины, который надеется хоть в чем-то убедить женщину. Если женщине ничего от него не надо, он может и не надеяться. Но достаточно показать ей что-нибудь интересное, ну хотя бы сто долларов, как женщина тут же заявляет, что полностью с ним согласна.

– Налей-ка лучше, – посоветовал я Корнелию. – Выпьем за встречу.

– Мне – текилы, – моментально согласилась Валерия и освободила Корнелию руку для раздачи напитков. – Значит, вы с Милошем учились в одной школе?..

– Пыфффф! – сказал Корнелий, на большее его не хватило.

В сорокаградусную жару текила пьется с особым блеском. Уравновешивает температуру тела с окружающей средой. Как будто в голове выключают солнце, и можно закусывать текилу хоть кактусом, все равно ничего не видно. Кстати, я слышал краем уха, что Корнелий живет теперь где-то в Греции, но никак не мог предположить, что повстречаю его на Крите.

– Как ты здесь оказался? – спросил я у Корнелия и обвел взглядом бар.

Под потолком висели старая печатная машинка и боксерские перчатки. Все стены бара были расписаны разноцветными фломастерами. Признания в любви, добрые английские выражения, фразы, слова, словечки, рисуночки и многоточия – трепанация мозга в момент литературного оргазма. У меня такое тоже случается.

– Зашел выпить пива, – рассказывал Корнелий, каким образом он оказался на Крите, – женился, протираю стаканы.

– Хорошая епифания, – опять согласилась Валерия и крикнула текилы.

– Я серьезно, – обиделся Корнелий.

– А она – нет, – вставил я. – Кстати, познакомься, это Валерия.

Корнелий галантно посмотрел на Валерию исподлобья и сказал:

– Целую ручки.

– Ручки – это совсем неинтересно, – тут же ответила ему Валерия. – Вот если бы что-нибудь другое...

Корнелий набрал в легкие побольше воздуха, как ныряльщик перед погружением. Я поспешил задать ему очередной вопрос:

– Женился ты, надо понимать, на хозяйке этого заведения?

– На дочери, – отвечал Корнелий, выдыхая и... – Кто это?! – все-таки взвыл Корнелий, указывая на Валерию пальцем.

Вероятно, об этом спрашивает бык у матадора, когда видит красную тряпку. А я и забыл, что Корнелий совсем не понимает шуток. С детства. Всякие шуточки Корнелия только раздражали, и он пользовался необычайной популярностью среди товарищей как самый подходящий объект для розыгрыша. Боже мой, как мы над ним издевались. С яростью молодой крапивы. Корнелий всегда возвращался из школы испачканный мелом, облитый чернилами и с полным «джентльменским набором» в своем портфеле. Набор состоял из разноцветных презервативов, как запечатанных, так и распечатанных, пустой бутылки из-под виски, ископанной пачки сигарет и «откровенных признаний» на ученических тетрадях – «от весьма озабоченных поклонниц». Эти признания мы сочиняли вместе с девчонками, и, честно скажу, – вот мои первые литературные опыты. Мы сексуально раскрепощались, цитируя друг дружке самые откровенные места из посланий нашему Корнелию. Спасибо тебе, друг Корнелий, ведь эти похабные «Опыты» привели меня к самому непредсказуемому результату...

«Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, наслаждаются свободой по законам природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги – я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!..»^[7]

...Почему-то мы с Агриппиной не могли создать общей жизни и тогда завели общую тетрадку. Время от времени ко мне стучался посыльный и вручал пакет, за который я аккуратно расписывался – «срочная бандероль доставлена, и претензий у получателя нет». Один

раз посыльный явился в три часа ночи, другой раз – в половине пятого утра. Житейские мелочи были невластны над Агриппиной, когда ей хотелось со мною пооткровенничать. Я разрывал почтовый пакет, как будто кофточку на Агриппине, и обладал тетрадью, уже потрепанной, как наши отношения. Это был роман в письмах – одно послание следовало за другим, откровение за откровением, – и всегда можно было перечитать, что я писал месяц назад и что отвечала мне Агриппина. Все перепады, всплески, мысли и ругательства были перед глазами. Увлекательное зрелище. Агриппина не затаскивала мои письма к себе в норку, не перевязывала их ленточкой, не душила нафталином, нет. Все они были в общей тетради с комментариями Агриппины. «Ты думаешь, подлец, что женщина неспособна на истинные чувства, так вот тебе за это...» И дальше Агриппина позволяла себе то, чего никогда не говорила мне при встрече. Словно существовали две Агриппины: одна литературная – трогательная и нежная, а другая – вполне материальная и современная женщина. Когда-нибудь они встретятся...

Агриппина

Я считаю, что общественную кассу надо разделить, ибо в нашей кассе много денег.

Надпись, найденная на стене общественной уборной в Помпеях

18 марта 59 года Агриппина Младшая прибыла в Кампанию для участия во всенародном празднике. Обогнув Мисенский мыс, военная трирема Агриппины причалила в порту курортного города Байи...

Среди приморских поселений Кумского залива купальные заведения в Байях считались образцовыми. Горячие источники, целебные грязи... Байи – летняя резиденция императоров, престижный курорт, куда на отдых собирались сливки римского общества. Ах, Байи – тут было самое изысканное место на земле. Пурпурные одежды, белоснежные яхты. Надо сказать, что в окружении прогулочных корабликов военная трирема Агриппины выделялась как заряженный револьвер в букете ромашек...

Историки насчитывают три попытки отравления вдовствующей императрицы. Яды, как пишут Светоний и Тацит, поступали из лаборатории Локусты. Эта известная отравительница годами не выходила из тюрьмы. Там же и варила отраву. Покончить с ядовитым фармацевтом не спешили – могли понадобиться ее услуги. И выпускать из тюрьмы не собирались – держали под присмотром. Еще Клавдий обнаружил в тайниках Калигулы огромный сундук из лаборатории Локусты и велел бросить его в море. Говорят, зараза распространилась такая, что волны прибывали отравленную рыбу к дале-еким берегам. Для именитых особ зелье варилось по особому рецепту. Но разве всем угодишь? Когда Нерон пожелал отравить своего сводного брата Британика, Локуста приготовила изысканный яд, рассчитанный на постепенное угасание сводного брата. По десять капель в день, во время еды, и через месяц Британика как рукой снимет. От слова «месяц» Нерон пришел в ярость. По его приказу доставили Локусту во дворец. Волокли за волосы от самой тюрьмы до дома принцепса по многолюдным улицам Рима. Локуста жалобно

подвывала, с нею здоровались прохожие и недоумевали. Действительно, случай уникальный: Локусту обвинили в некомпетентности. Во дворце Нерон набросился на злополучную даму, выкрикивая: «Дрянь! Ты изготовила лекарство, а я заказывал отраву!» Локуста неуклюже оправдывалась, мол, хотела отвести подозрения от императора, поэтому ядик медленнодействующий, но через пару недель... Нетерпеливый Нерон пинками загнал Локусту в соседнее помещение, где отравительница состряпала новое зелье, которое испытали на козле. Козел скончался только через час. Нерон чуть не лопнул от злости. Отраву перекипятили и снова испытали – на поросенке. Тот сдох как стоял. «Яд хороший», – одобрил концентрацию Нерон, прихватил пузырек с отравой и, напевая, ушел обедать с Британиком. Через пять минут Британика вынесли из столовой вперед ногами. Локусту отправили обратно в тюрьму на императорской повозке. По дороге римляне вежливо раскланивались с Локустой – на всякий случай...

Судя по всему, Агриппина беспрестанно принимала противоядия. При таком сыне и при такой жизни – естественная мера предосторожности... «Нерон будет править Римом, но убьет свою мать». Четвертое покушение на Агриппину отличалось театральной изощренностью – штучно изготовленный потолок должен был обрушиться на спящую императрицу. Эта интрига тоже не удалась – то ли Агриппина той ночью вообще не спала, то ли ночевала в другом месте... «Пусть убивает, лишь бы правил!» Наверняка Агриппина Младшая знала, откуда ветер дует и кто желает ее смерти. Иначе была бы она единственной, кто об этом в Риме не подозревал...

Восемнадцатого марта в Байях Агриппину встречал император Нерон со свитой. Обнял мать на берегу и в честь праздника подарил Агриппине новую яхту. Этот кораблик был пришвартован тут же; матросы размахивали разноцветными платочками и приглашали Агриппину поплавать вместе с ними по заливу. Агриппина, должно быть, поблагодарила сына за приятный сюрприз... [8]

Если верить историку Диону Кассию, то однажды Нерон и Сенека посетили театральное представление. Спектакль, по всей вероятности, назывался «Ноев ковчег». И во время этого представления специально придуманная машина вдруг раздвинула чрево бутафорского корабля, и выбежали наружу всевозможные твари – парами. Представление

Нерону и Сенеке понравилось. Они осмотрели хитроумную машину, а назавтра пригласили главного флотского начальника Аникета и показали ему. Гляди-ка, вот борта кораблика раздвигаются, вот сдвигаются – Нерона и Сенеку интересовало, сможет ли Аникет построить настоящий морской корабль с раздвижными бортами. Аникет не спрашивал у Сенеки, а тем более у Нерона, для чего такие мудреные штучки, – пообещал сделать. Заложили загадочное судно на верфях Кумского залива, там же и спустили на воду. Никогда еще корабелям не поступал такой странный заказ. «Распадается?» – спросил Нерон, принимая «изделие». «И плавает», – удивлялись корабелы.

Нерон, довольный своим подарком, предложил матери осмотреть яхту, но Агриппина, сославшись на усталость, сказала, что прокатится на кораблике, может быть, завтра. Тогда Нерон вызвался проводить Агриппину до виллы в Баулах.

Эта вилла досталась Агриппине по наследству от бабушки. Усопшая бабушка, дама с веселыми нравами, разводила на вилле рыбок. И не каких-нибудь карасиков или карпиков, а мурен. Свою любимую мурену, как сообщает Плиний Младший, бабушка украсила серьгами, и множество бездельников приезжало к ней в Баулы, чтобы поглазеть на мурену в серьгах. Столовая выдавалась в море, бабушка обедала и кормила мясом рыбок, а волны плескались и замирали у стен. Противиться женским капризам – все равно что дуть на волны. После обеда бабушка Агриппины спешила в купальни, а затем спускалась к беседке, о которой тот же Плиний упоминает как о месте своих наслаждений...

Возле виллы любезный Нерон простился с матерью. Порывался зайти, чтобы поглазеть на мурен, да Агриппина отговорила. Мол, самые крупные рыбки сожрали друг друга. Тогда Нерон пригласил Агриппину на праздничный ужин к себе во дворец и откланялся...

Пересуды об императорском инцесте возникли неслучайно. За Агриппиной уже числилось два кровосмесительных греха – с братом и дядей. Аналогии усилились, когда Нерон приблизил к себе гетеру, которая славилась внешним сходством с Агриппиной. Об этом сходстве упоминает Светоний. И утверждает, что предавался Нерон кровосмесительной похоти, разъезжая вместе с матерью по городу Риму в закрытом экипаже...

На ужин к сыну Агриппина прибыла в назначенное время. По дороге из Баул в Байи ничего особенного с матерью императора не случилось. Отужинали тоже на редкость спокойно – без ядов и поножовщины. Неприятности начались позже... Как только Агриппина собралась домой, поступило известие, что на рейде в Кумском заливе повредили ее военную триеру. Какой-то корабль (без опознавательных знаков) аккуратно протаранил личный «крейсер» вдовствующей императрицы. Об этом происшествии упоминает Светоний. История умалчивает, почему Агриппине вздумалось возвращаться домой по морю, но старший флотский начальник Аникет вызвался лично доставить Агриппину обратно в Баулы. Плыть предстояло не более десяти минут, и для этого путешествия как нельзя лучше годился подарочный кораблик Нерона (с раздвижными бортами). В сопровождении только одной служанки по имени Ацеррония мать императора ступила на палубу корабля, и «распадающаяся дрянь» отошла от причала.

Говорят, что Нерон следил за отплытием кораблика из окон своей резиденции. Кумский залив проглядывался как линия судьбы на ладони. Многочисленные гуляки тут и там горланили в лодках свои курортные песни; ночь была ясная, звездная и безветренная. «Кататься», – предложил Аникет и направил кораблик подальше от берега... Если верить античным историкам, а верить больше некому, Нерон пытался угробить свою матушку незамысловато до идиотизма. Как только кораблик отошел подальше от берега, снова «рушится кровля каюты» на бедную Агриппину. И снова безрезультатно. Высокие спинки античного ложа приняли на себя всю тяжесть специального потолка, наштигованного свинцом. Агриппина и ее служанка остались невредимы.

Перепуганные женщины выбежали из каюты на палубу. Внутри кораблика что-то натужно скрипело – это матросики пытались привести в действие хваленый механизм. Но давление воды оказалось сильнее, и борта театрального кораблика никак не хотели раздвигаться. И тогда, как пишет Тацит, гребцам отдается приказ – накренить и затопить судно. Необычный морской маневр путем переворота кверху брюхом. Опереточные злодеи принялись бегать внутри кораблика от одного борта к другому и раскачивать-раскачивать, раскачивать-раскачивать... Соображая, чем заняты матросики на этот раз,

Агриппина и Ацеррония соскользнули с кораблика в воду, чтобы наплевать на романтические прогулки под парусом и вплавь добраться до берега. «Уходят», – всполошился главный флотский начальник Аникет. По его приказу матросики прекращают играть в качельки, спускают шлюпки на воду и бросаются вдогонку...

Ацеррония плыла рядом с Агриппиной и первая заметила, как две быстроходные лодки отошли от корабля. Могла ли она подумать, что матросики спешат к ним на помощь? Античный историк Тацит, повествуя об этих событиях, наделяет Ацерронию мозгами куропатки. «Спасите! Спасите! – закричала Ацеррония. – Я мать императора! Спасите меня!» Как указывает самодовольный Тацит, Ацеррония вякала так «по неразумию». Другой причины историк не усматривает...

Между тем Агриппина, сохраняя инкогнито, продолжала плыть к берегу, а все внимание матросиков сосредоточилось на Ацерронии. Ее попытались сразу же прибить веслом, но Ацеррония появлялась из воды, как чертик, то возле одной лодки, то возле другой. Тогда матросики принялись молотить по воде чем ни попадя – палками, веслами, кинжалами; вокруг Ацерронии кипело море – истыканное, изрезанное, избитое. Кто-то изловчился и набросил на Ацерронию рыбацкую сеть... Служанка Агриппины была всего лишь женщиной и скончалась от пятого или шестого удара по голове.

Благодаря Ацерронии мать императора избежала смерти и на этот раз. Агриппину подобрала лодка с гуляками и доставила на виллу в Баулах. И моментально курортное побережье Кумского залива облетела весть о счастливом спасении Агриппины. Возбужденный народ поспешил к морю, чтобы славить богов и размахивать факелами.

Во дворце Нерона радостную весть приняли весьма сдержанно. Как сообщает Корнелий Тацит, император буквально помертвел от страха, когда ему доложили, что самое замысловатое покушение на Агриппину с треском провалилось. Нерон боялся, что с минуты на минуту в его резиденцию ворвется «римская волчица» и ему придется держать ответ за убийство Ацерронии, за придуманное кораблекрушение и за все остальное. «Мальчик» беспрестанно повторял, что сейчас Агриппина вооружит рабов, призовет на помощь армию, получит поддержку сената, и тогда ничто не уберезет его от гибели.

По долгу службы истеричные вопли Нерона слушали: придворный моралист Анней Сенека, гвардейский командир Афраний Бурр, флотский начальник Аникет и новая пассия Нерона по имени Поппея. «Что же мне делать? – вопрошает император. – Вымалить прощение у Агриппины?» Сенека молчит, Афраний Бурр помалкивает, Поппея начинает складывать личные вещи. Наконец Сенека, собравшись с духом, спрашивает у Афрания Бурра, можно ли отдать приказ гвардейцам немедленно умертвить Агриппину. Верный служака Афраний Бурр отвечает, что приказ отдать, конечно, можно, но вряд ли гвардейцы, связанные присягой с домом Цезарей, осмелятся поднять руку на вдовствующую императрицу. Пусть лучше Аникет довершит начатое дело, говорит Афраний Бурр, все равно за жизнь морского начальника теперь не дадут даже дохлого краба. Аникет и сам понимает, что в его судьбе возникла неожиданная проблема – как дожить до утра? На долгие лета рассчитывать не стоило. Либо его казнят по приказу Нерона, либо уничтожат по приказу Агриппины, либо... он исправит положение. И Аникет соглашается штурмовать виллу в Баулах, чтобы покончить с Агриппиной...

Можно подумать, Агриппина, как жертвенный ягненок, ждала и гадала, когда же Аникет с отрядом вооруженных бандитов доберется наконец до виллы. Кормила мурен и мечтала о новом «подарке» Нерона. А также сняла охрану и приняла подобающую позу для смерти... Тацит указывает, что отряд Аникета не встретил никакого сопротивления: вилла в Баулах словно вымерла, слуги разбежались, повсюду царил беспорядок, покои Агриппины были слабо освещены. И все-таки Аникет находит на вилле женщину, которую убивает как распоследнюю Агриппину, нанеся ей множество ран...

Как только Нерону доложили, что дело наконец-то улажено, он тут же поспешил на виллу в Баулы, чтобы лично засвидетельствовать смерть Агриппины. Нерон долго осматривал тело убитой, словно не веря своим глазам, и наконец пробурчал, поднимаясь от трупа: «Я и не знал, что у меня такая красивая мать». Все подумали – Нерон сошел с ума! Настолько чудовищны были слова императора. Но античные свидетели не понимали сути происходящего. Что вместо матери на вилле в Баулах Нерон обнаружил труп куртизанки, которая славилась внешним сходством с Агриппиной. Каким образом куртизанка там оказалась, об этом стоило расспросить Агриппину, да невозможно –

Агриппина исчезла. Нерон скрыл истину, чтобы прийти в себя и сообразить, как ему жить дальше. После всего происшедшего само существование Агриппины таило в себе смертельную опасность. Для императора Нерона, антихриста.

«В рассказе об этом нет расхождений», – клянется Корнелий Тацит, повествуя об убийстве Агриппины...

Прага

Беспрестанно Рестут обманывал многих девчонок.

Надпись на стене дома в Помпеях

Я курил трубку и пытался себе представить, что думают о жизни сорокалетние мужчины. Вероятно, их посещают мудрые мысли. Зрелые не по возрасту. Сорокалетние мужчины делают правильные выводы и живут себе дальше, пользуясь случаем, что голова у них работает и потенция в порядке... На прошлой неделе мне тоже исполнилось сорок лет. На сексуальные предложения (наверное) ответить могу, а вот с мозгами – проблема. Мозга – нет...

Тогда я дерзнул представить, что же творится в голове у двадцатилетней девицы, которая никак не может запомнить пару шаблонных фраз: «Здравствуйте, уважаемые телезрители! До свидания, уважаемые телезрители!»? Какими африканскими страстями загружена ее голова, если там не остается места для малозначительных слов? Пальмы, мавры, ядовитые кинжалы и африканская страсть под этими долбаными пальмами... Полтора десятка людей различного вероисповедания и сексуальной ориентации сидят и ожидают – когда двадцатилетняя пигалица перестанет думать о маврах и скажет нам что-нибудь приятное. Тогда мы запишем ее слова и разойдемся по домам – сожительствовать и молиться.

– Послушай меня, Карина!.. – Я выбил пепел из трубки прямо на ботинок осветителя. – Скажи «Доброе утро!..» Скажи «Доброе утро, уважаемые телезрители! Сейчас мы разучим новое упражнение, которое улучшит ваше настроение! Это заряд бодрости и веселья на целый день!»

Карина: «Ме-ме-ме, ме-ме-ме!» И два часа ночи... О если бы у меня были мозги! Я бы не делал спортивные передачи для местного телевидения... Откуда вдруг такое несоответствие? Фигура у Карины потрясающая, фигура как у порнозвезды, а в голове хаотичное движение. Кстати, по поводу хаотичного движения... Сегодня меня пригласили на «ужин с презервативами». Вернее сказать, о пище

должна была позаботиться хозяйка дома, а я – обыкновенно прийти, но вместе с презервативами. Теперь я перебирал «эти штучки» в своем кармане и неприветливо поглядывал на Карину. Мой ужин не состоялся по ее милости...

– Послушай меня, Карина!.. – Я прикинул, куда бы выбить оставшийся в трубке пепел, но ловкий осветитель отпрыгнул от меня вместе с ботинками. – Мы не можем столько времени безнаказанно насиловать съемочную группу!

Карина оценила каждого телевизионщика по отдельности, а потом всех вместе. И решила, что полностью контролирует ситуацию. Администратор дремал, звукооператор молчал, осветители постепенно угасали. В наши с Кариной отношения никто не вмешивался. Только оператор застыл перед видеокамерой, как часовой на посту.

– Я не понимаю, чего ты хочешь, – тогда шепотом сообщила мне Карина.

Пришлось мне еще раз оценить ее фигуру, поскольку Каринина фигура была прикрыта символически. Две спортивные тряпочки – снизу и сверху. А в целом – подходящий повод для визуального онанизма.

– Не понимаешь? Сейчас объясню...

И все-таки я доигрался в кармане с презервативами... Машинально вскрыл одну упаковку и засунул туда указательный палец. «Розовый или зеленый?»

– ...Ты должна поведать нашим телезрителям о заряде бодрости и веселья!

Карина посмотрела на меня внимательно и плавно села на шпагат. Вероятно, намекала на свои неограниченные возможности в постели.

– Еду-я-по-выбоинам-из-выбоин-не-выеду! – попыталась сказать Карина, сидя на шпагате.

– А-я-яй! – проснулся администратор. – Как не стыдно! – И снова нас покинул.

Вместо скороговорки у Карины получилось нецензурное выражение. Это я научил. Скороговорке, разумеется.

– Еду я по выбоинам, и никто меня не трахнет! – поправилась Карина.

Экая зараза! Как только Карина начинала говорить на интересные ей темы, у девушки появлялся образ. Молодой, строптивой,

эмансипированной женщины. Именно это мне сейчас и требовалось.

– А теперь повтори перед камерой! – разозлился я. – Немедленно!

– То же самое? – оживилась Карина.

Я не хуже Карины владею нецензурными скороговорками. А лучше. Поэтому девушка выслушала меня добросовестно, сказала «угу» и повторила про «бодрость и веселье» для наших телезрителей. С нужной интонацией. Оператор заснял это веселье на видеокамеру и щелкнул по уху дремавшего администратора.

– Готово! – пояснил оператор.

Я вытащил свой указательный палец из презерватива и вздохнул с облегчением. Все стали шумно собираться домой или куда-нибудь на ночлег. Мы с Кариной перестали существовать, как выброшенные пробки от бутылок.

– А что у тебя в кармане? – спросила Карина.

В данном случае я – имиджмейкер. Нечто среднее между литератором и мамой с папой. Например, мама говорит папе: «Давай этого делать не будем». А папа говорит: «Будем!» А литератор выдумывает их диалоги, поперчивает и припетрушивает сообразно своему извращенному дарованию. И в результате у мамы с папой рождается обыкновенный урод, а литератор имеет на хлеб с маслом. Потому что набредил безумную страсть между мамой и папой и оправдал появление на свет уродца обыкновенного...

– В кармане у меня разноцветные презервативы. – Молоденьким девушкам надо говорить правду, тогда они правильно ориентируются в ситуации. Опытным женщинам надо врать, потому что правда им давно надоела.

– Разноцветные, как воздушные шарик? – уточнила Карина.

Пусть у «ребенка» продлится счастливое детство. Когда Карина разгуливала с воздушными шариками, не помышляя ни о каких презервативах.

– Презервативы – хуже воздушных шариков, – важно пояснил я.

– Давай их используем, – предложила Карина.

– Я буду их надувать или я буду педофил? – спросил я.

– У меня дома, по прямому назначению. – Карина сурово поставила меня на место, которое принадлежит самцу по законам природы.

Воздушные шарики улетели... По-моему, Карина не хотела выходить из образа эмансипированной девицы. И я смирился с этим образом, тем более что сам его создал. Вдобавок сказано: «Не засевай бесплодной почвы!» А Карина предлагала мне плодородную ниву для сельскохозяйственных работ... Поэтому я подождал, пока Карина переоденется, мы вызвали такси и поехали к ней домой в третьем часу ночи...

В Праге поддувало из каждой подворотни, и, может быть, поэтому Карина держалась в такси настороженно: не раскидывала ноги в разные стороны, не хохотала, не требовала остановиться возле ночного бара, не вешалась мне на шею, не прижималась теплыми коленками, не пела песен, не выбрасывала пустых бутылок на дорогу – чем удивила таксиста до невозможности. Откуда мы такие трезвые и нахохленные в три часа ночи? Зимой. В феврале месяце. Но мы же не собираемся развезжать на этом такси до марта?

– Скоро будем дома, – тихо сказала Карина.

Таксист, вероятно, подумал, что я забрал из монастыря свою дочь на католические праздники. А меня всегда подмывает сказать какую-нибудь гадость, когда обо мне думают хорошо...

– Олимпийские половые игры, – сказал я. – Киностудия «Двадцать первый век». Краткое содержание фильма: уроды создали цивилизацию. Одна половина репродукторов насилует другую половину репродукторов. Рождаются дети. Это называется – любовь репродукторов. Все кричат.

– Чья идея? – заинтересовалась Карина.

– Моя, – признался я, поглядел на таксиста и добавил: – Твоего дядюшки.

– Мне нравится, – сказала Карина. – А еще раз назовешься моим дядюшкой – поедешь ночевать к моей матушке. Она сейчас как раз в разводе...

Таксист расслабился и закурил – до этого момента курить он не решался. Видимо, размышлял, как обратиться ко мне: просто «падре» или «ваше преосвященство».

– Так вот... – побыстрее продолжил я (ведь никому не хочется ехать ночью к пожилой даме и слушать до утра, как она стонет и жалуется на свои болячки). – Так вот... Мы придумали себе правила и бегаем по кругу и верим, что развиваемся...

- Какая мораль? – спросила Карина.
- Никакой, – ответил я. – Просто мимо синагоги проехали...
- Странно, – засомневалась Карина. – Еще утром в этом районе не было никакой синагоги. А впрочем, тебе виднее...

Девушка явно преувеличивала мои возможности. На зрение я не жалуясь и вижу как остальные люди. Правда, смотрю на все иначе. Стараюсь зайти с другой стороны, задрать на даме юбку – что это, любопытство или профессиональный интерес? Например, в музее выставлен древний саркофаг. Все проходят мимо, а я лезу между саркофагом и стенкой... И волоку за собой спутницу, интеллигентную женщину... А какой барельеф мы видим на оборотной стороне саркофага? А самый неприличный. Моя интеллигентная спутница натывается носом на торчащий из барельефа фаллос и спрашивает: «Эт-то что за безобразие?!» Одно из двух: либо она «этого» давненько не видела, либо не умеет с «этим» обращаться. «Госпожа моя, – намекаю я, – „эт-то“ античность...» И деликатно начинаю отползать, потому что всякие девственницы – не мое колоратурное сопрано. Говорят, у меня приятный баритон, особенно в постели... Ох уж эти интеллигентные спутницы, которые стесняются прилюдно облизывать эскиммо на палочке, которые краснеют в продовольственном магазине, завидев два десятка куриных яиц... Я подозреваю интеллигентных спутниц во всяких пакостях. Я спрашиваю – а что вы, собственно говоря, себе представляете? Если девушка стыдится облизывать эскиммо на палочке, потому что представляет... Или... При виде двух десятков яиц женщина воображает, что это... Я делаю правильный вывод, что у каждой «девушки» свои отклонения. Профессиональный имиджмейкер ищет эти отклонения и развивает. Когда отклонения развиваются до патологии, «девушка» обращается к психиатру. Вот и все. Имиджмейкер подбирает себе другую «девушку». Которая может покончить жизнь самоубийством или оказаться в клинике для душевнобольных людей. Ведь у каждого свой промежуток от стенки до саркофага...

- Ты что-нибудь видишь? – спросила у меня Карина.

Мы распрощались с таксистом, который предлагал осветить дорогу фарами, и теперь об этом сожалели. До дома Карины наш путь пролегал во мраке. Я шарил руками по стенам, как штукатур, и все время находил Карину. Девушка каждый раз ойкала и убеждала меня

не щекотаться. «Что ты ищешь?» Наверное, я искал дом, в моем представлении. Наконец Карина обнаружила вход, лестницу и ступеньки. «Вот летят кошмарики на воздушном шарике!..» И мне пришлось подниматься по лестнице, ориентируясь на ее голос. Я спотыкался о каждую ступеньку и шипел, как гадюка. «Сюда-сюда!» На площадке второго этажа Карина зазвенела ключами и приоткрыла дверь... «Заходи!» А я продолжал доискиваться – по какой причине оказался здесь...

Практика показала, что натуральной блондинке легче всего расшатать психику. Не знаю почему, но эта масть настроена уничтожить все другие оттенки – от рыжих до кучерявых. По методу – нежно взять за ручку и проводить до могилы. Шизофрения – легкий насморк из букета блондинки. С одной блондинкой мы устроили соревнование – кто раньше окажется в психиатрической лечебнице. И развелись через два года с ничейным результатом: «шлюха» – «идиот». По мнению этой блондинки, я сделал все, чтобы создать ей образ стервы. Я очень хороший имиджмейкер. Уже через год ее буквально трясло от моего присутствия. И что остановило дрожащую руку (стервы) с цианистым калием – загадка природы. Словом, после этого случая я с блондинками не живу и не работаю. Профессиональный принцип. А смысл моего отступления – Карина была брюнеткой...

...и, с женской точки зрения, очень непоследовательной. Вначале затащила меня в постель, а затем предложила кофе с ликером. Мы переместились на кухню и теперь поглядывали друг на друга с подозрительностью – в постели нам было хорошо или нам показалось? Я не решался спросить, потому что демонстрировал Карине мужскую самоуверенность, а «девушка» не проявляла словесной инициативы.

– Теперь, как порядочная женщина, ты должна выйти за меня замуж, – заметил я на всякий случай.

Ведь я должен был проверить, какие планы строит «девушка». Карина рассмеялась и успокоила меня, что, во-первых, она непорядочная, а во-вторых, если мне опять захотелось жениться, то сейчас выпьем кофе и еще раз поженимся... Я потерял бдительность, расслабился и выпил две рюмки ликера подряд. И закурил трубку...

СЛОВАРЬ ЗНАЧЕНИЙ

Презерватив– к ограниченности.

Античный саркофаг – к историческим берегам.

Мужская рубашка на женском теле – штампы и стереотипы.

Двадцатилетняя разница в возрасте – к размышлениям...

– Сегодня утром я надела трусики шиворот-навыворот, – поведала мне Карина. – Это к переменам в личной жизни...

Я собирался идти на работу – создавать образ матушки Праги. Волчица как символ Рима мне не нравилась. Вместо волчицы я представлял себе упитанную итальянку и прикладывал к ее груди попеременно то малютку Ромула, то малютку Рема. Получалось совсем неплохо, особенно блудливая улыбка на губах итальянки...

– Надо, чтобы девушка отбрасывала тень...

– На плетень, – тут же поддержала меня Карина.

Она не забивала себе голову всякой чепухой, а просто поддерживала беседу. В женских трусиках и мужской рубашке. А если я думаю, что девушке необходима тень, значит, надо ее отбросить. Поскольку это для меня так важно. «Мужчина, куда вам отбросить тень – направо или налево? Решайте побыстрее, потому что дело движется к закату!» По правде говоря, рано или поздно творчество угасает. Вначале вас перестает интересовать тень, затем девушки... У каждого пола свои ценности и иллюзии. И надо жить, покуда они есть...

– Одевайся и поехали, – предложил я Карине. – Есть интересная проблема.

Карину по-прежнему не интересовали мои проблемы и гоголь-моголь из иллюзий. Но покуда я дошел до середины фразы, Карина уже переделалась. Она моментально скинула мужскую рубашку и натянула гражданское платье. Кстати, почти все девушки одеваются как ураган, да только раздеваются неохотно. Со зрелыми женщинами – наоборот. Полдня они примеряют разные тряпки, чтобы разоблачиться в два счета. На эту мысль у меня не ушло много времени...

– Я готова, – сообщила мне Карина, – для вашего разнообразия.

«Разнообразие!» Мне немедленно захотелось позвонить куда следует...

– Где здесь телефон? – осведомился я, пристально глядя на Карину, как сотрудник Комитета государственной безопасности.

– Вот, – ответила Карина, пошарила под столом ногами и выдвинула телефонный аппарат. – Ему стыдно, что он такой допотопный...

Вместо кнопочек у аппарата были дырочки, и не только на диске. Карина протянула мне карандаш и объяснила, как правильно набирать номер. Например, тебе нужна цифра пять: «Вставляешь карандаш в дырочку и крутишь до железячки. Потом отпускаешь...»

Тем не менее я успешно набрал номер рекламного агентства, которое трудилось вместе со мною над образом «матушки Праги».

– Разнообразие, – представился я.

– То, что надо! – сказали в ответ. – А если подробнее?..

– Возьмем панораму старой Праги, возьмем крупным планом лицо молодой девушки и совместим картинку. Шесть секунд при разном освещении. Девушку сейчас привезу, – пояснил я.

– Убийственно! – сказали мне и одобрительно почмокали в трубке.

Я мог бы еще добавить про «тени», которые создают этот образ от рассвета до заката. Я мог бы поведать про Карину, которая считает, что трусики шиворот-навыворот – это к переменам. Я мог бы рассказать про плюшевое солнце на черепичных крышах. Но я не стал этого делать и повесил телефонную трубку.

– Сколько тебе заплатят? – спросила Карина.

Я назвал некую сумму в долларах.

Карина аккуратно ухватилась за лацканы моего пиджака:

– Из рекламного агентства едем в обувной магазин, а потом – венчаться!

Надеюсь, что по поводу венчания она пошутила... Я задвинул телефонный аппарат обратно под стол:

– В него стреляли из крупнокалиберного пулемета?

– Нет, – покачала головой Карина. – У него была бурная молодость. Этот телефон клялся в любви моей бабушке, моей матушке и мне... И летал от счастья и немного поцарапался...

Карина уже пританцовывала в прихожей от нетерпения. Она торопилась истратить деньги за «проданную Прагу». Я не стал ее

огорчать, что Иуда не сразу получил свои тридцать сребреников, а, вероятно, долго оформлял заявку и убеждал Понтия Пилата.

– Девушка начинает новую жизнь с обуви! – заявила Карина, как только сумма моего гонорара удобно устроилась у нее в голове.

Кто бы спорил? Тем более что Карина так и будет бубнить про новую жизнь, покуда не купишь ей туфли. Ну что же, каждая религия требует своих изначальных вложений. Бедный старый Иуда!..

Около двух часов дня мы вышли из метро в центре города. Я чувствовал себя замысловато, как фрукт, удаленный из натюрморта. «Тридцать четыре способа выжать лимон за ночь». Карина может написать неплохую кулинарную книгу...

Ввиду общего состояния критической массы, женщины представляются мне как сообщающиеся сосуды. Или как единая водопроводная труба – от Евы до Карины. Где заканчивается одна история женщины, там начинается другая и логично ее продолжает. Например, у одного моего приятеля есть приятельница по имени Янка – приблизительно одного с Кариной возраста. Сперва мы разворачиваем кинокамеру и начинаем снимать кино про Янку. Как она спит, гуляет, живет, рассказывает о своих фантазиях, идет в обувной магазин – тут появляется Карина и выбирает себе туфли, которые Янка теперь не купит... Не купит из дурацкого женского принципа, а не потому, что это последняя пара... «Неплохие шлепанцы», – говорит Карина. Кинокамера фиксирует, как Карина примеряет обувь, как улыбается мне, как мы вместе выходим из магазина, чтобы продолжить историю моего приятеля и его Янки. Кинокамера теперь наблюдает за нами, а мой приятель и его Янка остаются за кадром. Но, по сути дела, ничего не меняется. Мы с Кариной индивидуальны только в глупостях, а грустная повесть у человечества одна. Дубль тысяча девятьсот девяносто четвертый от Рождества Христова...

И, чтобы Карина не заблуждалась по этому поводу, я решил прояснить картину:

– Сколько смертных грехов тебе известно?

– Семь, – без запинки отвечала Карина. – Высокомерие, скупость, сладострастие, гнев, тревоугодие, зависть и леность.

– Сейчас мне предъявят восьмой, – обнадежил я, распахивая двери в рекламное агентство.

Здесь самоотверженно трудился самый циничный человек в городе. Этого человека звали Александр. Если бы мне мешали спать лавры Оноре де Бальзака, если бы лавры шумели по ночам и стучали ветками в мое окно, я бы нарисовал Александра как следует. Увы, я не лавры, я дуб Оноре де Бальзака... Александр верил, что все хорошее возникает от невозможности совершить дурное. «Добродетельность, – намекал Александр, – попирает все законы естества. Если женщина полтора месяца занимается добродетельностью, значит, у нее скверная болезнь».

– Так-так-так, – произнес Александр, поглядывая на Карину. – Значит, это будет у нас матушка Прага?

– Я подобрал ее полчаса назад на панели, мать у нее скончалась в психиатрической больнице, а отец перерезал всю семью, за малым исключением, – поспешил я с рекомендацией. – Кстати, ее зовут Карина, и она согласна со мною переспать, так что будь добр, одолжи мне двести баксов.

– Хватит и ста пятидесяти, – возразил Александр.

Последнее замечание, видимо, не устраивало Карину с тувельной точки зрения. Все остальное она пропустила мимо ушей.

– Вы оба, – подчеркнула Карина, – ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!..

– Музыкальная девушка, – уважительно отозвался Александр. – Сейчас мы сделаем из нее *прибамбас*...

Не садитесь в парке на скамейку. Тут же рядом возникнет девушка. Она будет внушать вам мысли о длинном романе с тонкими чувствами. Девушка начнет разговор скромно, но слегка откинется назад и станет медленно выскользывать из юбки – миллиметр за миллиметром. Это Карина. О чем она там болтает? Но если провести с нею рядом всего полчаса, то ноги у Карины обнажатся до бедра, и какая разница – чем питаются ваши уши, когда празднуют ваши глаза. Но не пяльтесь на Карину понапрасну. Девушка эта неожиданная – вдруг как сквозь землю провалится и только растревожит вашу психику и взболтает. Со дна организма поднимутся всевозможная муть и осадки, муть и осадки, муть и осадки. Легкое помешательство, умеренное помешательство, буйное помешательство – выбирайте. Эй! Эй! Сладострастная моя Карина, ты здесь, и нет тебя здесь! Ты разбилась на тысячу осколков, как мозаика. Сколько нужно девушек собрать вместе, чтобы получилась одна Карина?

Александр почесал затылок и задумался.

– А может быть, сделаем из нее *мульку*?..

Не посещайте Помпеи в последний день. Когда возбужает Везувий и кажется, что все дозволено. Действительность рушится на ваших глазах, и остается не более получаса, чтобы исполнить самые дерзкие желания. Которые всю жизнь откладываешь на потом, рассчитывая нарушить все человеческие заповеди разом. Тебе нужны основания, чтобы перепрыгнуть через мораль? Так вот они – разорванные тучи, извержение вулкана, пепел на голову. Возжелайте жену ближнего своего! Это Карина. (Муть и осадки, муть и осадки, муть и осадки.) Карина знает, за какие коврижки обрушился на землю ад, потому что долго подозревала это в своей душе. Ее не пугает происходящее, она знает в лицо всех всадников Апокалипсиса, и стоит ли ей удивляться, что они наконец-то прискакали. Земля отвергает море, небо падает вам на голову. Обогрелая кровью только что убитого мужа, Карина бродит среди пьедесталов, на которых больше ничего не стоит. Последняя ночь мира – обратно в хаос погружаются люди и боги. Но наши пустоты, в виде переплетенных тел, обнаружат под пеплом археологи. Содом и Гоморра – две обнявшиеся пустоты. Не гуляйте в Помпеях в последний день...

– Даже и не знаю, – снова засомневался Александр.

Прибамбас и *мулька* обозначали у Александра главные иллюзии патриархата. Как белая женщина на черном рояле – сидит и типично посвистывает. Попирая эстетику и воздействуя на рецепторы.

– Покуда вы теряетесь в догадках, – сказала Карина, – все обувные магазины закроются.

И трудно было с этим не согласиться. Поэтому Александр хмыкнул, набрал номер телефона и, глядя на Карину, принялся изрекать в трубку:

– Глаза карие, слегка миндалевидные, короткая стрижка, нос тонкий, костюмер не нужен...

Через пять минут пришел визажист, поздоровался со всеми и принялся умывать Карину. Девушка ругалась, как Галатее, но визажист от природы был голубоватым, и поэтому женские угрозы на него не действовали. Мы с Александром сидели неподалеку и наблюдали, как из мыльной пены выползает Афродита.

– Хватит чертяться, – сказал Александр, когда реплики Карины ему надоели.

Наконец Александр решил, что визажист вдоволь натешился. Тогда он вылез из кресла, настроил освещение и погрозил Карине пальцем: «Сиди смиренно и не корчи рожи». А дальше они с визажистом устроили цирковое представление: один постепенно «докидывал» макияж, а Александр через каждую минуту щелкал затвором фотоаппарата. Обалдевшая Карина буквально на глазах превращалась из монашки в ночную бабочку. Представление называлось «Город контрастов – Прага». Если это называется искусством, то можете смело плюнуть мне в лицо. И растереть так же виртуозно.

– Вот тебе и туфельки... – добавил Александр и сделал последний кадр.

Визажист упаковал свои коробочки, попрощался со всеми и направился к дверям.

– А смывать косметику кто будет? – окрикнула его Карина.

– Сама, – невозмутимо ответил визажист и скрылся из поля зрения.

– Идите вы все к черту, – разозлилась Карина.

– Он давно не дает приличной цены, – возразил Александр и откровенно зевнул...

Карина частично отыгралась, когда после рекламного агентства проволочка меня по всем обувным магазинам на Вацлавской площади. Она определилась с туфельками, когда я подумывал, что смерть моя близка. Могу добавить, что туфельки были неплохими. В них удобно перешагивалось через труп врага. Слегка изменялась походка. И сокрушались мужские иллюзии...

– Ты можешь прикинуть, сколько женщин у тебя было? Ну хотя бы приблизительно... – спросила Карина.

Новые туфельки валялись в прихожей. Я находился в постели с галстуком на голое тело. «Для солидности наших половых отношений», – как объяснила мне Карина. Вдобавок, когда у мужчины повязан галстук, «есть за что ухватиться». Я согласен, что немного зябко, но зато прилично. Как и большинство молодых женщин, Карина предавалась любви пылко, часто, но кратковременно. В паузах задавала наводящие вопросы – сколько раз, где, когда и при каких обстоятельствах я осчастливил других женщин. По правде говоря, моя

интимная жизнь не поддается статистическому анализу. Во-первых, я ни хрена не помню, а во-вторых, не могу отказать себе в удовольствии приврать. Была такая битва при Бородине: «смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой». Приблизительно то же самое можно сказать о моей интимной жизни.

– Ты мне зубы-то не заговаривай, – пригрозила Карина. – Называй немедленно явки, адреса, пароли, объемы талий и размеры бюстов... Кстати, тебе не кажется, что у меня слишком маленькая грудь?

Я хотел ее успокоить, что не кажется, но поправил на своей голой груди галстук и решил переменить тему:

– Телефонный звонок в кабинете у психотерапевта. «Алло, доктор! Во мне живут две лесбиянки, одна Мессалина и невинноубиенная девушка, которая требует справедливости... Нам приходиться всем вместе или по очереди?»

Карина приняла позу удивленного суслика и сказала:

– Лучше по очереди.

– Тогда начнем... – подытожил я.

*Сладострастная твоя Антипатра, я здесь, и
нет меня здесь.*

*Античная эпитафия, найденная на
могильном камне в Неаполе*

Агриппина была моей матерью.

Как мне помнится, поехать на отдых в Байи предложила Ацеррония, давнишняя подруга Агриппины. Уж не знаю, где и за каким общим делом эти две потаскушки познакомились, но взаимопонимание у них было полное. Если такое вообще возможно между двумя женщинами. Поглядите-ка на потаскушкин разговор – это речевой помет и недержание. Когда дамочка долго воздерживается от общения, у нее может произойти непроизвольное испускание речи, как поллюция. У Ацерронии с Агриппиной никакого воздержания не было. Они мастурбировали друг на друга словесно и без остановки. Когда кончала трещать одна, другая подхватывала последний звук и продолжала в той же тональности. Их диалог напоминал работу двух хорошо смазанных бензопил по вырубке гектара леса. Поначалу эта

трескотня безмерно меня раздражала, и я всерьез задумывался, а не подсыпать ли им в чай какой-нибудь отравы, чтобы поглядеть, как они, издыхая и корчась, будут продолжать обмениваться новостями, обе в кровавом поносе. Но юность и лень помешали проведению этого эксперимента.

В день, когда Ацеррония первая стала извращаться со словами «поездка – отдых», «отдых – поездка», я сидел в своей комнате и перечитывал уважаемого Корнелия Тацита. Потаскушки, как чайки при дележе рыбы, горланили на кухне. Так всегда бывало: начинали они свои беседы почти что шепотом, но все более распаялись, то и дело перебивая друг друга, и переходили на крик. Я уж было хотел отложить Тацита и пойти придушить одну из них, чтобы уменьшить звук, как вдруг они дико захохотали и утихли. В ожидании сюрприза, что они попросту лопнули, я пошел на кухню соскребать их кишки с потолка. Но не тут-то было – обе целехоньки и выставив жопы в разные стороны, они склонились над столом и тыкали пальцами в какую-то карту. Обернувшись ко мне и изогнувшись еще сильнее, чтобы я смог убедиться – промашки не будет, и двинуть пару раз по полуголой заднице, Ацеррония просюсюкала: «А вот и наш мальчик-бука!» Затем она подхватила карту со стола, приблизилась: «Посмотри-ка!» – и ткнула своей левой сиськой меня в бок. Краска бросилась мне в лицо, я отпрыгнул от Ацерронии и снес все коврики, стоявшие на газовой плите. Раздался грохот, и мне захотелось тут же наброситься на Ацерронию. Но вместо этого я с рычанием стукнул кулаком по столу и умчался обратно в свою комнату. Там, в безопасности, прижавшись к двери, я стал прислушиваться к тому, что делается на кухне. Сердце у меня колотилось как бешеное.

Вначале оттуда доносились звуки недоумения, потом какой-то бубнеж вроде «успокойся, успокойся, дорогая», а затем причитания Ацерронии: «Ну что же с ним творится, что же делается?» Если бы Ацеррония знала, что я готов был сделать с нею, Ацеррония наверняка бы меньше придурилась. Сопливые причитания между тем продолжались: «Почему он не общается со сверстниками, почему он вообще ни с кем не общается, почему он все время сидит дома, почему он не полюбит какую-нибудь девочку?..» От этих тупоумных «почему» у меня только сильнее застучало в висках, и дальнейшие реплики

Агриппины и Ацерронии я слышал плохо, как бы сквозь барабанный бой.

«...не хочет...» – Агриппина.

«...да как же не хочет?...» – Ацеррония.

«...нормализуется...» – Агриппина.

«...растерзает...» – Ацеррония.

«...не растерзает...» – Агриппина.

«...хи-хи-хи...» – Ацеррония.

«Ну все, – подумал я после этого „хи-хи-хи“, – сейчас я вас буду убивать», – и приоткрыл дверь...

– Я читала, – продолжала между тем Ацеррония вполголоса, – ну, в одной там брошюре, что в такой напряженный юношеский период, чтобы помочь ему и чтобы он стал менее агрессивен, ну, в общем, ему надо отдаться...

– Вот ты и отдайся, – вставила Агриппина.

Наверное, гиены смеются таким же хриплым шепотом. Но я уже не торопился их убивать, меня эта тема сильно заинтересовала.

– Боюсь, что с таким зверем мне в одиночку не справиться, – хихикала Ацеррония, – да он меня к себе и не подпустит... А в этой брошюре, она написана женщиной, она сама отдавалась своему сыну и говорит, что это намного проще, чем жить в постоянном напряжении и грубости. Ведь если бы у него была девушка или, что лучше, опытная женщина, с которой... Ну, в общем, у него проблемы...

«Это у вас сейчас будут проблемы», – подумал я.

– В борделе он может подцепить всякую заразу и притащить в дом, – подумав, добавила Ацеррония. – А еще я читала, как одна женщина пошла в лес за малиной, ее поймал там медведь, изнасиловал, а потом откусил голову...

– А в той брошюре, в которой... – перебила Ацерронию Агриппина. И тут две гиены опять приглушенно и хрипло захихикали. Видимо, поняли друг друга без слов.

– Погоди-ка... – сказала Агриппина, и было слышно, как она встает и отодвигает стул, чтобы выйти из кухни.

Я моментально прикрыл дверь, бросился на кровать и буквально уткнулся в книгу. Но ясно слышал, как Агриппина тихо подошла к моей двери, постояла, видимо прислушиваясь, и так же тихо убралась обратно на кухню. И только тогда я заметил, что держу книгу вверх

ногами. Меня тогда еще поразило это словосочетание «книга» и «вверх ногами», как будто у книги действительно есть ноги и она может далеко за собою увести. Дальше, чем ты сам этого ждешь...

«Утверждают, что, подстрекаемая неистовой жаждой во что бы то ни стало удержат за собою могущество, его мать дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда он бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представала перед ним разряженною и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожителство ласки стали подмечать приближенные».^[9]

О чем они дальше там говорили на кухне, я не прислушивался. Отложив книгу в сторону, я глядел в потолок, представляя себе Агриппину и фантазируя, как это может быть...

В дверь постучали. В ответ я прохрипел что-то невразумительное. На пороге стояла Агриппина и смотрела на меня. Нет, ничего особенного в ее взгляде я не уловил. Никакой фатальности, покорности судьбе или отчаянной решимости. Она не стала срывать с себя лифчики, трусы и подставлять неведомые мне органы. Она просто сказала:

– Завтра мы с Ацерронией едем в Байи... На отдых... Поедешь с нами или будешь валяться здесь?

Из-за ее спины выглянула потаскушка Ацеррония.

«Восемь сисек, восемь ног...» – вспомнил я детскую загадку о двух женщинах на корове.

– Так – что?.. – напомнила о себе Агриппина.

– Поеду. – С моим голосом что-то творилось. Это был как бы не мой голос. И согласие было не мое, потому что я в жизни никогда с Агриппиной не соглашался.

Агриппина внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Угу!

– Угу! – сказала Ацеррония.

– Угу-угу! Филин! – выкрикнул я, захохотал, загугукал и принялся хлопать руками себя по бедрам, подразумевая крылья.

Они поняли, что разговор с ними закончен, и убежали обратно на кухню, чирикавая о долгих сборах и дальней дороге. Но они все поняли. И я все понял. Агриппине в ту пору было тридцать четыре года, Ацерронии, кажется, столько же. Мне – семнадцать. За Агриппиной я

постоянно украдкой подглядывал, и увиденное давало мне пищу для мастурбаций. У Ацерронии... У Ацерронии юбка постоянно задиралась выше трусов. Обе чем-то похожи, и телосложения и роста приблизительно одинакового. Без животов и других лишних отвислостей. Только одна была блондинкой, а другая – шатенкой. В эту ночь я онанировал два раза, и с особым удовольствием...

А утром Агриппина разбудила меня стуком в дверь. Спросонья я заорал, чтобы она так больше не делала, не барабанила, потаскуха, чуть свет, а то – голову ей в мусорное ведро и на помойку... Но тут я вспомнил кое-что из вчерашнего и приутих.

– Собирайся, – крикнула Агриппина из-за двери. – Через час уезжаем. Я только что вызвала такси.

Экая зараза, а ведь мне еще надо было пересмотреть свою библиотеку, чтобы выбрать для этой поездки самые необходимые книги. Но, слегка поразмыслив, я, конечно же, быстро сообразил, что для подобного турне как нельзя лучше подойдет двухтомник Корнелия Тацита, книга Гая Светония Транквилла, исторические записки Диона Кассия и трагедия Псевдо-Сенеки «Октавия».^[10]

Уложив нужные книги и побросав какие-то вещи в рюкзак, я еще чистил зубы, когда Агриппина ворвалась в ванную и сообщила, что такси уже у подъезда. От злости я плюнул в нее зубной щеткой вместе с пастой. Но Агриппина увернулась и сказала, что будет ждать меня в машине и чтобы я поскорей, потому что надо заехать еще за Ацерронией, потому что Ацеррония... Я плюнул второй раз, и уже только пастой.

В конце июля, как мне кажется, в Байи едут только неврастеники, которым не дотерпеть до следующего лета, но мягкий вагон первого класса всегда переполнен. Из чего можно заключить, что невроты – признак высшего класса общества. Я, Ацеррония и Агриппина разместились в трехместном купе с умывальником и туалетом. Вообще-то наше купе было для двоих, но имелась откидная полка, как объяснила проводница, для ребенка. Усмотрев в подобной скученности существенные неудобства, я так естественно пришел в ярость, что на это в вагоне первого класса никто не обратил никакого внимания. Тогда, забросив рюкзак на откидную полку, я заперся в туалетной комнате и гадил там из вредности до самого отправления поезда. Когда же поезд набрал приличный ход, я забрался на откидную полку и не

слезал оттуда до самой остановки в Байях. Без воды, без пищи, без дурацких разговоров я лежал почти что сутки, закрыв глаза, не реагируя на причитания Ацеррони, на попытки Агриппины засунуть мне в рот какую-то холодную котлету; стиснув зубы, чтобы не расхохотаться, я лежал как мумия, слушая бесконечный стук колес... Тук-тук-тук, тук-тук-тук! На следующее утро, по остановке в Байях, я снова закрылся в туалетной комнате и освободил себя от всего, что накопилось.

В Байях у Агриппины имелся двухэтажный домик у озера. Километров семь от железнодорожной станции. Достался он Агриппине в награду за особые половые заслуги от моего папашки. Сквозь детские воспоминания рыжая колючая борода моего папашки проходит красной нитью. Слава богу, этот козел сбрил себе бороду на старости лет. И женился, как я слышал, во второй раз на девице чуть ли не моего возраста. Время от времени он посещает и теперь Агриппину, топчется в прихожей с подарками по случаю какого-нибудь праздника. И очень хорошо, что этих общенародных праздников в нашей стране стало меньше...

Итак, домик... Домик стоял на отшибе, за невысоким забором, который не давал распространиться буйной растительности из сада по всей округе. Воротами давно никто не пользовался, наверное, с того самого времени, когда папашка смотался отсюда на последней и единственной в нашей семье машине. Поэтому в сад, под верещание Ацеррони и Агриппины «Ах, какой воздух, ах, какой дивный воздух», мы попали через неприметную калитку. Всю осень, зиму, весну и часть лета в доме никто не жил. Для сохранности сырого тряпья, которое Агриппина с Ацерронией тут же стали развешивать, чтобы оно подсохло, дом ставился под сигнализацию в местном отделении охраны правопорядка. Оттуда сразу же и позвонили – поздравить Агриппину с открытием, как они сказали, нынешнего сезона, козлы. Про козлов сказал я.

Особо не вдаваясь в детали планировки, отмечу, что меня заинтересовала только комната с книгами, брошенными в кучу, как для погребального костра. Но в основном это оказались дамские романчики, и я их выбросил в коридор, потому что решил занять именно эту комнату, а уважаемый Корнелий Тацит не должен был соседствовать с литературными экскрементами. Из комнаты – дверь на

балкон. Я вышел поглядеть, какой с него открывается вид. В саду копошились Агриппина с Ацерронией, раскладывая подушки и одеяла по солнечным местам. «Когда будем жрать?!» – крикнул я, и они забегали, как куры, выбирая из сумок снедь и хлопая дверцей холодильника.

Помнится, что накушались мы изрядно. Я был в том случае паинькой – не утащил жратву в свою комнату, а ел в гостиной, вместе с Ацерронией и Агриппиной, правда, сидел чуть поодаль. Потаскушки натащили из подвала разных сортов вина, я дегустировал и глупо хихикал, с полной пастью ветчины и хлеба. От спиртного я всегда становлюсь менее энергичным, и в этот день опьянение нежило меня и забавляло, я как бы раздваивался и смотрел на себя со стороны. Хихикающее тело оставалось само по себе, а сам я вроде тучи витал под потолком, злобно ухмыляясь. Если бы похмелье не возвращало меня обратно вместе с головной болью, всю жизнь я бы только и делал, что пил. И пусть бы тело принадлежало хихикающему полудурку, зато в основном я бы был свободен, как призрак, неподсуден и неподвластен. Агриппина с Ацерронией все подкладывали мне на тарелку еды да подливали вина. Мне, витающему над собой, было понятно, почему они так стараются и что за этим должно произойти...

Но ничего особенного не произошло – я уснул, сидя в кресле. Очнулся около пяти часов утра. Видимо, когда я вчера вырубился, потаскушки забросали меня пледами и оставили в покое. Я еле выбрался из этой шерстяной берлоги, налил себе вина и с полным бокалом пошел в сад. Мне надо было припомнить и как следует обдумать свой сон...

...Будто я брожу по какому-то огромному залу, запрокидываю голову, вглядываюсь и не вижу потолка. Наверное, это древнегреческий храм. Вокруг строительные леса, на них копошатся рабочие, вдруг что-то падает сверху мне прямо на голову. Боли я не чувствую, только в том месте, куда меня ударило, на голове образуется корка. Я трогаю ее пальцем, корка, как картонная, противно прогибается, из-под корки сочится какая-то жидкость, и я думаю, что это кровь. Меня обступают рабочие, говорят – надо идти к доктору, и ведут меня, держа за руки. У большого белого здания рабочие меня оставляют, уходят, показывая пальцами на здание. «Доктор там, –

говорят они, – иди, доктор там». Я и сам это знаю и иду, но меня задерживает охрана этого здания и требует предъявить пропуск или сказать пароль. Я не знаю никакого пароля, и они не пропускают меня к доктору. «Пароль, – все время спрашивают они, – скажи пароль». И тут ко мне подходит Агриппина и спрашивает, что произошло. Агриппина в облегающем черном платье, это платье-мини, которое едва прикрывает ее тело от груди до бедер, я знаю, что теперь Агриппина проститутка. Агриппина говорит: «Я тебя сейчас отведу к доктору», берет меня за руку и ведет к лифту. С нею все здороваются, у нее короткая стрижка и черные как смола волосы. Лифт открывается, я вижу, что в нем только мужчины в модных костюмах, много мужчин. Агриппина заходит к ним в лифт, и я понимаю, что это ее клиенты, она проститутка, но мне все равно. Агриппина спрашивает: «Тебе все равно?» Я отвечаю: «Все равно». Агриппина машет мне рукой, мужчины улыбаются и тоже машут мне руками, лифт закрывается, и я остаюсь один. Ко мне подходит медсестра, говорит, что доктор уже ушел и что больница закрывается. Я не могу там больше оставаться, потому что больница закрывается. Я трогаю пальцем корку на голове, выхожу на улицу и жду Агриппину, я знаю, что она обязательно придет. Рядом со мной играют мальчишки, они возятся на земле, не обращая на меня никакого внимания. Агриппина приходит и спрашивает, почему я здесь и что сказал доктор. «Доктор ушел», – отвечаю я. Тогда Агриппина говорит, чтобы я оделся, потому что на улице холодно. Я голый. «Оденься», – говорит Агриппина и подает мне презерватив. Я беру у нее презерватив и надеваю. Это несложно, потому что мой член торчит в напряжении, но презерватив детский. «Он детский», – говорю я себе, потому что вижу – к презервативу прикреплены на веревочках шарики, надувные сердечки, резиновые зверюшки, и все это висит в воздухе вокруг презерватива на моем члене. Мне будет неудобно надеть штаны, и я, обрывая все эти сердечки и шарики, надеваю штаны. «Ты готов?» – спрашивает Агриппина. «Я готов», – отвечаю я и просыпаюсь...

Должно быть, я выпил целую бутылку, пока ходил между деревьями и вспоминал свой сон, потому что, когда Агриппина с Ацерронией вышли в сад, а уже совсем рассвело, я хихикал беспрестанно. Ацеррония разохалась, вынесла из дома кувшин с холодной водой, поплескала мне в лицо и протерла полотенцем. Потом

меня пичкали завтраком, я жевал что попало и все думал, когда же произойдет то, ради чего я сюда приехал. Или они передумали, или совсем об этом и не думали, а все, что должно было случиться, – плод моих фантазий.

После обильного завтрака Ацеррония с Агриппиной вынесли на солнце шезлонги и разлеглись загорать. Я кружил вокруг, якобы прогуливаясь, но на самом деле разглядывал их, загорающих в бикини. Ацеррония и Агриппина надели солнцезащитные очки, и это было для меня как нельзя кстати, будто я пялился на слепых и беспомощных, не рискуя встретиться с ними взглядом. Помнится, я все время старался зайти сзади, чтобы заглянуть между их ног, но, к сожалению или по умыслу Агриппины, этого мне никак не удавалось сделать. Они то лежали скрестив ноги, то прикрывались полотенцами. Вообще, подглядывать за сучками я люблю. Одно время я шлялся по улицам, наблюдая за какой-нибудь дамочкой, но после одного неприятного случая... Словом, после этого случая я за стервами по улицам особенно не хожу...

Когда я вдоволь насмотрелся на Агриппину с Ацерронией, то был уже на пределе от своих фантазий и опьянения. Тогда они сложили шезлонги и пошли в дом, как я понял, принимать душ. Мне казалось, что все их проделки тщательно спланированы. Что все их поведение – следствие общей договоренности тогда, на кухне. И я как бы незримо присутствовал при их разговоре и со всеми выводами и прочитанными брошюрами согласился. Когда?.. И я решил перейти к активным действиям. Зашел после них в ванную комнату, обнюхал еще влажные полотенца, подивился размерам самой ванны. Она напоминала небольшой ипподром или бассейн, и я поневоле подумал о папашке, который, вероятно, любил поразвлечься здесь с Агриппиной, а потом об Агриппине, которая, должно быть, развлекалась здесь со многими мужчинами, когда выставила папашку. И та и другая мысль были мне крайне неприятны.

В последующие два дня я повсюду оставлял знаки своего согласия и сексуальной озабоченности. Так зверь метит границы своего участка. Я рисовал на чем попало возбужденные органы и писал откровенные слова. В пользу того, что Агриппина их понимала, свидетельствовало их исчезновение. Листок бумаги с эротическими рисунками пропал с обеденного стола через некоторое время после того, как я там его

оставлял. Зеркала, изукрашенные моими откровениями, становились чистыми. А ее пудреница, в которую я отмастурбировал, вообще больше не появлялась. Ацеррония при моих бурных проявлениях, когда я гоготал, хамил, рычал и почесывался, все чаще и выразительней смотрела на Агриппину, которая была абсолютно спокойна и холодна к моим выходкам. Ее холодность распаляла меня еще сильнее. Я стал все чаще тереться об Ацерронию, при каждом удобном и неудобном случае касаться ее задницы, выкрал у Ацерронии из спальни все трусики и спрятал в надежном месте. К Агриппине я побаивался подходить чересчур близко. Но! Несмотря на все мои ухищрения, Ацеррония не ходила с голой жопой, а где-то достала трусы. Когда я понял, чьи трусики она носила, из меня вырвалось рычание. Видимо, этот рык стал последней каплей моего терпения...

На третий день нашего пребывания в Байях потаскушки неожиданно закатили шикарный ужин. Опять-таки вино, шампанское и всякие деликатесы. Я жрал за троих и пил за столько же народа. Ацеррония с Агриппиной этому не препятствовали. От большого количества спиртного я расчихикался до икоты, икоту пришлось извести вином, что повлекло за собой рассуждения вслух. Когда вслух, когда про себя – я, видимо, уже не отличал одно от другого и точно не помню, молчал ли я все время или болтал без остановки. О том, что зверю нужны самки. И разве они не хотят отдаться зверю, чтобы приручить его. Чтобы потом зверь выступал с номерами в женском цирке: делай ррааз! – и зверь на задних лапах; делай два! – и зверь на передних. А в знак поощрения – отдаться ему прямо на арене цирка, под улюлюканье женской публики. Поглядите-ка, с каким зверем я гуляю под ручку; о-о-о!; чем страшнее зверь, тем интереснее укротительница; о-о-о!; восхищайтесь, глядите, какие на мне атласные рейтузы; о-о-о!; сейчас он разорвет рейтузы, а я ему отдамся; ну и что-о-о? а то, что это мой сын; о-о-о!!!

С такими рассуждениями я попивал вино и беспрестанно хватал Ацерронию за сиськи, когда она оказывалась в пределах досягаемости. И хохочущую Ацерронию это не смущало, она только ойкала, когда хватка оказывалась особенно болезненной, и замахивалась полотенцем, но по рукам не хлопала, а продолжала кружить вокруг меня то с бутылкой вина, то с конфеткой. Агриппина, как бы тоже веселясь, а может и веселясь на самом деле, зыркала то на меня, то на

Ацерронию с дивана. Отлично помню ее глаза – темные, большие, в дымке ресниц.

– Становится жарковато, – сказала она и медленно потянула zipper на своей спортивной куртке вниз, потом быстрее, и остаток пути zipper прошел на максимальной скорости – вжжжик! Под курткой обнаружился кружевной лиф, и сквозь него просвечивали соски. И я сказал себе тогда: «Ты вскормлен молоком волчицы, как Ромул. Этим соскам женщины ты не касался. Из тела женщины, – сказал я тогда себе, – выходит не только плод в виде ребенка, но и фекалии. Фекалии не считают женщину своей матерью, и ты не считай».

– Да уж, жарковато... – подтвердила Ацеррония, потому что в этот момент я запустил ей руку под юбку и зажал там половину задницы.

Чуть опустив свои дымчатые ресницы, Агриппина скинула с плеч спортивную куртку, взяла со стола полный бокал вина и медленными глотками прикончила.

– И что же мальчик так хватается, что же он так хватается? – верещала Ацеррония, обращаясь ко мне, но именуя в третьем лице. Наконец она высвободила половинку своей задницы из моих пальцев и сделала шаг в сторону. Я с утробным звуком проглотил кусок ветчины, расплескал вино и дернул Ацерронию за юбку обратно к себе. Юбка треснула, Ацеррония тоже не удержалась, запнулась о ножку стола – и грудью, и с визгом упала мне на колени.

– Да что же мальчик хочет, что же мальчик хочет? – продолжала игру Ацеррония, сидя на полу и прижимаясь к моей ноге. Я не давал ей подняться. Ацеррония гладила мою ногу, а Агриппина смотрела мне прямо в глаза, и когда Ацеррония, забираясь все выше и выше, наткнулась на то, что не давало мне покоя, я оттолкнул ее и встал, покачиваясь, чтобы та волчица на диване тоже могла видеть, как выпирают у меня спереди брюки. И она смотрела, и Ацеррония смотрела, и тогда я сел обратно, все так же хихикая, и брюки давили и причиняли мне боль, но это было даже и к лучшему.

Тогда Агриппина встала с дивана и оказалась рядом со мной. Только что была там – и вот уже тут, как киномонтаж. Она поставила свой пустой бокал рядом с моим и наполнила оба бокала вином цвета своих сосков. По-прежнему глядя мне в глаза, но теперь сверху вниз,

она выпила и этот свой бокал полностью и хрипло приказала мне, приказала мне:

– Иди в ванную.

Я впервые подчинился не рассуждая. Видимо, то же самое она проделала когда-то с моим отцом, и он подчинился ей тогда, и потом, и подчинялся каждый раз. Мне пришло в голову, что отец отдал на растерзание Агриппине только свое глупое хихикающее тело, вот как отдаю теперь я, и еще что мое зачатие и моя смерть соединятся в теле этой женщины. И от этой пугающей неизбежности я расхохотался. Оставалось встать и идти в ванную. Но теперь, когда Агриппина стояла надо мной в непосредственной близости, я почему-то боялся подняться с выступающим в ее сторону органом. Ситуацию выровняла Ацеррония. Она чуть отстранила Агриппину, схватила меня за руки и потащила к ванной, причитая: «Сейчас вымоем мальчика, сейчас вымоем мальчика».

– Принесите мне книгу, – сказал я, прежде чем уйти. Когда я бывал Нероном, то таким тоном осужденные «еретики» испрашивали у меня Библию.

В ванной комнате, не стесняясь Ацерронии, как если бы она была второстепенным предметом, я освободился от одежды, и прежде всего от штанов. Потом подошел к краю ванны и помочился туда для наглядности. От Ацерронии я не услышал ни одобрения, ни порицания. Кажется, она бегала в одних трусиках, вертя краники и наполняя ванну. А я по-прежнему стоял у края голый и чувствовал себя в термах Каракаллы...

Наконец снующая Ацеррония сунула мне в руки обещанную книгу и бокал вина, всхлипнула по поводу моего возбуждения – «о-го-го» – и плюхнулась в пенную ванну. Как фаллический бог Приап, прихлебывая из бокала, взирал я на Ацерронию, на ее открытые для обозрения сиськи, и не только на них. Затем, не выпуская из рук книги, я уселся в теплую, пузырящуюся воду, бок о бок с Ацерронией. Та, что-то приговаривая, терла меня по всем местам мыльной губкой, а я, совершенно обалдев от вина, ванны и рук Ацерронии, пытался читать...

«Он искал любовной связи даже с матерью... В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже,

будто, разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на его одежде».^[11]

Она зашла в ванную уже голая. Я не промолвил ни слова. Это Агриппина буднично сказала «ага!», увидев, что мы с Ацерронией уже в ванне. Затем Агриппина быстро легла на меня и, обхватив коленями, села. Часть меня юркнула куда-то, как провалилась, а Агриппина, перехватив у Ацерронии губку, стала намыливать мне грудь кругообразными движениями. Я ожидал всего чего угодно, но только не этого. Я чувствовал себя внутри Агриппины полностью, а ей хоть бы хны. Она не корчилась от боли, не умирала от невыносимой муки, просто сидела на мне, я был в ней, она смотрела на меня, намыливала мне грудь и улыбалась. И тогда мне подумалось, что вот так же, просто и легко, она может проглотить меня целиком, обратно, как и родила. Не знаю – было мне страшно, хорошо или весело, помню только, что я уронил в мыльную воду книгу. Но Ацеррония ловко ее подхватила и спасла. От Агриппины меня спасти было некому, и тут я сам освободился. Агриппина только чуть привстала, а затем снова прижалась бедрами ко мне – и я освободился. Никто не потерял сознание, никто не застонал – никто, ничто, никак, нигде, никогда...

– Ну вот, – сказала Агриппина и скорее укусила, чем поцеловала меня в шею. Потом встала надо мной, окатила себя из душа, обернулась полотенцем и выскользнула из комнаты.

И тогда я с рычанием набросился на Ацерронию. Она, оскалившись, отвечала мне таким же рыком, но только более визгливым. Эта схватка напоминала мне бой бестиария с леопардом на арене Колизея. Все переплелось, и образы неоднократно менялись местами. Мы расплескали почти что всю воду по комнате. Ацеррония прогибала спину, то отступая, то наскакивая, но через минуту-другую победила, как более опытный бестиарий, а леопард, опустошенный, отполз в другую часть ванны. Ацеррония, дразня телом, снова попробовала разжечь во мне зверя, но я только слабо огрызнулся. Тогда Ацеррония дважды мягко поцеловала меня в губы, настроила душ и стала смывать пену с моего тела.

Помнится, что ее тихая заботливость была для меня более удивительна, чем ее страсть. Ацеррония, нежная и покорная, рычащая и ненасытная, не уживалась, по моим понятиям, сама с собою. Она

пыталась соединить то, что, как мне казалось, может существовать только по отдельности и в разных женщинах. Немаловажная деталь, подумал я, Ацеррония не сдохла после первого соития со мной. Может, ее не разорвет и после второго? Насчет Агриппины я уже не сомневался. Ее холодность и деловитость были порукой: если кто и подохнет после полового акта, то только не она. Агриппина представлялась мне как инструмент для порабощения мужчин, как равнодушная пропасть, которая только по чистой случайности выплюнула меня обратно. И теперь достаточно минутной слабости, легкого дуновения ветерка, чтобы я упал в эту пропасть снова. Это игра, в которой ощущение от собственного падения сильнее конца. Азарт падения с Агриппиной – сильнее смерти. Ведь мы оба совершили что-то недостойное с точки зрения общепринятой морали. Мы раздолбали эту жалкую точку до размеров пропасти, о которой не можно судить человеку, ибо это не в его компетенции. У пропасти своя мораль – мораль поглощения и полной власти над теми, кто в нее попал. Я был не прочь испытать любое падение, но власти пропасти – боялся.

И тогда я решил идти по краю.

– С кем тебе было лучше? – спросила Ацеррония.

В ответ я решил выяснить, что ей повредил и сможет ли она испытать меня во второй раз. Вначале Ацеррония просто не поняла моих вопросов. Вдобавок я больше изъяснялся жестами и междометиями, чем словами. А если бы она стала обидно смеяться, то попросту бы ее убил. Но Ацеррония только слегка улыбнулась и разъяснила, что внутри у нее все цело и она готова попробовать еще. А потом, может быть, и еще. Это меня удовлетворило, хотя я тогда уже понимал, что Ацеррония не отвечает ни моим желаниям, ни потребностям.

С этого дня время в Байях билось в промежутках – от случки до случки. Это было раздолье зверя, не отягощенное человеческой моралью. Иногда, проснувшись и не надев даже штанов, я выходил в сад. Там на лужайке, сидя за летним столиком, Агриппина и Ацеррония обычно завтракали. Не скрываясь, я шел к ним босиком по траве, заваливал Ацерронию на стол, опрокидывая блюдца и чашки, и обладал ею, а заодно и сдобным рогаликом, чавкая и макая в кофе. В начале акта Ацеррония всегда отбрыкивалась, затем на секунду

замирала, а потом принималась рычать. А я, не прерываясь, хватал со стола хлеб, сыр, кофе и запихивал, и плескал себе одной рукой в пасть, другой рукой я придерживал Ацерронию, чтоб не убежала. Естественно, что все из пасти сыпалось и текло вниз на Ацерронию, отчего она рычала еще сильнее. На Агриппину, сидящую рядом, я глядел при этом с некоторым торжеством. Ацеррония только просила подождать, хотя бы пока она нормально позавтракает, или пойти в ее спальню и сделать это там. Но сделать это там значило подчиниться Ацерронии, сделать это там значило дать ей подготовиться, и тогда из объекта она может превратиться в предмет страсти и еще, чего доброго, растрогает меня своими ласками, а такая подмена была мне не нужна. «Как учили – так и получили», – частенько повторял я и еще повторял, что любая сучка должна быть готова к случке. Ни в какой из моих книг таких выражений не было, и я приписал их самой природе. А главное, пойти куда-нибудь с Ацерронией значило обладать ею одной. Это меня совсем не привлекало, ибо я желал Ацерронию только на глазах у Агриппины.

Когда я проделал такое с Ацерронией в первый раз, Агриппина наблюдала этот акт моего торжества до конца. Спокойно допила кофе, еще раз окинула меня взглядом, протяжно сказала: «Свинья-а-а» – и ушла в дом. Рассерженная Ацеррония стала меня поучать на мотив «когда женщина хочет – когда она не хочет; когда к женщине с лаской – когда без ласки» и еще что-то про насилие. Но я сказал ей, чтобы она замолчала, потому что это они развратили несовершеннолетнего юношу, а Агриппина вообще занималась со мной инцестом, и им лучше теперь помалкивать, чтобы никто об этом не узнал. Сумму знаний об общепринятой морали я имел из литературы, и, хотя эти антимонологии не очень-то меня интересовали и тогда, и сейчас, я посчитал нужным припугнуть Ацерронию, чтобы было все так, как есть, без вариантов. Ацеррония, сделав круглые глаза, убежала вслед за Агриппиной. Не знаю, о чем они там совещались, но когда я вновь их увидел, то понял: все будет, как я хочу.

Так оно и было. И день, и два, и три, и четыре... Я обладал объектом под именем Ацеррония на глазах у Агриппины, прикрикивая, чтобы Агриппина не отводила от меня взгляда и никуда не убегала, покуда я не кончу. Ацеррония уже не рычала, а скулила, она стала пугаться меня, вздрагивать при каждом резком звуке. Закрывалась по

ночам в своей спальне и старалась не находиться рядом с Агриппиной. Но я хватал Ацерронию и волоком тащил к Агриппине, чтобы она смотрела, как я обладаю Ацерронией, и я смотрел в глаза Агриппине и пояснял себе, кем я на самом деле обладаю. И Агриппина, говорил я себе, не такая уж всевластная и холодная, вот я обладаю ею, а она кричит и стонет и издыхает от страсти. Один раз Ацеррония пыталась сбежать, но я поймал ее у калитки, и повторил урок про несовершеннолетнего мальчика, и добавил, что сам обращусь куда следует, и процесс над преступницей будет ужасным, и об этом напечатают все газеты. Не знаю, как насчет процесса, но угроза публикации в газетах на Ацерронию подействовала. Чувствовал я себя при этом хорошо и вина много не пил, чтобы не становиться хихикающим идиотом. Зачем пить? Должно быть, вино позволяет преодолевать психологические барьеры. У меня таких барьеров теперь нет.

В тот последний вечер я слышал, как они долго кудахтали внизу в гостиной: Ацеррония пускала сопли, Агриппина, видимо, ее успокаивала. Потом Агриппина поднялась на второй этаж и постучалась ко мне.

– Кто там? – четко спросил я.

– Лучшая мать, – пробурчала Агриппина.

Это такой пароль я установил однажды и на все время пребывания в Байях. Агриппина упорно не желала им пользоваться, зато Ацеррония должна была приветствовать меня такими словами при каждой встрече.

– Не слышу, – издевался я.

– Лучшая мать! – уже четче отвечала Агриппина.

Такая покорность меня несколько насторожила, но дверь я открыл и замер выжидательно на пороге.

– Что тебе надо? – спросила Агриппина.

– А что тебе надо? – в свою очередь спросил я.

Со стороны это напоминало диалог двух идиотов. Но мы-то были не со стороны и понимали друг друга без слов.

– Мне надо, чтобы ты отпустил Ацерронию, – сказала Агриппина. – Ты хочешь меня, а не ее.

– Нет, – возразил я.

– Можешь взять меня хоть сейчас. – И она так же, как и в тот раз, расстегнула молнию на своей куртке.

– Нет, – сказал я и попятился.

– Можешь взять меня когда захочешь, где захочешь и как захочешь... – сказала Агриппина и сделала шаг вперед.

Что и говорить, умела она убеждать, как полный колодец – пересохшее горло.

– Нет, – сказал я и снова попятился.

Но в моем голосе, видимо, не звучало былой уверенности, потому что Агриппина застегнула куртку и подвела черту:

– Значит, договорились – Ацерронию я отпускаю, – повернулась и вышла из комнаты.

А я еще какое-то время стоял, словно загипнотизированный ее взглядом. А потом взбесился. Выбежал следом за ней из комнаты и крикнул:

– Если она уедет – я тебя убью!

– Возможно, это уже не самое страшное... – прозвучал голос Агриппины из гостиной.

Я запрыгнул обратно в свою комнату и хлопнул за собою дверью так, что нервная Ацеррония, как страус, вероятно, натянула юбку себе на голову.

Я слышал, как они бегали по дому, собирая вещи Ацерронии, как звонили по телефону, выясняя расписание поездов, как пробовали вызвать такси, но где же его в Байях найдешь... По моим представлениям, поезд на Рим отправлялся только завтра утром, но Ацеррония ни за что не хотела оставаться на ночь в доме, боясь, вероятно, что в силу какой-то причины она вынуждена будет остаться с нами навсегда. Они даже позвонили в местное отделение охраны правопорядка в надежде, что козлы выделят машину и подвезут их до вокзала. Но там, видимо, удивились такой поездке на ночь глядя, и им пришлось наговорить кучу глупостей о какой-то мифической подруге, которая проживает как раз возле вокзала и где потаскуху Ацерронию ждут и днем и ночью. В отделении, должно быть, согласились подвезти их, и машина у козлов оказалась свободна, да потаскухи вдруг передумали, вероятно из опасения близко контактировать с силами охраны правопорядка ввиду пикантности ситуации. Извинились и сказали, что доберутся сами. И тогда они, как я понял из

выкриков, решили переплыть озеро на лодке и тем самым сократить путь до железнодорожной станции.

Я лежал на кровати и чувствовал, как у меня все клоочет от ярости. Почему вдруг, спрашивал я себя, все должно подчиняться ее желаниям? Хочу – родила, хочу – дала. Неужели жизнь в этом мире подчиняется только желаниям женщины? Почему вообще есть какая-то фатальная необходимость в женщине? Мужчина заканчивается там, откуда он появился, и становится зависимым от этой пропасти, которая его выбрасывает, а затем снова поглощает. Бильбоке. Только женщина по своему желанию выбирает продолжение игры. Стало быть, именно она такого продолжения хочет... Бильбоке...

Я встал с кровати и разделся догола. Затем погасил в комнате свет и выскользнул на балкон. Перелез через решетку и прыгнул в сад. Подошел к окну в гостиную и посмотрел. Ацеррония и Агриппина уже собрали вещи и стояли посреди гостиной, о чем-то совещаясь. Потом Ацеррония крикнула в потолок «До свидания!», обе прислушались, еще немного постояли и пошли к выходу. Я спрятался в кустах и даже почуял знакомый запах обеих потаскух, когда они проходили мимо.

Они шли и щебетали, аки куропатки, по дороге к озеру. Ацеррония сразу же за калиткой пришла в хорошее расположение духа, Агриппина, видимо, тоже вздохнула с облегчением, считая, что ситуация разрешилась от бремени сама собой. Я скользил за ними по траве, по траве, по траве до самого озера. Сгустившаяся темнота скрывала мое присутствие, и, пока они гремели веслами, отвязывали лодку и, хохоча, сталкивали ее в озеро, я сидел по уши в холодной воде в каких-то двадцати метрах от них. Вечер был поздний и тихий, ни ветерка, ни тучки, ни души кругом. Только я и две потаскушки в лодке.

Когда они оттолкнулись от берега, я набрал в легкие побольше воздуха и нырнул, стараясь плыть под водой как можно дольше. Но зря я так старался, потому что потаскушки были слишком увлечены веслами и слишком беззаботны, чтобы глядеть по сторонам. И выплыл я совсем недалеко от лодки, два осторожных движения – и вот уже незаметно для них я ухватился за корму. Не мешая им отгрести подальше от берега, я покуда особо не высовывался, да Ацеррония, сидящая на корме, назад не оглядывалась и неволью прикрывала меня спиной. Агриппина гребла сильно и без женского кряканья от натуги. Наконец я решил, что довольно, подтянулся на руках и влез в лодку со

словами: «А вот и я, крошки». Ацеррония отпрыгнула от меня к Агриппине и заскулила. А я стоял на корме, широко расставив ноги, и причина нашего недопонимания болталась у меня между ног, как маятник.

– Сморчок, – сказала Агриппина, указывая веслом ниже моего живота.

И тогда я стал раскачивать лодку. Раскачивал, раскачивал, раскачивал, раскачивал. Ацеррония и Агриппина молча следили за моими действиями, одна с ужасом, другая с равнодушным спокойствием, в конце концов лодка перевернулась и все оказались в воде.

«...Ацерронию, кричавшую по неразумию, что она Агриппина, и призывавшую помочь матери принцепса, забили насмерть баграми, веслами и другими попавшими под руку корабельными принадлежностями, тогда как Агриппина сохраняла молчание... Впрочем, и она получила рану в плечо...»^[12]

– Ну что? – крикнул я Агриппине, немного отдышавшись. – Теперь ты довольна?

Агриппина цеплялась одной рукой за перевернутую лодку. Ее спортивная куртка была разодрана до груди, а из раны на левом плече сочилась кровь. Я находился в двух метрах от Агриппины, стараясь уловить и задержать на себе ее взгляд. Но Агриппина, заваливаясь на спину, смотрела в никому не ведомую, кроме нее, точку. Это продолжалось довольно долго, я все плавал вокруг Агриппины, вглядываясь в ее лицо, покуда лодка не пошла ко дну, увлекая за собой и Агриппину. По-моему, она просто не захотела ее отпускать.

Только тогда я поплыл прочь и совсем уже обессиленный выбрался на берег. Окончательно я смог прийти в себя дома. В своем двухэтажном доме неподалеку от озера в Байях...

Утром меня разбудили козлы правопорядка. Заикаясь и дополняя друг друга, они сообщили мне, что произошло несчастье – лодка, в которой моя мать с подругой, подруга с матерью, плыли на другую сторону озера, она нам звонила, да, она нам звонила и просила подвезти, а если бы подвезли, а если бы не подвезли, козлы, лодка перевернулась, лодка перевернулась, надо пойти на берег и взглянуть, взглянуть, их вытащили на берег, взглянуть, они там... И я пошел на берег вместе с козлами.

Они действительно лежали там. У Ацерронии, как всегда, юбка была выше трусов, а Агриппина так и смотрела в небо, только глаза у нее еще больше потемнели. «Надо закрыть ей глаза, надо закрыть ей глаза», – шептались вокруг меня люди, и они закрыли ей глаза. Как я понял, меня никто ни в чем не подозревал, а все только жалели. И тогда я ошаршил всех. Я посмотрел на мертвую Агриппину, на ее удивительную грудь, на ее длинные стройные ноги и сказал:

– А красивая у меня была мать.

«С тех пор я могу представить себе все что угодно. Я говорю: „Ну ладно, я переспал с матерью. Что из этого?“ И тотчас изгнанные моим равнодушием картины преступления и инцеста отходят на второй план».^[13]

Нечего делать бездельнику здесь. Убирайся!

*Помпейская надпись у изображения
больших змей*

Я не могу рассчитывать на снисхождение. Я не могу похвастаться родовой травмой. У меня не было отчима, который насилует девочек-подростков. В юном возрасте меня не отправляли на панель. Я почти с отличием закончила обучение в школе. Моя мама не опустившаяся алкоголичка. Отец не напивался каждый вечер перед телевизором. Мама не нюхала кокаин. Отец не грабил прохожих, не размахивал столовым ножом. После школы меня не изнасиловали в подвале. Я не бегала в разорванной одежде в полицейский участок. У меня очень устойчивые регулы. Я не забеременела от одноклассника. У меня не родился после этого младенец. После школы я устроилась на хорошую работу в рекламное агентство. Меня случайно не пырнули ножом в лифте бандиты. Я не давала показаний в суде под присягой. Меня не опекала служба перемещения свидетелей. Я не курила марихуану. Я регулярно посещаю дантиста. Я не подглядывала за своими родителями. Я не сожительствовала с родным братом. Если я рассказываю психоаналитику какие-нибудь сказки, то только потому, что он этого хочет. Я никогда не бывала в притоне. У меня нормальная реакция на нормального мужчину. Я не фригидна. Я не теряю сознания во время полового акта. Я плачу налоги. Меня не сбила машина после

помолвки. Молодой жених не рыдал над моей свежей могилой. В рекламном агентстве я работала сорок часов в неделю. Меня не похищали террористы. У меня нет сутенера. Моя мать не попала на старости лет в психиатрическую больницу. Меня не возбуждают порнографические фильмы. Мне не делали операцию по удалению аппендикса. Мне не мерещатся всюду фаллические символы. Я не испытываю ненависти к мужчинам из-за того, что мне в детстве опротивел отец. Я не похожа на свою мать внешне. Мне двадцать шесть лет. Я не считаю, что красивое белье – пустая трата времени. У меня нет аллергии на кошек. У меня большие проблемы – я ненормальная...

Через год я озверела от этой работы. Телефон. Телефон. Телефон. Телефон. Все время звонил телефон. Каждую минуту. Стоило мне повесить трубку, как тут же раздавался звонок. «Рекламное агентство! Слушаю вас!» И снова звонок. «Рекламное агентство!» Я не знала, куда мне кинуться. Под колеса, под директора или под Кики? Когда мужчины, знакомясь, спрашивали у меня номер домашнего телефона... Короче, я диктовала все, что требуется, и жила себе дальше спокойно. Номер-номер, вот это номер. Номер у меня действительно был, только домашнего телефона не было. Я его выбросила прямо на улицу с четвертого этажа. И даже не посмотрела, попало кому-нибудь телефонным аппаратом по башке или нет. Потому что однажды вечером, сидя дома, я неоднократно поднимала телефонную трубку и машинально говорила: «Рекламное агентство! Слушаю вас!» «Ты переутомилась на своей работе!» Я озверела. Через год. «Через год, через год, как созреет виноград...» Из рекламного агентства я уволилась. Целую неделю я наслаждалась тишиной в квартире. Включала на полную мощность проигрыватель, телевизор, магнитофон. Выключала. Где телефонный звонок? Нету! Что и требовалось доказать. За целую неделю я только дважды выходила из дома, чтобы купить себе продукты. Все время лежала на диване, слушала музыку и пыталась попадать шкурками от бананов в мусорное ведро. Уже через день мой результат равнялся: девять шкурок из десяти – точно в цель. Я поняла, что достигла почти совершенства. Убрала в мусорное ведро все десятые шкурки и отправилась бродить по городу. Спускалась в метро, ехала в поезде, выходила из метро и попадала в новый район. Скоро все районы мне

тоже осточертели. Люди пили кофе, общались, спешили на работу. Когда кто-нибудь пробовал пообщаться со мной, я гнусавила: «Что-о-о? Что-что-о-о-о?» И корчила такую физиономию, будто мне предлагают бабахнуться на Луне, да еще вверх ногами. Может быть, я и бабахнулась бы. Только никто не предлагал. На Луне. Обычно мне предлагали зайти на чашечку кофе или просили разрешения заглянуть на чашечку кофе ко мне. «Что-о-о? Что-что-о-о-о?» Кофеманы проклятые. Есть ли в этом городе маньяки, кроме меня? Кто изнасилует девушку, такую беззащитную, такую хорошенькую? Прямо на мусорном баке! Только я буду сопротивляться. Извините, но я должна сопротивляться! Ведь я – порядочная девушка. «Что?! Что-что-о-о-о?»

Однажды во время своих блужданий по городу я увидела на пешеходном переходе женщину в красных туфлях. Она стояла на островке среди потока встречных и поперечных машин, гудящих, свистящих, ревущих, она стояла там как гром среди ясного неба. Я догадалась, что женщине забрызгали левую туфлю и ее колотило от бешенства. Машины, человечество, инопланетяне – какая разница, кто виноват? Левая туфля забрызгана – вам всем не жить! Ее лицо ничего не выражало, кроме глубочайшего презрения к автотранспорту. Но я почувствовала, как сжимаются ее кулаки, пылают от злости щеки и колотится сердце. Если хотите знать, что такое женская солидарность, – вот она. Мы понимаем друг друга, как магниты. Иногда отталкиваемся, иногда притягиваемся. Мы солидарны в одном – надо постоянно держать друг дружку в поле зрения. Все остальные женские объединения – писькина грамота. Ни один мужчина, философ, математик, распрогений, не объяснит – почему женщина сделала то, а почему это. А я даже объяснять не буду. Я почувствую.

Через неделю ко мне привязался Брошенка. Долговязый прыщавый парень с глазами онаниста. Когда именно он увязался за мной, я не заметила. Брошенка держался все время на расстоянии, то пропадая из поля зрения, то появляясь. Слонялся по улице, покуда я сидела в баре. Делал вид, что он случайный прохожий и читает газету, когда я заходила в магазин. Милый мой недоносок. За женщиной надо приглядывать краем глаза, а не сверлить ее взглядом. Неприятное ощущение ползало по мне, как навозная муха. Я не могла отделаться от мысли, что мне надо принять душ. Непременно. Теплый душ,

пенистую ванну. Я была готова тут же бежать домой и вдруг перехватила взгляд Брошенки. Так я обнаружила, что за мною следят.

Наверное, всякий мужчина до определенного возраста похож на зародыш. На прыщавый, неоформившийся зародыш. Не буду скрывать – от юношей меня тошнит. Как от бледной, прозрачной, огромной личинки. Брр, какая мерзость. Это отвратительное гоготанье, эти квакающие голоса, эти компании подростков с красными руками, их покрытые пухом морды, сопливое харканье и все, все, все, что относится к зародышам мужского пола, – ненавижу. Не знаю почему – меня тошнит. Если здесь есть повод обратиться к психиатру – вяжите меня и тащите меня. Сама не пойду. Потому что добрый доктор будет спрашивать: «А какие, дорогуша, вам юноши очень не нравятся? С большими гнойными прыщами или с маленькими?» Тогда меня вывернет, и я захлебнусь собственной рвотой. «Все дело в том, милочка, что у вас не было родного брата, – скажет добрый доктор. – Тогда бы...» Тогда бы я забилась в предсмертных судорогах. Ты слышишь меня, доктор? Я рожать не хочу только по одной причине. Вдруг родится мальчик. Прелестный пухленький мальчик. Ну разве возможно его не любить? Он будет ходить в школу. Умный, причесанный, чистенький мальчик. Мы будем вместе завтракать, будем обедать. Он будет расти. И вдруг превратится в отвратительное, харкающее, гогочущее, гнойное чудовище. Я этого не выдержу. Я его растерзаю, как свой послед. И закопаю в саду ночью, чтоб не увидели соседи мой позор, мой ужас. Не-ет. Уж лучше без этих переживаний. Кто может гарантировать, что у меня родится девочка? Приходите ко мне на чашечку кофе...

Брошенка вечно ковырялся в кармане, разглядывая меня с головы до ног. Вероятно, мастурбировал прямо на ходу. Что за развлечение? И почему он прицепился именно ко мне? Вон сколько по улице женщин бегают. В разноцветных туфлях. Так нет же – Брошенка неотступно следовал за мною и ковырялся в кармане, и ковырялся. Что-то ко мне притягивает все патологическое. Несколько раз я пыталась заманить Брошенку в ловушку, чтобы спросить – а какого черта ему от меня надо? Я забежала в разные заведения, чтобы неожиданно выскочить из засады, но Брошенка дожидался, пока я оттуда выйду, стоя на другой стороне улицы. Только один раз он заинтересовался – что же я буду делать в бильярдной? Поперся за мной. Я выпила за стойкой рюмку

текилы, выбрала бильярдный стол и мастерски раскатила девять шариков. Выпила еще рюмочку и стала укладывать шарики по лузам номер за номером, номер за номером. Брошенка устроился на скамеечке у стены и наблюдал, как я выгибаюсь возле бильярдного стола. Естественно, что Брошенка был не одинок. Компания рокеров шумно обсуждала – «яйца на столе или не яйца?». (Ничего похабного – бильярдный термин, когда два шарика тесно соприкасаются.) Я не боюсь мужчин, с яйцами или без, я всегда знаю, как себя вести и что делать. Приобретенный опыт плюс природное чутье. Как может выжить в этом мире женщина, если она не знает, когда раздвигать ноги, а когда уносить ноги, да побыстрее? Рокеры – добрые ребята со своими парнями, в число которых входят мотоциклы и особый отряд специально обученных девиц. Не надо жеманно глядеть рокеру в глаза. Просто решительно тяпни пивка или текилы, правильно раскати бильярдные шарики по столу – это ему понравится. Мне ли не знать рокеров. В кожаных куртках. Однажды я целых два месяца не вылезала из седла, катаясь «от побережья до побережья». Беспечный ездок. Там же в седле и трахалась. Надоело – до чертиков. Вернулась домой и неделю падала с кровати. Удивительно – на мотоциклетном сиденье спала, как эквилибрист, а с кровати падала. С непривычки. Кроме рокеров в бильярдной были и другие завсегдатаи. Шелуха и семечки. Как только я врезала по шарам, «джентльмены» глазели лишь на меня. Законное право. Именно для них предназначены такие живые картинки. Какие тут эротические корни, не берусь судить. Но девушка с бильярдным кием – это то, что прописывает доктор безнадежным импотентам. Как последнее средство. Что тут эротичного, не мое женское дело. Мое дело – катать разноцветные шары длинной палкой. Хрясь – как научил меня отец, отставной полковник, хрясь – как я играла с ним еще в детстве. Минут через пять вокруг моего стола собрались все мужчины, которые были в бильярдной. Наблюдали и шумно аплодировали. Понятно, что Брошенка остался сидеть у стенки. Тогда, перед тем как закатить в лузу особенно трудный шар, я в раздражении бросила на стол бильярдный кий. «Совершенно невозможно играть!» – заявила я. «Что случилось?! В чем дело?!» – наперебой загалдели мужики. «Вот этот недоносок, – я указала на Брошенку (он прижался к стене), – этот недоносок все время заглядывает мне под юбку». Ну, скажем, заглядывали все,

но «джентльмены» с радостью накинулись на моего недоноска. «Одну минуточку, – сказала я, когда Брошенка повис, как тряпка, между двумя здоровенными рокерами. Я взяла со стола кий и брезгливо потыкала недоноска во впалую грудь. – В чем дело? Что тебе от меня надо?» Брошенка злобно извивался между «кожаными», но лягаться не смел. Только зыркал на меня из-под рыжих бровей. У него были студенистые глаза неопределенного цвета, конопатое лицо и зеленая сопля под носом. *Таким я запомнила сына Агриппины.* «Выбросьте эту мразь отсюда», – сказала я. И тогда Брошенка совершил трагическую ошибку. Он извернулся и укусил одного из «кожаных» за руку, а другому оцарапал лицо. Надо знать поддатых рокеров, чтобы не делать этого. Надо понимать, что пьяные рокеры топчутся перед самочкой, пуская слюни. Рокеров много, а самочка одна. Все нервничают. Брошенка, по молодости лет, этого не учел. Или характер у него был такой – неуживчивый со своим телом. Когда рокеры принялись месить Брошенку, я не могла бы их остановить. У рокеров от природы мало тормозной жидкости в голове. Я только услышала, как жалобно стонет Брошенка: «Ы-ы! Ы-ы!» – когда удары попадали ему по почкам. И еще слышала, как чмокаются об него кулаки и как зовет Брошенка свою мамочку: «Ой, мама! Ой, мамочка!» Я так же решительно покинула бильярдную, как и появилась. Бильярдную, где мужчины учили уму-разуму недоноска. Иными словами, я сознательно бросила Брошенку на съедение рокерам. А какого хрена им еще делать? Вины, сожаления у меня не возникало. Я не всегда такая стерва, но временами на меня находит.

Но Брошенка выжил. В ту пятницу я покупала продукты в супермаркете. Для пропитания Джо. Короткий отрезок жизни у меня по кровати ползал мужчина Джо без носков. По правде говоря, Джо порывался ползать в носках, но я запрещала. Уж очень они у него воняли. Все хорошо было устроено в этом мужчине, кроме ног и носков. Со временем я отправила Джо куда подальше. Но мне постоянно казалось, что где-то в моей квартире Джо оставил свои носки. Я приносивалась и поливала окрестности дезодорантом. Дух Джо преследовал меня долго. И вот... Между металлическими корзинами и тележками, вдруг я вижу, стоит Брошенка, смотрит на меня и пускает слюнявые пузыри. Видимо, ему в бильярдной сломали нос. Желтые круги вместо глаз, на челюсти пластырь, и неизменная

сопля высовывается. Вдох – нет сопля, выдох – сопля на месте. Я не поклонница таких фокусов. Отвела глаза в сторону. Купила продукты и пошла нюхать Джо. Еще обернулась несколько раз, чтобы недоносок за мною не увязался. Но его и след простыл.

Вечерело. Веселые лужицы подмигивали на асфальте – только-только зажглись уличные фонари. Я держала в руках два пакета с продуктами, поэтому никак не могла попасть ключом в замочную скважину, чтобы открыть дверь. Оставалось только нажать носом кнопку переговорного устройства. Тогда бы Джо слез с кровати, надел бы носки, спустился бы вниз по лестнице и открыл бы для меня дверь в парадную. Описать можно, пока это произойдет. «Вам помочь?» – спросила меня женщина с любезной улыбкой на лице. Я только утвердительно кивнула и отдала ей ключ. Приятная женщина, которой слегка за тридцать, которая со вкусом одета, у которой замечательные дорогие духи. Она открыла входную дверь и вернула мне ключ. «Спасибо!» – сказала я. «Пожалуйста-пожалуйста», – ответила женщина. Голос у нее тоже был приятный. Бархатное контральто. Я протиснулась со своими пакетами в парадную.

Первый удар пришелся мне в поясницу. Я запнулась о порожек и рухнула грудью на лестничную площадку. Только и видела, как из моих пакетов раскатились фрукты-овощи. Должно быть, я упала враскорячку, потому что следующий удар мне нанесли между ног. Острая боль, как молния. Электрический разряд пронзил меня от промежности до макушки. И еще один удар в то же место. У меня перехватило дыхание, и я не могла вскрикнуть, позвать на помощь. Только хрипло стонала, поворачиваясь на бок. Я попыталась согнуть ноги, но ноги меня не слушались. Это длилось долго, долго, долго, пока я наконец-то, пока я кое-как не повернулась на бок и сквозь слезы, сквозь мутное стекло увидела над собой все ту же женщину. «Слава богу, – подумала я, – она мне поможет. Со мною что-то случилось. Эта женщина сейчас мне поможет». И тогда женщина точно и расчетливо ударила меня ногою в грудь. А потом еще раз в лицо. У нее на ногах были модельные туфли. Острые, как зубья, красные модельные туфли. Как зубья пилы, красные туфли. *Так я познакомилась с Агриппиной.* Не знаю, сколько времени она меня избивала. Но знаю, за что. Я это почувствовала. За что? За своего

ублюдка. За своего сына. За своего Брошенку. Вот за что. Я потеряла сознание...

*Здесь покоится прах Атилии Ресуты;
прожила двадцать пять лет без горя. Что хотела,
то и могла; что могла, то и хотела.*

*Надпись на могильном камне, найденном
в Риме, затем перевезенном в Верону*

Крит. Аэропорт. Натура. День

Сцена первая

У меня всегда хорошие отношения с актрисами. Я с ними работаю. Приглашаю неизвестную штучку на главную роль, долго приглядываюсь, выбираю положение, украшаю интерьер, и трах-бабах-тарарах! Хлопушка! Мотор! Снимаем! Вся киногоруппа просто фиксирует наши эротические фантазии. Что такое творчество? Проявление потенции. А если у старого пердуна получается хорошее кино – это мемуары. О былой сексуальной активности.

Господин директор частенько со мною не согласен. Он просит завернуть мою потенцию в тряпочку. Чем-нибудь прикрыть. Господи, все известные Твои моралисты были людьми преклонного возраста. Любовь, говорил Ты, любовь. И сотворил меня по образу и подобию. А как же мне размножаться? И боженька наделил меня потенцией. Теперь я использую эту потенцию в мирных целях. На художественном фронте. Творчество – это синтез Твоего подобия и моей потенции.

Я видел, как божья коровка лезет на божью коровку. Это порнография. Все устроено Тобой очень просто. Никакие человеческие законы не в состоянии определить творчество более конкретно. Если есть в художественном произведении Твой образ, но нет потенции – порнография. Если есть потенция, но нет образа – это любовь божьих коровок. И достаточно об этом.

Знаменитые и великие актрисы меня не волнуют. Женщина после пятого замужества и четвертого аборта – что в ней может быть неизведанного? Ее имели другие мастера кинематографического жанра. Неоднократно. Да как я могу взять известную актрису за руку и сказать: «Пойдем пофантазируем». Она тут же спросит: «Ужин при свечах или натюрморт в подъезде?» На ней живого места нет! Вот эта ложбинка показана на Каннском фестивале, вот эта выпуклость – в четвертой серии. Ее ногами обладал один известный режиссер, ее грудью – другой. Неврастеничка, истерзанная под софитами. Ее

облизали с головы до пяток все знаменитые извращенцы. Я не собираюсь вытаскивать из мусорного ведра чужую жевательную резинку. Вкуса в ней нет. Конечно, и в Эйфелевой башне можно найти что-то новое. На утренней заре. При тихой погоде. Если снимать сверху попой. Новая точка зрения. Ма-а-аленькая такая новая точка на исколотом женском теле. Но я же не такой садист. Я другой садист.

Я развращаю неопытных актрис. Главной ролью. Я присасываюсь, как вампир, постоянно повторяю, что роль у нее главная, наиглавнейшая. Что она поэтому должна со мной спать, жрать, гулять, раскрывать мне душу, рассказывать о своих фантазиях. Что каждая минута ее времени – для меня целая жизнь, что каждое ковыряние в носу – для меня событие. Я желаю видеть, как она кричит в оргазме, как она держит ложку во время обеда. Я хочу знать эту женщину изнутри и снаружи, я хочу понять, от какого соединения спермы и вечности могло получиться такое творение Господне. И тогда я сопричастен ее появлению на свет. И тогда я наслаждаюсь.

Правда, фильма может не получиться. Я не снимаю фильмы каждый день. Просто мы с Александром иногда достаем кинокамеру, что побольше, и приглашаем разных женщин. На кинопробы. Идиотки. Ну где же вы видели, чтобы кинопробы назначались дома у режиссера? Только у меня с Александром. Обычно это происходит так...

Прага. Квартира Александра. Интерьер. Вечер

Сцена вторая

Эта зима получилась (не знаю у кого) особенно холодная. Выпавший снег не таял, река Влтава дышала лютой сыростью. Неунывающие лебеди гоняли у Карлова моста уток. Для разогрева. Пока мы добирались до квартиры Александра, трижды заходили в кафе. Два раза выпили горячего пунша, один раз – по бокалу красного вина. Все животное умерило свой пыл. До весны. И только мы с Александром чувствовали себя как лебеди. Намечали погонять уток.

Художественный бедлам в квартире Александр поддерживал постоянно. Везде под руку попадали самые неожиданные предметы. Например, мотоциклетный шлем на унитазе. Или осветительный штатив в ванной. Помнится, тогда я обнаружил женскую туфлю у себя под задницей. Я приподнялся с дивана, взял туфлю и зашвырнул в угол. Александр неодобрительно покачал головой, разыскал на полу женскую туфлю и положил в вазу. Может быть, может быть... Интересная композиция. Только выбросил я туфлю желтого цвета, а Александр поднял – красного. Кто-то отчалил в разных туфлях... Немудрено, если однажды я повесил свой пиджак у Александра в прихожей, а нашел его на девице легкого поведения и совсем на другой улице.

Первая «актриса» заявила, как мы с ней и договаривались. В семнадцать тридцать. Александр подцепил ее в холле киностудии, где она приплясывала под звуки телевизора. Рядом с ней переминался и разносчик пиццы, не зная, как на это действие посмотреть. То ли как на последние секунды жизни перед ядерной бомбардировкой, то ли как на день открытых дверей в сумасшедшем доме. Девушка подпевала телевизору, притоптывала ногами и раскачивалась из стороны в сторону в музыкальном трансе. Вероятно, «актриса» не прошла на какой-нибудь эпизод в жизни и решила наверстать упущенное время. В ритме рок-н-ролла. Александр расплатился с разносчиком пиццы и

предложил девице попробоваться на главную роль в нашем фильме. Та сразу же клюнула. Заглотила наживку, как акула. Ей, вероятно, было все равно – что снимать и где сниматься. Лишь бы оценили. Ну, это мы с Александром можем!

На музыкальную актрису у нас было отпущено сорок пять минут. Ее подпирала официантка из кафешантана. Шучу. Из кафе неподалеку от Вацлавской площади. Поэтому Александр решил не терять ни секунды. Он согнал меня с дивана, включил все осветительные приборы и объяснил девице теорию Станиславского.

– Это режиссер. – Александр указал на меня пальцем.

Девушка внимательно рассмотрела два ржавых софита, видеокамеру, меня и сделала «фиксен». Книксен шлифовался долгими вечерами перед зеркалом на исходе восемнадцатого века. Современные эмансипированные девушки делают «фиксен».

– Я сейчас буду помощник режиссера, – нагло заявил Александр. – Буду снимать.

– О чем фильм? – не менее нагло спросил я у Александра.

Александр укоризненно посмотрел на меня, мол, главный режиссер, а неизвестно, что говоришь. Как, мол, не совестно. Он усадил нашу «актрису» на диван и занял свое место за видеокамерой. Между прочим, кинокамера отличается от видеокамеры, как паровоз от электрички, но девушка особенно не разбиралась.

– Что мне делать? – спросила девушка, сидя на диване.

– Делай что хочешь!.. – хором заявили мы с Александром. Надо самой понимать, что такое кинопроба.

Девушка посмотрела нам в глаза и поняла, что надо раздеваться.

– Снимаю, – заверил ее Александр.

«Актриса» еще раз прикинула – а нельзя ли выгнать одного из нас в другую комнату? Но режиссер протирал тряпочкой телевизионный монитор, а помощник режиссера уставился в глазок видеокамеры. Кого тут выгонишь?

– А можно... музыку? – спросила наша актриса.

Александр подпрыгнул и включил телевизор на полную громкость. Потом почесал затылок, набухал полстакана виски и вручил стакан девице. «Актриса» вздохнула, выпила виски и стала раздеваться. Александр снимал.

У девушки было хорошее телосложение. Она аккуратно обнажала себя по частям и складывала вещи стопочкой на диван. Обычно перед тем, как снять лифчик и трусики, девицы жеманятся. Наша «актриса» раздевалась абсолютно спокойно и без остановки. Как в женской бане. Телевизор орал на полную катушку – кажется, это была программа новостей. Наконец девушка скинула все и выпрямилась перед камерой. Небольшая упругая грудь и лукавый пушок – все там, где обычно.

– Сфотографировал? – спросила девушка у Александра.

– Полный порядок! – Александр изобразил пальцами букву О.

Тогда девушка взяла в руки лыжную палку, которая оказалась тут некстати, и треснула – вначале по одному осветительному прибору, потом по другому. Если вы слышали, как взрываются софиты, то можете себе представить... Раздался грохот, полетели искры, а девушка даже не поморщилась.

– Можно одеваться? – спросила она.

В одном месте еще искрили провода. Девушка с лыжной палкой стояла перед камерой, и лицо ее ничего не выражало. Только дыхание у девушки стало чуть более энергичным.

– Извини, – сказал Александр.

Девушка бросила на диван лыжную палку и внимательно посмотрела в мою сторону.

– Извини, – сказал я.

– Теперь я должна одеться, – сказала девушка.

Мы с Александром поспешили выйти из комнаты на кухню. Мы даже не стали обсуждать случившееся. Чего тут обсуждать, и так все ясно – козлы мы. От не фиг делать.

Из комнаты послышалась мелодия в стиле рок. Вероятно, девушка переключила телевизор на музыкальный канал. Так и есть. Она уже оделась и танцевала среди осколков стекла и опрокинутых софитов. На девушке были синие джинсы, серый свитер, а вокруг девушки пустота и козлы вроде нас. Поневоле будешь танцевать с телевизором.

Я подошел к телевизору и приглушил звук.

– Можно пригласить вас в ресторан? – спросил я у девушки.

– Можно, – ответила она. – Меня зовут Карина.

– Очень приятно, – сказал Александр.

Он взял листок бумаги и написал: «Сегодня съемок не будет». Мы закрыли квартиру, прикрепили листок на дверь и поехали в хороший

ресторан.

Крит. Аэропорт. День. Натура

Сцена третья

Я увидел Александра первым. Массивную фигуру Александра трудно не заметить в толпе. Когда-то он занимался штангой, и вполне профессионально. Теперь, чтобы держать себя в форме, Александр принципиально не берет тележку, а таскает в руках свои огромные чемоданы. Должно быть, с гирями. Вместо приветствия я достал из кармана фотографии женских глазиков, синих ручонков и показал Александру.

– Твои выкрутасы? – спросил я.

Александр бросил свои чемоданы на пол, взял фотографии и внимательно их рассмотрел.

– Что за дерьмо? – спросил у меня Александр в свою очередь.

– Где Лола? – на всякий случай поинтересовался я, хотя уже понял, что Александр не имеет к этим фотографиям ни малейшего отношения.

– Лола в ящике. Спит, – пояснил Александр. А я даже представить себе не мог, что Александр так по-свински обращается с дамами.

– Почему в ящике? – удивился я.

– Но я же не могу путешествовать с гадюкой на руках?! – возмутился Александр.

О-ля-ля! Вот это Лола! Но она оказалась действительно гадюкой. То есть натуральной гадюкой зеленого цвета семейства аспидов. И действительно спала, свернувшись в клубок, внутри своего кофра.

– За каким чертом ты ее сюда притащил? – зашипел я на Александра, потому что только гадюки мне не хватало. Для полного счастья.

– Может быть, здороваемся?

– Здравствуй!

– Лола будет объединять твои сюжеты, – поведал Александр.

– Каким это образом? – зловеще спросил я. Ведь Александр предположил, что гадюка Лола умней меня. Я сам еще не знаю, как

объединить сюжеты, а Лола, оказывается, может сделать это запросто.

– Запросто! – подтвердил Александр и потрепал меня по плечу. – Кто укусил царицу Клеопатру?

– Антоний.

– Лола! – Александр таинственно улыбался. – Вернее, прабабушка Лолы! А теперь представь себе, что змеиный яд передается из поколение в поколение. По женской линии.

С ума сошел!

– Значит так, – подытожил я. – Чтобы больше про Лолу никто не слышал. Ни слова. Немедленно отпусти Лолу на волю.

Александр обиделся. Ну и черт с ним.

Прага. Воспоминания. Интерьер мозга. Сумерки

Сцена четвертая

Когда Александр получил деньги на съемки фильма, он поставил меня перед неизбежностью. Тогда я вспомнил о Карине. Образ одинокой девушки, танцующей с телевизором, оказывается, хорошо отпечатался в моей памяти. Я пригласил Карину на главную женскую роль. Я подумал, что Карина – подходящая «ниточка». И решил навесить на нее «бусинки». Кто знает, что в действительности я хотел на нее навесить. Кто знает, что в действительности повлияло на мое решение. Из доброй тысячи актрис я выбрал Карину. Вначале я долго перебирал фотокарточки с размалеванными физиономиями, затем смотрел видеоролики, разыскивая подходящую стервочку. Ничто меня не трогало, ничто не задевало. Наконец Александр не выдержал и объявил о моих поисках всенародно. Через средства массовой информации. Боже мой, такого количества женщин просто нет на планете! Об этом я подумал, когда шел по коридору киностудии. Длиннющий коридор и всюду тетки, тетки, тетки – улыбаются. Я изничтожил всех. Александр умудрился кое-кого припрятать. Время от времени он доставал из кармана фотографию какой-нибудь девицы, показывал мне и спрашивал: «А?» В баре, в мужском туалете, в такси. «А?» – спрашивал Александр и цокал языком, демонстрируя, что эта актриса ему очень нравится. Я стал плохо спать по ночам. Меня замучили кошмары. «А?» – спрашивал Александр и вытаскивал из шляпной коробки женскую голову. Я просыпался. «Карина», – сказал я Александру ранним утром. Он долго сопел в телефонную трубку, соображая – какая такая Карина. «Ах, Кари-и-ина!» – наконец сообразил Александр. Я повесил трубку и дальше спал спокойно. Пусть Александр не спит и думает, где ему разыскать Карину. После злополучного вечера, когда Карина перебила нам софиты, после ресторана, после... Карина звонила мне пару раз и даже оставила на автоответчике свой номер телефона, но чем-то я был занят. Чем же я

был занят? Вероятно, Агриппиной. Теперь я надеялся, что Карина все еще танцует под звуки телевизора. Что она сохранила свою непосредственность. «Ну уж фиг вам!» – сказала Карина, когда мы с Александром важно сообщили ей о своем решении. По счастью, Карина училась на театральных курсах, где Александр ее быстро обнаружил. «Фиг вам – раздеваться не буду!» – сказала Карина. С большим трудом удалось убедить девушку, что это не главное. Что главное – это ее ин-ди-ви-дуальность. Карина поверила нам. Поверила в очередной раз, что мы настоящие ребята, режиссеры и сценаристы. Но, должно быть, подозревала подвох до самого Крита. И правильно делала. Потому что на Крите у меня начались творческие муки с Валерией.

Крит. Отель «Диоген». Номер карины. Интерьер

Сцена пятая

– Сукин ты сын, – сказала Карина.

– А ты – пупсик, ягодка, котик и солнышко, – отвечал я Карине.

От этого разговора я не ожидал ничего хорошего. Карина открыла дверь на лоджию, посмотрела на безоблачное небо, на ласковое море и закрыла дверь.

– Сукин ты сын, – повторила Карина. – Хотя бы в море я могу искупаться?

Честно говоря, я ожидал женских упреков, угроз, шантажа и кастрации. Но больше всего я опасался женских слез. Я попросту не знал, в какую посуду их собирать.

Как только Карина увидела меня в аэропорту, она пожалела, что не подписала со мною кабальный контракт в Праге. Всю дорогу до отеля я молчал. Я сам не знал, что буду говорить минутами позже. У меня не было никакой заготовленной речи. И мыслей конкретных у меня не было. Я крутился вокруг Карины, как хищное животное, и все поспешили оставить нас наедине. Даже Александр, хотя ему до смерти хотелось узнать, в какие дополнительные затраты это выльется.

Едва коридорный затащил вещи Карины в номер, я открыл бар с напитками и достал оттуда бутылку шотландского виски. На этот раз я собирался обнажаться сам.

– Включи телевизор, – попросил я Карину и расстегнул верхнюю пуговицу на своей рубашке.

– Обойдемся без музыки, – сказала Карина.

А меня бы вполне устроил какой-нибудь похоронный мотивчик. Когда я приспособился к бутылке и принялся говорить, то не поверил собственным ушам. Оказалось, что я собираюсь снимать только природу. Без Карины. У меня появились другие творческие планы. Еще ничего не ясно, говорил я, но Карина сделала свой женский вывод, что ясно уже многое. Практически все. Слава богу, у нее есть

глаза, и она этими глазами «кое-что видела». Вернее, «кое-кого». Теперь творческая личность моя для Карины не загадка. «Сукин ты сын» – это самое приятное, что было сказано о моей творческой личности.

– В море можешь купаться хоть круглый год, – ответил я. – За мой счет. Никто не собирается гнать тебя отсюда. Недели две. Потом уедем все вместе.

Карина высказалась по поводу моря. Ну море-то тут при чем?

– Хорошо, – сказала Карина, немного подумав. – Я подожду две недели. За свой счет. Надеюсь, что загар здесь хороший. А ты – большое нецензурное выражение. Очень большое. Ты слышишь меня?

Я слышал.

Крит. Бар Корнелия. Интерьер

Сцена шестая

Самый большой отряд гомосексуалистов – триста спартанцев.^[14]
Погиб в битве при Фермопилах.

Надо сказать Корнелию, чтобы он прекратил хлопать меня по плечу. Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются мужчины.

Намедни я побывал в баре у Корнелия без Валерии. Выкроил время. Посидели спокойно, поболтали о школьных годах.

– Так-то лучше, – сказал на прощание Корнелий. – Без женщин.

И тогда я ему рассказал про «триста спартанцев»... Совсем Корнелий шуток не понимает.

Крит. Гора Ида. 1500 метров. Натура

Сцена седьмая

Шикарная панорама. Развалины древнего храма, вечное море, побережье Крита. Мы снимаем. Карина бродит по окрестностям. Время от времени Карина выползает на съемочную площадку и снова исчезает за камнями. Должно быть, она решила стать скалолазом. Я таскаю Валерию за собой по всему острову, как кенгуренка. Время от времени мы прыгаем в арендованный для съемок микроавтобус, и Валерия забирается ко мне в «сумку». То есть на колени. Клавдио по-прежнему не подает признаков жизни. Только один раз он позвонил нам по телефону. Трубку взяла Валерия. О чем они беседовали, я не слышал, но в заключение разговора Валерия громко сказала: «Можешь ею пользоваться». То ли о зубной щетке, то ли о любовнице Клавдио. Мне все равно. Карина якобы не обращает на Валерию никакого внимания. Держится от нее на расстоянии, изучает. Оператор поллюбил Валерию с первого взгляда. Говорит, что она очень фотогенична. Надо разбить оператору кинокамеру. Чтобы не возбуждался понапрасну. Когда мы закончили съемку и спускались с горы, Карина остановила меня на минутку и высказала свое мнение о Валерии. Вот мнение Карины: «Подобной стервы я еще не видела». Это в ней говорит телевизор. Насмотрелась всяких глупостей. Вот мое мнение о Валерии: «Трудно быть женщиной. Особенно хорошенькой».

Прага. Воспоминания. Моя квартира. Кавардак

Сцена восьмая

После ресторана мы оказались с Кариной в постели. Александр гордо отчалил в тот вечер, как королевская яхта, без пассажиров. Чем занимались мы с Кариной в постели? Если бы я помнил. Наверное, чем обычно занимается мужчина с женщиной. В ресторане я обильно окропил себя вином. Белым, красным и серо-буро-малиновым. Скорее в погоне за цветовой гаммой, нежели за качеством. Вы бы видели эту гамму! Поэтому Карина подрядилась проводить меня домой. Александр заявил, что ему противно брать под руку мужчину, да еще пьяного. Вначале Карина пыталась у меня дома разыскать кофе, но натыкалась все время на банки с пивом. Конечно, я требовал пива. Потом я пытался разыскать Карину, но попадались под руку ненужные вещи – рубашки, брюки, пиджаки. Когда Карина сварила кофе и принесла его в комнату, оказалось, что я избавился от ненужных вещей и валяюсь голый в постели. Теперь я требовал себе Карину. Она сказала, что кофе по-турецки не в ее вкусе, а я валяюсь как падишах. Тогда я надел халат и обиделся. Сказал Карине, что, вероятно, я слишком для нее старый... Как изобретение Гутенберга. И всяким пигалицам непонятен мой порядок букв... Карина сказала, что этот порядок не понял бы и Гутенберг, а относительно нашей разницы в возрасте – главное, чтобы человек был хороший...

Тогда мне подумалось, что я человек хороший. Я даже надел носки. Карина заметила, что это теперь лишнее. Носки, разумеется. Тогда я принялся говорить, тщательно соблюдая знаки препинания. Я говорил, что готов на Карине жениться, что готов сделать ее счастливой, что для этого потребуется день или два, но, главное, надо сейчас переспать, нам переспать с Кариной, переспать немедленно, и тогда все будет в ажуре. Карина ответила, что слышала об этом в разных вариантах, от разных представителей мужского пола, но суть предложений одна – переспать. Конечно, сказал я, мужчины очень

боятся спать в одиночку. Тогда пусть спят все вместе, сказала Карина. Это мне не понравилось. И чтобы как-то выделиться из мужской фауны, я принялся читать свои стихи. Которые написал еще в детстве одной девочке. Мои эмпирические чувства понравились Карине. Она разрешила мне выпить пива. Пиво было теплое, Карина холодная – я расстроился и зарыдал. Что я одинок, что у меня нет совести и даже маленькой морской свинки. Помнится, что особенно меня огорчало отсутствие свинки. Даже маленькой свинки, всхлипывал я и показывал на пальцах – какого размера должна быть у меня морская свинка. Карина положила мою голову к себе на колени и гладила и перебирала руками пряди моих волос. Я тоже гладил – колени Карины. Через некоторое время Карина сказала, что у меня действительно нет совести и что она сейчас пойдет в ванную комнату. Тогда я моментально успокоился и рассказал Карине, какое полотенце мое, а какое свежее. Вскоре Карина выключила в комнате свет, и я почувствовал Карину под своим одеялом. Дальше ничего не помню. Утром я проснулся под своим одеялом, но без Карины. Это было весьма кстати, потому что меня мучили головная боль и память. О маленькой свинке, должно быть. Карина позвонила мне в тот же вечер, но я прикинулся автоответчиком и посоветовал поговорить со мною после длинного гудка. Этот гудок продолжался полгода, покуда я вдруг не выяснил, что на главную роль как нельзя лучше подходит Карина. Но... Как свинка я, безусловно, прогрессирувал.

Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Интерьер

Сцена девятая

Синий силуэт, намалеванный у меня на полу, пополняется. С тех пор как мы переехали в «Диоген», пришло еще четыре конверта. Разная дребедень: колено, еще одна кисть, подбородок и плечико. Я перестал ломать голову – кто развлекается подобным образом. Теперь меня больше беспокоит, что в какой-то момент фотографии вдруг перестанут приходить и портрет синей женщины останется в незавершенном состоянии. А я только-только нащупал интригу. Время от времени я раскладываю свою коллекцию по силуэту, и эта игра стимулирует мое воображение лучше текилы. Горничная старается не повредить мой рисунок своей мокрой тряпкой. Что она каждый раз думает, наводя порядок у меня в номере? Валерия не одобряет мой роман с синей женщиной. Но ведь и Клавдио развлекается как может.

Крит. Отель «Диоген». Моя натура

Сцена десятая

Без четверти пять по местному времени я и Валерия распрощались с киногруппой у отеля «Диоген». Через пятнадцать минут мы были в постели. Валерия сорвала с меня одежду, как будто одежда держалась на одном крючке. Я даже не успел заметить, когда разделась сама Валерия. Как только закрылась дверь.

Одинокая пушинка, летающая в пылесосе. Это мои ощущения. Я не обладал Валерией. На этот раз со мной вытворяли что-то непонятное. В разных позах и неоднократно. Я не чувствовал Валерии, а только свои эмоции. Я танцевал вальс «Прощай, сознание» с женщиной-невидимкой. Меня вели и направляли так естественно, что казалось – я кружусь самостоятельно. Сексуальный контакт с тенью, когда тень повторяет все изгибы твоего тела, воздействует одновременно на все твои органы, а ты даже не слышишь ее дыхания. Это необъяснимо, но у меня было полное чувство, что... я занимаюсь любовью сам с собой. Настолько профессионально меня разложили. В таком подвешенном состоянии я находился ровно три часа. Как молекула в космосе. Без перерыва на обед. До момента, когда пылесос решил, что теперь я абсолютно чистое помещение. Изнутри и снаружи. Только тогда Валерия успокоилась.

Но все-таки я успел заметить кое-что новое. Точка зрения на женщину меняется в зависимости от позы. Правильно? Так вот, Валерия оказалась натуральной блондинкой. Только такой болван, как я, не смог сразу же во всем разобраться. Мальчики, если хотите узнать, какой масти ваша подружка, лучшая точка зрения – № 69. Днем. Потому что современные краски для волос могут ввести в заблуждение кого угодно...

Крит. Отель «Диоген». Номер карины. Интерьер

Сцена одиннадцатая

Карина взяла на спицах. Я уставился на нее с неподдельным изумлением. До того было странно видеть, как в сорокаградусную жару вяжут шерстяные вещи. В моем представлении, нужно делать это зимой, у камина.

– Зимой этот свитер я буду носить, – сказала Карина. – А вязать его надо летом. Что случилось? Зачем пришел?

Мне надо было позвонить в Прагу. Из своего номера я сделать этого не мог по одной простой причине... Я хотел позвонить Агриппине и спросить что-нибудь о Валерии. Безразлично – что именно.

– Привет! – сказал я, когда услышал в трубке кон тральто Агриппины.

– Ты весь в бабах, – пробурчала за моей спиной Карина.

Я только отмахнулся, а надо было поразмыслить – каким образом Карина догадалась, что я звоню женщине.

– Что случилось? – спросила Агриппина.

– Ничего не случилось, – отвечал я.

Карина зафыркала, изображая саркастический смех. Все как сговорились – «что случилось, что случилось?». Я разозлился.

– Ты хорошо знаешь Валерию? – Вы бы слышали мою интонацию. Я даже приготовился захихикать как ехидна. Мол, как тебе мой вопросик? Лесбиянка! Об этом ты умолчала на страницах нашей тетради. Но Агриппина ничуть не смутилась.

– Вообще не знаю, – отвечала Агриппина. – Никакой Валерии я не знаю.

Вот это новость!

– Что случилось? Алло?! Алло?! – шпарила Агриппина на том конце провода. – Говори быстрее, потому что я уезжаю. Уже такси у подъезда. Мой оболтус плюется в меня зубной пастой...

– Куда уезжаешь? – оторопело спросил я.

Хотя сообразил, что есть прелестный загородный домик у Агриппины. Возле озера. Агриппина вывозит своего сынка на природу. Чтоб он сдох, негодяй проклятый. Великовозрастный недоносок! Наверное, без него все могло бы повернуться иначе...

– Куда-куда, – передразнила меня Агриппина. – Все туда же! До осени. А ты где пропадаешь?

– Я тебе перезвоню. – Я решил не вдаваться в подробности своей театральной жизни.

– Перезвони, – разрешила Агриппина. – Ты еще слышишь меня, подлец? В ближайшее воскресенье я буду в Праге. Оставлю сына на пару дней и приеду. Ты слышишь меня? Можем встретиться...

– До свидания, – сказал я и повесил трубку.

На некоторое время в номере у Карины воцарилась отвратительная тишина. Карина продолжала вязать, я переваривал телефонный разговор и наблюдал за Кариной. Внезапно Карина отложила в сторону спицы и взяла из вазы гроздь винограда.

– С вами надо – вот так! – сказала Карина и раздавила в руке виноградную гроздь.

Я видел, как сквозь пальцы вытекает бурый виноградный сок.

– Иначе вы ничего не понимаете, – добавила Карина.

Почему же – не понимаем? Я все понял. Что Агриппина знать не знала никакой Валерии. В этом можно было не сомневаться.

Крит. Отель «Диоген». Номер Александра

Сцена двенадцатая

У Александра роман с Лолой. Надо видеть, как она вокруг него обвивается. Когда я зашел к Александру в номер, он давил пальцами на кнопки калькулятора, а Лола высовывалась из-под манжета его рубашки. И наблюдала.

– Не двигайся, – сказал я Александру. – Ради бога, не двигайся.

С ума сойти можно! И как это человек не замечает, что по его телу ползают гадюки?

– Сейчас я возьму нож и избавлю тебя от этой твари, – добавил я.

– Не надо, – сказал Александр и спрятал Лолу под манжет. – Лола не ядовита. Лола – ужик. Я ошибался насчет Лолы.

Еще одно великое прозрение. Сколько же можно нас обманывать? Или мы обманываемся сами?

– Ты уверен? – спросил я.

– Абсолютно, – отвечал Александр. – Я показывал Лолу ветеринару. Она молодая и здоровая – уж. Даже не беременная. Мне надо было давно взглянуть на ее документы.

А вот это мысль! Я пожелал влюбленному Александру счастья в личной жизни и развернулся на выход.

– Ты куда? – спросил Александр.

– За Валерией, – ответил я. – Через полчаса мы выезжаем на съемки.

Прага. Возможная реальность.

Интерьер

Сцена тринадцатая

Третий раз ко мне стучится размалеванная Смерть.

– Кто там? – спрашиваю я, разглядывая странную даму сквозь дверной глазок.

– Свои, – отвечает Смерть простуженным голосом и чихает.

– А что, звонка нет? – возмущаюсь я. – Обязательно надо барабанить как сумасшедшая?

– Мне положено стучать, – оправдывается Смерть. – Все кулаки отбила, предупреждаячи, – жалуется она и снова чихает.

Нагло врет. Совсем недавно Смерть просвистела в сантиметре от меня на розовом «ягуаре». И даже рукой не помахала. Надралась, видимо, с утра пораньше. Пьянь безмозглая. Интересно, в каком отделении полиции ей выдали автомобильные права?

– У тебя грипп? – спрашиваю я, потому что Смерть путается в соплях, как школьник в подтяжках.

– Легкая простуда, – лукавит Смерть. – Вчера с утопленником подо льдом возилась, а погода – сам знаешь какая. Не лето. Мы так и будем разговаривать через дверь или ты все-таки меняпустишь? Чаем угостишь...

Все ясно – у нее грипп. Что же ты дома не сидишь, болезная? Заразу по квартирам разносишь. Ого! Она и косу притащила! За спиной прячет.

– Знаешь чего, – мне безусловно не хотелось впускать гриппозную Смерть, – я тебе не доктор Фауст. В шахматы играть не умею...

– Как ты мне надоел, – стонет Смерть. – Надоел хуже смерти. Банальный, трусливый, неоригинальный, никчемный, бесталанный...

– Хватит собачиться – заходи.

– ...стереотипный, бестолковый, глупый человек, – закончила Смерть, переступая через порог моей квартиры. – У тебя даже вешалки

для зонтиков нет, – огляделась она и поставила косу в угол. – Где можно вымыть руки?

Я проводил ее в ванную комнату. Смерть выглядела как уставшая от жизни женщина. То ли блондинка, то ли брюнетка.

– Что у тебя с лицом? – спросил я, подавая Смерти чистое полотенце.

– Маскировочная краска для десантников, – нехотя отвечала она, переминаясь с ноги на ногу. – Может быть, оставишь меня на минутку в покое?

И все-таки Смерть – это женщина. И очень даже хорошенькая. Наверное, маскировочная краска испортила первое впечатление. Или страх. Когда после ванной она зашла в комнату, я сразу же отметил, что Смерть моя недурна собой. Правда, легче от этого ничуть не становится. Мода на том свете со времен доктора Фауста изменилась в лучшую сторону. На Смерти была короткая юбка, облегающий тело свитерок.

– Ты, как всегда, обращаешь внимание на второстепенные детали, – сказала Смерть и плюхнулась рядом со мною на диван. – Кто в юбке, что под юбкой. – Она явно учила меня жизни. – Ты по-прежнему куришь трубку, пьешь текилу и любишь всех подряд?

– Это надо расценивать как предложение? – спросил я.

– Это надо расценивать как вопрос – нету ли у тебя сигаретки и граммов двести лечебного бальзама?

У меня случайно оказалось и то и другое. Мы выпили со Смертью по рюмочке и закурили. Кого же она мне напоминает?

– Всех твоих женщин одновременно, – рассмеялась Смерть.

Щечки у нее раскраснелись, глаза блестели. Тогда я рассказал Смерти один не совсем приличный анекдот и как бы случайно положил руку ей на колено. Кстати, никакой могильной сырости я не почувствовал. А только теплоту и покой.

– Ты неисправим, – заметила Смерть в ответ на мои ухаживания. – Только сегодня ничего не получится. – И убрала мою руку со своего колена.

Я сделал вид, что обиделся. А может быть, обиделся по-настоящему.

– Какой ты глупый, – улыбнулась Смерть. – Ведь могут быть у женщины временные трудности? Вдобавок уж лучше пройдемся по

девочкам. СПИД, сифилис – я тебе гарантирую. Вот только отдохну немного...

Впервые я слышал от женщины разумное предложение.

– Ты самая оригинальная Смерть.

– Спасибо, конечно, за комплимент, – ответила она. – Только я разная и всегда одинаковая. Один идиот занимался любовью на подоконнике с замужней женщиной. Упали в голом виде с десятого этажа. Я едва успела подбежать, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Это оригинально?

– Да уж лучше, чем подохнуть от гриппа, – сказал я. – Кстати, как твое здоровье?

– Передумала, – ответила Смерть. – Наверняка ты обидишься, если просто умрешь от инфекции. Я тебя досконально изучила.

А ведь она права. «Никто из женщин не знал меня лучше Смерти». Эпиграф для любого мужчины.

– Не расстраивайся, – сказала Смерть. – Жди. Я что-нибудь придумаю.

Мы просидели довольно долго. Глупо хихикали, как двое влюбленных. Пили текилу, бальзам и кофе. Мне было жутко весело беседовать со Смертью. Она знала немало забавных случаев. Помнится, после четвертой рюмки мы даже включили магнитофон и плясали до упаду. Мои соседи, разбуженные весельем, постучали осторожно в стеночку, но Смерть посмотрела лукаво сквозь стеночку, и они затихли. Мы разошлись далеко за полночь. В тот вечер на земле никто не умирал. Я рад этому.

Крит. Развалины древнего лабиринта. Натура

Сцена четырнадцатая

«Легенда об ужасном Минотавре родилась на Крите. В доисторические времена правил на острове могущественный царь Минос. И была у него жена по имени Пасифая. Необычная страсть овладела сердцем этой женщины. Влюбилась Пасифая в белого быка, и не было покоя ее душе. Тогда хитроумный строитель Дедал, которому открыла Пасифая свою безумную тайну, изготовил для царицы деревянную телку, пустотелую. Забралась в деревянную телку влюбленная Пасифая, подошел белый бык и обладал Пасифаей. Таким образом царица удовлетворила свою страсть. Через определенное время у Пасифаи родился ребенок, Минотавр, – чудовище с бычьей головой и человеческим телом. Чтобы скрыть позор Пасифаи, построил царь Минос дворец, Лабиринт, со сложнейшими переходами, в самом центре которого поселился Минотавр. Никто не мог выбраться из обиталища Минотавра. Мерзкое чудовище настигало людей, заблудившихся в Лабиринте, и пожирало. И только Тесей отыскал Минотавра в таинственном Лабиринте и отрубил придурку его бычью голову. Влюбленная Ариадна подарила герою волшебную нить, благодаря которой...»

– ...Все тайное становится явным, а все явное – тайным, – закончила Карина.

Я отложил в сторону книгу «Мифы Древней Греции», которую читал вслух, для общей, между прочим, эрудиции, и выгнал Карину со съемочной площадки.

С директором музея Александр договорился заблаговременно. Ранним утром мы приехали в местечко под названием Кносс, чтобы снять на пленку развалины древнего Лабиринта. Без туристов и экскурсий. Не помню, сколько метров пленки мы израсходовали, но я остался весьма доволен. Чудесная кинематографическая страна для

натурных съемок. На небе ни тучки. Освещение ровное, как в павильоне. Мы управились за три с половиной часа.

Изгнанница Карина с независимым видом вязала свой свитер в микроавтобусе. Клубок ниток подпрыгивал и разматывался у нее на коленях.

– А ты не могла бы загорать где-нибудь на пляже? – спросил я у Карины.

– Извини, – пробурчала в ответ Карина. – Но ведь я смеялась, а не рыдала.

Не знаю, как там у великих мастеров кинематографа, но у меня на съемках царят безобразие и разгул. Крики, хохот, суета и адюльтер режиссера. Только рыданий не хватает. Красиво и романтично пишут о кино всякие беллетристы. На самом же деле съемки фильма – сплошная и нудная круговерть. Даже говорить об этом не хочется. А хочется взглянуть на паспорт Валерии. Потрогать обложку, понюхать въездную визу, посмотреть на фотографию. С какого года она вдруг брюнетка? Наверное, у меня развивается тяга к бюрократическому реализму. Очень нехарактерно для моего творчества.

Крит. Бар Корнелия. Дамский покер. Игра

Сцена пятнадцатая

Ночной Крит дышит прерывисто. «Выдох» – на побережье появился подвыпивший прохожий, «вздох» – и нет его. От этого становится немного прохладнее. Мне нравилось гулять с Валерией по ночному Криту. За две тысячи лет действительность слегка изменилась: к острову причаливают другие корабли, и Валерия несколько раз сбросила кожу. Но только и всего...

Во втором часу ночи мы с Валерией возвращались к себе в отель. Как оказалось, «разгуляй» на Крите преследовал всю нашу творческую группу. Например, из бара Корнелия вышел Виктор, кинооператор, покачался на тротуаре для порядка, запутался в мыслях и упал. Вниз объективом.

– Выпить хотите? – спросил у нас Виктор, не поднимаясь.

– Не очень, – ответила Валерия и перевернула Виктора на спину.

– Тогда угощайте, – потребовал Виктор, разглядывая бездонное небо у себя над головой.

Тогда мы подняли Виктора с тротуара и втроем заглянули к Корнелию в бар.

– Здрасьте! – обиделся Корнелий. – Я ведь недавно его выводил!

Вероятно, Корнелий выгуливал Виктора, как собаку, чтобы тот проветривался время от времени. Но мы усадили Виктора к стеночке и приперли тело оператора стулом. Корнелий нацедил всем по кружке пива, а Виктору – стакан содовой.

– Меня от нее тошнит! – предупредил Виктор.

– Только этого не хватало, – пробурчал Корнелий и плеснул Виктору немного джина.

Других посетителей в этот час у Корнелия не было.

– В дамский покер играть умеешь? – спросила Валерия у Виктора.

– Научусь, – пообещал Виктор.

Мне нравится этот парень – он ни черта не боится. Валерия достала из сумочки маникюрные ножницы и положила их на стол.

– Это еще зачем? – спросили одновременно Виктор и наблюдающий за нами Корнелий.

– Фишки ставить, – пояснила Валерия.

Виктор пожал плечами, а Корнелий перебросил нам из-за стойки колоду карт. Валерия профессионально раскинула карты на троих – меня, себя и Виктора – и предложила мужчинам «ставить фишки». Я играл с Валерией в разные забавы, поэтому молча взял со стола ножницы и срезал верхнюю пуговицу со своей рубашки. Виктор последовал моему примеру и выжидательно посмотрел на Валерию.

– Покер дамский! – пояснила Валерия для дураков. – У меня молния! Вжик, вжик! – добавила она и мгновенно расстегнула молнию на кофточке, и мгновенно ее застегнула.

Беглое видение ослепило Виктора, как фотовспышка. Он расслабился и отодрал от себя лишнюю пуговицу:

– Удваиваю!

– Отвечаю! – согласился я.

– Иду ва-банк! – сообщила нам решительная Валерия.

– Это как? – не понял Виктор.

– Сделаю вжик до пупка, – заявила Валерия.

Виктор принялся обрывать остальные пуговицы, я не торопился. Я догадывался, что последует дальше...

– И на брюках тоже, – пояснила Валерия специально для Виктора.

Либо ты пей, либо играй с дамами – закон природы. Виктор не учился в женском колледже и поэтому удалил на себе пуговицы повсеместно. Полная развязка.

– У меня – три восьмерки. – Валерия положила карты на стол.

– У меня – два туза, – поведал я.

– У меня – «стрит»!!! – заорал Виктор и пояснил: – Улица!

А мог бы не пояснять, пьяница несчастный.

– Ты выиграл! Your victory! – поздравила Виктора любезная Валерия и придвинула к нему все его пуговицы. – Нам пора...

Виктор, раскрыв от удивления рот, наблюдал, как мы направляемся к выходу из бара. Он хотел было шагнуть за нами, но вынужден был попридержать штаны. Без пуговиц они с Виктора

просто сваливались. Его же, дурака, предупреждали, что покер подлый, дамский.

– Ребята, ведь вы не бросите его здесь в таком виде? – взмолился Корнелий.

– Почему нет? – пожала плечами безжалостная Валерия.

– Да ведь мне же придется ему пуговицы пришивать! – вопил Корнелий нам вдогонку. – Он сам не в состоянии!

– Пусть лучше сидит здесь до утра, – добавила Валерия, – чем шляется по «стритам» и пьет.

Она помахала Корнелию ручкой, и мы удалились с чувством выполненного гражданского долга.

Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Телефон

Сцена шестнадцатая

– Я знаю, что Валерия где-то рядом, поэтому не задавай вопросов...

Телефонный звонок прозвучал совсем некстати. Обнаженная Валерия поджидала меня на кровати, лаская подушку за неимением ничего лучшего. А я топтался голый с телефонной трубкой в руке, и этот танец современного папуаса, вероятно, забавлял Валерию.

– Нам надо встретиться. – Голос был женский, обволакивающий, я вслушивался и терялся в догадках.

Валерия уложила подушку между своими коленями, приглашая меня туда же.

– Кто это? – У меня совсем не было времени на дурацкие разговоры с незнакомыми женщинами.

Я наблюдал, что вытворяет Валерия, и больше меня ничего не интересовало. Надо отключать телефон. Валерия обхватила подушку ногами, изогнулась и зажала уголок наволочки в зубах. Раздался треск наволочки и легкий стон Валерии. Ну совсем некстати этот телефонный звонок.

– Я – друг, – прошептали мне на ухо. – Валерия очень опасна. Приходи завтра...

Нас разъединила Валерия. Она просто потянула телефонный провод на себя и вырвала его из розетки.

– Надоели, – сказала Валерия. – Кто звонил?

Я пожал плечами и бросил на телефонный аппарат никому не нужную теперь трубку.

– Какая-то женщина, – ответил я Валерии. – Предупреждала, что ты опасна...

– Разумеется, – подтвердила Валерия. – Иди-ка сюда...

Неизвестная мне женщина была права. При виде Валерии мужчины должны разбежаться кто куда, прикрывая руками свои

срамные части. Иначе эти части попадут в лапки к Валерии, а там...
Бог мой, иногда с Валерией не понимаешь, где это именно – «там».

Крит. Отель «Диоген». Мой номер. Интерьер

Сцена семнадцатая

Ночью я проснулся оттого, что Валерии нет рядом. И действительно, по ее половине постели разгуливал лунный свет. Я заметил, что дверь на лоджию была приоткрыта и слабый ветерок время от времени шевелился в портьере, как будто заглядывал в комнату и не решался войти.

– Валерия, – тихо позвал я, да только портьера в ответ шевельнулась чуть сильнее.

Мне показалось вдруг, что Валерия ушла, исчезла из моей жизни, как веселое лето. Мне грустно, но это неизбежно. И можно теребить воспоминания, желать неизвестно чего, но все равно, друзья мои, лето не вернется раньше чем через год. Закон природы. Каким оно будет – следующее лето?..

Я поднялся, достал из холодильника бутылку минеральной воды, подумал и поменял ее на бутылку пива. Щелкнул открывашкой и вышел на лоджию.

– Большое спасибо, – сказала Валерия и отобрала у меня бутылочку пива.

– Всегда пожалуйста, – пробурчал я и отправился обратно за другой бутылочкой.

Конечно, я удивился, когда обнаружил Валерию на лоджии, и даже вздрогнул от неожиданности. Валерия была в черных джинсах и черной спортивной куртке. А если учесть, что она брюнетка, – тут есть от чего вздрогнуть.

– Я тебя не испугала? – спросила Валерия, когда мы, как два голубка, устроились рядом на лоджии – пить пиво.

– Ничуть, – ответил я и поежился от ночной прохлады. – Тебя что-нибудь беспокоит?

– Только необходимость быть женщиной, – промолвила Валерия. – И всегда – только женщиной.

У меня не было желания состязаться с ней в остроумии. Я и сам иногда просыпаюсь среди ночи, завтракаю и ложусь обратно в постель. И ничего вразумительного при этом не говорю.

– Как ты смотришь на любовь под душем? – спросила у меня Валерия.

– Как на средство от бессонницы, – ответил я.

– Значит, у нас взаимность, – сказала Валерия.

Само собой разумеется. Только не было Валерии на лоджии за минуту до того, как я вышел. Она спустилась на лоджию по пожарной лестнице с крыши. Бесшумно, словно кошка. Впрочем, даже кошки отбрасывают тень. Светила полная греческая луна, но никакой тени Валерия не отбрасывала. Иначе я бы заметил...

Валерия...

*Темноволосых любить белокурая мне запретила.
Возненавижу... Ах нет, их буду любить против воли.*

*Античная надпись на стене дома
в Помпеях*

Меня обнаружила соседка. Она спустилась к почтовым ящикам, а я все еще валялась на первом этаже без сознания. Агриппина обошлась со мною точно так же, как я поступила с ее сыном. Безжалостно и без сожаления. Сознание ко мне вернулось в машине скорой помощи. Никаких провалов в памяти. Я прекрасно все помнила – каким образом избивала меня эта женщина, по какой причине и по какому месту она в особенности метила. Только настоящего имени этой женщины я не знала. В тот момент ее звали просто – «Острая боль».

Первым делом, еще в машине, я попросила у врача зеркало. Наверное, так поступают все женщины на свете. Мне было крайне необходимо как можно скорее взглянуть на себя, чтобы оценить нанесенный урон. Доктор о чем-то спрашивал, но я твердила в ответ только одно слово: «Зеркало, зеркало, зеркало, зеркало». Наконец медицинская сестра поняла, что ничего другого от меня не добьешься. Она поднесла к моим глазам зеркало. Обыкновенное карманное зеркальце четырехугольной формы. Мне было достаточно беглого взгляда – я отвернулась и заплакала. Со мною обошлись как с распоследней потаскухой. Вообще-то я не отличаюсь плаксивостью, но Агриппина постаралась...

На следующее утро ко мне в палату вломился полицейский инспектор. Пробежался из угла в угол и принялся демонстрировать, какой он умный. «Тебя, моя девочка, не ограбили, не изнасиловали, – рассуждал полицейский. – Я могу предположить, что произошло. Тебя избил любовник. Как его зовут?» Я лежала на больничной кровати, как синяя раздавленная слива. Мужчины в этот момент меня совершенно не интересовали, особенно полицейские. «Его зовут Брошенка», – сказала я. Полицейский замер посреди палаты и уставился на меня в оба глаза. Да будь у него хоть четыре глаза – только не надо меня

разглядывать, когда я валяюсь вся перебинтованная, как мумия. «Не кривляйся, девочка, – предложил полицейский, как его, инспектор. – Я упакую этого мерзавца года на четыре. – Он достал из кармана толстый блокнот и постучал по нему пальцем. – Эта книжечка – как раз для мерзавцев». «Записывайте... – согласилась я, – раз такой случай... – И глубоко вздохнула: – Зигмунд, Вацлав, Карел, Рудольф, Йозеф... А листочков на всех мерзавцев хватит?» Мне было все равно, что полицейский подумает. Лишь бы оставил меня в покое. Он действительно упрятал блокнот обратно в карман и процедил сквозь зубы: «Ну-ну». Я не возражала: «Ну-ну» или «На-на» – вполне подходящее имя для потаскухи, но вмешивать в это дело полицию я не собиралась. Агриппина ведь тоже об этом подумала. Что поставить на место такую мразь, как я, можно без посторонней помощи.

Жила-была маленькая ящерица. Веселая ящерица с голубыми глазами. Грелась она на солнышке, играла с подругами и радовалась жизни. Однажды из любопытства заползла ящерица в неподходящее место. И за это веселой ящерице прищемили хвостик. Модельной туфелькой. Погрустнела ящерица и запищала: «Больно, больно, больно, больно!» Очень жаль было собственный хвостик, такой красивый и аккуратный. «Больно, больно, больно, больно!» Но никто не пожалел маленькую ящерицу, и уползла она под камни без хвостика. Банальная история. Тут бы сказке и конец, а кто слушал – молодец. Но дальше происходили совершенно невероятные события. Маленькая ящерица стала расти в собственных глазах. Росла-росла и превратилась в динозавра. А потом пошла и растоптала модельную туфельку вместе с хозяйкой. Хотите верьте, хотите – нет...

Кики...

Когда я увидела Валерию в больнице, то едва удержалась от слез. Или не удержалась? Валерии сломали нос, рассекли бровь. Сотрясение мозга, многочисленные кровоподтеки по всему телу и прочие «прелести», о которых мне поведал ее лечащий врач. Сломанное ребро, разрыв тканей в паховой области... Валерию изуродовал какой-то маньяк, судя по характеру повреждений. Возле палаты меня остановил полицейский. «Убедите ее рассказать обо всем, что

случилось». Легавый неодобрительно посмотрел на меня. Взаимно, дорогой. С законом у меня полный порядок, но легавых я все равно не люблю. Когда я вижу полицейского, меня подмывает что-нибудь непременно нарушить. И в церкви лезут в голову самые непристойные мысли. С раннего детства я только и делаю то, что запрещается. Мне нельзя брать в руки Библию, иначе я могу натворить такого, что черти с испугу разбегутся. Валерия, наоборот, вроде бы мирно уживается со своими чертями. Когда ей понадобится, Валерия выпускает чертика из коробочки и запускает туда ангела. Одна я, и без дьявола в голове, и без ангелов в кармане, болтаюсь между людьми, как «стратосрат» в небе. Я уверена: прикажите всем женщинам развратничать – я уйду в монастырь и буду самой примерной послушницей. Кстати, я не называю Валерию по имени, и она меня тоже. Ведь «Валерию» и «Кики» мы придумали назло всем. Год назад, в октябре, мы стояли возле дождливого окна и смотрели на улицу. Тоскливые капли чертили по стеклу морщинистые линии. «Меня теперь зовут Кики», – сказала я. «А меня – Валерия», – сказала она. И сразу все неприятности стали чужими. Вы можете думать обо мне все что угодно, а я бабочка лесная – бархатные крылышки, золотые усики. По имени Кики. Так мне нравится. Может быть, в семьдесят лет меня назовут иначе. «Куку-из-сумасшедшего-дома». Но в двадцать пять извольте называть меня Кики. Или можете мастурбировать в другом месте. Поэтому я не спрашивала, почему вдруг она – Валерия. И не буду спрашивать лет до семидесяти. А полицейского интересовало, кого из любовников Валерии я знаю. «Видела многих, – отвечала я. – Но опознать могу человек восемь. Если разденутся, конечно». Вот тогда полицейский и посмотрел на меня неодобрительно. «Вы что, из инкубатора?» – спросил он. Нет, дорогой, мы из-под курочек. Но когда столько лет вместе, то поневоле будешь слегка подражать друг другу. Полицейский пробурчал что-то и отстал.

Я любила Валерию. Господи, ну конечно же я с нею спала, если вас это интересует. Когда надоедает играть в куклы, мы начинаем играть в подружек. Я любила Валерию, как темпераментная эгоистка. Как свою куклу Барби, которую можно наряжать и размалевать, словно папуаса. Построить для нее кукольный домик и жить рядом, наблюдая за этой сказочной жизнью в игрушечном мире. Барби уехала на Багамы! А я дожидалась, когда она вернется, представляя: вот Барби

ходит по пляжу, вот Барби обедает в шикарном ресторане, вот Барби повстречала своего Кена... Конечно, у каждой Барби должен быть свой симпатичный Кен – все как полагается. Но ведь это второстепенная кукла в жизни Барби, правда? Кен должен хорошо себя вести, сидеть на стульчике смирно и любоваться на красавицу Барби. Он должен катать Барби на автомобиле, дарить цветы, ухаживать за лошадками, прибираться в доме и делать все это как можно незаметнее, будто его и нет на самом деле. Кен вовсе не должен ходить на работу, потому что все сыплется на Барби с неба, и куколка моя ничуть не обязана какому-то Кену, а наоборот – это Кен обязан благодарить судьбу, что его поместили в один домик с Барби. Он должен ухаживать за Барби, раскрыв от изумления свой кукольный рот, иначе я откручу этому Кену его паршивую головенку и выброшу в мусорное ведро. Господи, вы знаете, сколько в магазине Кенов? Сколько в нормальном магазине Кенов, вы знаете? Море! И каждый должен хорошо усвоить, что сам по себе он никому в этой жизни не нужен, а только в наборе. «Барби-наездница» – с лошадкой. «Барби-путешественница» – с автомобилем. А «Барби-замужем» – с Кеном.

Через две недели Барби вернулась с Багамов! Загорелая как черт. Ах ты моя куколка. Я никогда не удивлялась, что у моей игрушечной Барби может быть своя самостоятельная жизнь. Я столько души в нее вложила, столько нарядов вытрясла из своих родителей! Я садилась на попку в магазине и требовала новые платья для Барби. Я говорила, что моей Барби негде жить, негде провести время прилично. Я давала своей Барби уроки английского языка, я учила ее играть на фортепьяно, я делилась с ней самым сокровенным. Я засыпала с Барби в обнимку, желала ей спокойной ночи и доброго утра. И когда однажды утром я обнаружила свою Барби в школе, за соседней партой, когда я увидела, что Барби показывает мне язык, что у нее ободраны коленки, я побежала быстренько домой и спрятала игрушечную куклу подальше с глаз долой. Моя Барби наконец-то ожила. С ней можно было о чем угодно посекретничать. И ничуть не странно, что я продолжала спать с нею в обнимку. Я даже спала с ее Кенами, чтобы почувствовать то, что чувствует моя Барби. Я не воровала у нее куклы, я просто брала какого-нибудь Кена, чтобы поиграть. «Ты его испортила», – говорила мне Барби, когда я возвращала Кена на место. «Ничуть, – отвечала я. – Видишь, и ручки на месте, и ножки на месте, и все остальное. Я

ничего ему не открутила». Барби придирчиво разглядывала своего Кена и пожимала плечами. «Ах, – говорила Барби, – он тоже мне надоел. Пусть уматывает, если ножки у него на месте». Что и говорить – второстепенные куклы эти Кены. С ними подчас как в товарном вагоне: всю ночь трясет, скотиной пахнет, и никакого удовольствия от путешествия. Только и чувствуешь, что тебе опять не туда заехали. Со временем я сказала Кенам «до свидания»! До свидания, Традиционный Способ Любви! Здравствуй, Валерия! Ты знаешь мое тело не хуже своего, ты Барби-блондинка, ты такая, что в случае полного разрушения моей внешности я покажу врачам твою фотографию – пускай восстанавливают, как на картинке. Но, боже мой, что с тобой сделали...

Клавдио...

От родителей мне досталась большая квартира в самом центре Праги. Палаточная улица, дом номер пять. Туда я привел молодую жену восемнадцать лет назад. Засохшие цветы в горшках были расставлены по подоконникам. После смерти моей матушки их никто не поливал. Такой вот гербарий. В первый же день моя жена притащила из магазина свежей земли и пересадила все цветы в доме. Она перепачкалась, как рудокоп, но старые горшки ожили, наполнились новым содержанием, и даже плющ моей матушки удалось сохранить. Со временем этот ядовито-зеленый плющ разросся и ползал по стене, как глист. Он то и дело пытался заглянуть в нашу спальню из-за двери, и мне иногда казалось, что это матушка с того света сует нос в мою жизнь. Поэтому, когда зеленый глист имел неосторожность высунуться больше, чем надо, я каждый раз мстительно обрубал его дверью. Свою матушку я не любил. Перед самой смертью она видела пару раз свою невестку и отошла с ненавистью к моему выбору. Матушка умерла, а молодая женщина заняла свободное пространство, которое матушка не могла унести за собою в могилу. Жизненное пространство принадлежит вечности. Ты просто подписываешь договор аренды, и... когда-то надо съезжать. Так и должно быть. Моя жена охала и подвизывала исковерканный обрубок плюща, чтобы он карабкался по стене в другую сторону. Но глист-

инвалид по-прежнему изгибался в сторону спальни, и в этом состояло упрямство моей матушки. Она хотела, чтобы я стал известным пианистом. Мы воевали до тридцати моих лет. В результате я стал никем. По собственному убеждению. Мы переехали в Прагу из Вены. Всякие политические события меня мало интересуют и только с одной точки зрения – можно ли жить в данной стране или нет. Когда стало можно, мы переехали. Корни моего отца глубоко уходили в чешскую почву, и он непременно мечтал умереть на родине предков. Что и случилось. Матушка из вредности пережила его на два года и продолжала изводить меня своими глупыми замечаниями, что «если бы ты стал пианистом и пошел по стопам отца, вот бы было как хорошо». Зачем об этом говорить, когда мне исполнилось в ту пору тридцать лет, а я пальцем еще не ударил по клавишам. В концертный рояль отца я складывал пустые пивные бутылки. Вот такая музыка. Ну да бог с ней, с матушкой. Отец оставил мне приличное состояние и хорошую библиотеку. Одни люди умеют зарабатывать деньги, другие тратить. Я отношу себя к третьей категории. Зарабатывать не хочу и трачу деньги понапрасну – на книги, пиво и женщин. Все утекает сквозь пальцы. Буквально. Достаточно только расстегнуть пальцами ширинку. В основном это касается пива и женщин, а книги – просто чужие мысли, которые никогда не будут твоими. Три выстрела в воздух. Пиво в унитазе, сперма в презервативе, книги на полках. Через девять месяцев жена произвела для меня сына. В нем было четыре килограмма материальной жизни. Даже четыре с хвостиком...

Валерия...

Мне пришлось сделать небольшую пластическую операцию. Поставить на место нос и слегка изменить его форму. Крупных изъянов на теле моем не осталось – все зажило как на собаке. Как на собаке... Еще никогда в жизни у меня не было такого количества зоологических претензий. Я чувствовала себя сукой, когда лежала в больнице, я продолжала считать себя кошачьим дерьмом, когда оттуда выписалась. Кики ожидала меня у входа с букетиком цветов, но я проскользнула, кажется, через морг и вышла из больницы с другой стороны. Поймала такси, приехала домой и поклялась больше никогда

не лежать в больнице, а сразу умереть. Дома первым делом я залезла под душ, терла себя мочалкой и рассказывала водопроводным краникам похабные анекдоты. Краники шипели и фыркали от удовольствия, но бурного веселья никак не получалось. Тогда я села верхом на самый длинный краник – так, что он торчал у меня между ног, и закричала: «Я мальчик, я мальчик! Смотрите, как я писаю!» Но вспомнила про Брошенку, и веселье совсем увяло. Тогда я выключила воду, завернулась в полотенце и сказала: «Все. Я оуклилась. Вы, дорогая, хотели, чтобы я стала личинкой. Я созрела. Пеняйте теперь на себя, дорогая». И погрозила пальчиком в зеркало, как будто Агриппина пряталась там и могла бы меня слышать. Но я ее предупредила. Агриппина должна была это почувствовать. Из зеркала на меня смотрела высокая блондинка с желтыми фингалами и тоже грозила мне пальчиком. Бледная поганка. Я решила это дело исправить. Чтобы всякие бледные поганки не грозили мне пальчиками...

Через некоторое время из больницы примчалась Кики. Она едва открыла рот, чтобы выплеснуть свое негодование по поводу моих фокусов, но я предупредила: «Извини, Кики! Мне просто хотелось побыть одной». И Кики не стала возражать. Умная девочка. В больнице она исправно меня навещала, таскала всякие фрукты и порнографические журналы, для смеха. Теперь Кики поставила букетик в вазу и быстренько приготовила поесть. «Кики, – сказала я, – мне нужна твоя машина, твоя косметика и адрес твоей парикмахерши. Если хочешь, поехали вместе...»

Кики...

Конечно, я согласилась. Стать Барби. «Я буду жить в игрушечном домике?» «Да, – подтвердила Валерия, – ты поселишься у меня. – Она подошла к окну и побарабанила по стеклу пальчиками. – Помнишь? Дождик, дождик, перестань...» Тоска, такая необъяснимая тоска, от которой нет спасения. Время депрессии... Обычно Валерия пропадала недели на две. В октябре и в марте. Я давно смирилась, что в такие периоды до Валерии не дозвониться, не достучаться. Мне было одиноко без Валерии. Но она сидела безвылазно в своей квартире, и одному богу известно, чем Валерия в это время жила и как питалась. Я

мучилась две недели, вероятно, не меньше, чем она. Гуляла по вечерам возле ее дома, ожидала, что вдруг зажжется свет и Валерия позовет меня из окна. Но шторы были плотно задернуты, дождь моросил, сеял и лил как из ведра... Валерия появлялась так же внезапно, как и пропадала. Хохотала и балагурила с удвоенной силой, как будто хотела наверстать что-то упущенное. Мы никогда не обсуждали ее исчезновения. Я полагала, что это запретная тема, туманная, как ночной кошмар, который подкрадывается к тебе в полудреме без предупреждения. Вначале Валерия вдруг вспоминала, что надо бы ей позвонить маме, и пугалась от этого больше, чем я, а потом пропадала на две недели... В последнюю депрессию Валерия попросила меня пожить у нее дома. Я с радостью согласилась, потому что хотела быть рядом с Валерией, помочь и утешить. Но все получилось совсем не так, как я себе представляла. Я не могла бы ее успокоить. Валерия пряталась целыми днями в своей комнате и не хотела никого видеть, ни меня, ни себя. Очень редко она выбегала на кухню, хватала какой-нибудь кусочек со сковородки, запивала водой и, как тень, ускользала обратно в комнату. Я не знала, как вывести Валерию из этого состояния, и гнетущая тоска окутала квартиру. Я чувствовала, как полнейшая апатия сковывает и меня все крепче и крепче, как медленно растекается по телу болотная депрессия. Валерия наполняла меня своим состоянием, как сообщающийся сосуд. Теперь мы обе передвигались как в тумане. Я чувствовала, что еще немного, и нас обеих увезут в психушку. Но однажды Валерия выползла наконец из своей комнаты, бледная как привидение. Пошатываясь, она подошла к окну в гостиной и побарабанила, как сейчас, пальчиками по стеклу. «Дождик, дождик, перестань», – прошептала Валерия. И мне стало легче. Я обняла одной рукой Валерию и сказала: «Меня теперь зовут Кики. Я бабочка лесная и дикая...» Мы долго еще стояли возле окна, но видели только мутную стеклянную перегородку между собой и остальным миром... И если Валерия хочет надеть теперь мои крылышки, то пусть надевает, а я стану Барби...

Клавдио...

Еще до рождения сына я увлекался античной историей и литературой. Длинные тихие вечера рядом с беременной женой превратили мою бурную холостяцкую жизнь в развалины. И я намеренно перелистывал страницы книги Эдуарда Гиббона «Упадок и крушение Римской империи»...

Иногда мы выходили с женой прогуляться, и в ее беременности не было для меня ничего интересного, равно как и в готической Праге. Не знаю уж, каким божественным светом озаряется лицо беременной женщины, но со стороны мы выглядели, должно быть, ужасно смешно: оба с выпирающими животами, оба идем, переваливаемся. Только я был совершенно бесплоден, как пустой бочонок из-под пива, а моя жена на восьмом месяце. От нечего делать я постоянно бубнил о Древнем Риме, и поначалу жену забавляли мои рассказы и фантазии. Как будто я патриций и мы гуляем по старой Аппиевой дороге, а не вокруг своего квартала. Как будто варвары вокруг, а не туристы. Как будто мы сейчас зайдём не в пивнушку, а в таверну, но жена тут говорила, что «не зайдём». А на девятом месяце она попросила меня перейти хотя бы к эпохе Возрождения, иначе опасалась родить какую-нибудь ростральную колонну, а не ребенка. Что я мог ей на это ответить? «Рожай тогда готический собор», – пробурчал я и еще больше углубился в историю древнего императорского рода.

Со своей женой я только и делал, что все время ждал. «У тебя месячные?» Вначале – свадьбы, потом – рождения ребенка, затем – когда ребенок подрастет. Мы беспрестанно ругались безо всякого повода, и я оправдывал ее сварливый характер каким-нибудь физиологическим состоянием женщины. Девственностью, беременностью и кормлением грудью. А надо было признать, что она попросту не любила меня, а я не любил ее. Мы поженились наперекор судьбе, которая стремилась развести нас по разным углам ринга и сказать «брек!». Мы преодолели разницу в возрасте, мы наплевали на несходство характеров. Мы не обратили внимания на противоположные цели в жизни. И все ради того, чтобы вцепиться друг в друга и мучиться изо дня в день. «У тебя дурное настроение – у тебя месячные». Я надеялся и ждал, что она переменится – когда станет женщиной, переменится вдруг – когда станет матерью, переменится в лучшую сторону – когда ребенок подрастет. А надо было поставить ее раком и дать под зад, как только ее увидел. И сразу

бы легче стало всем. Иногда мужчина просто обязан быть грубым, чтобы забить кривой гвоздь или выбросить его к чертовой матери.

Я читал свои античные книги, а она откровенно скучала, как водолаз, которому привязали неподъемный чемодан на брюхо и бросили в озеро. Время от времени я плевал на этого водолаза и уходил прощвырнуться по девочкам. В такие моменты жизнь возвращалась на круги своя. Я становился кем был – самогонным аппаратом. Пропускал через себя пиво и выливал в унитазы. Выработывал сперму и оставлял в презервативах. Перечитывал книги и выбрасывал мысли в пустоту. Я наслаждался процессом и всячески избегал результата, потому что не переношу критики. Я не стал музыкантом, чтобы не сравнивали меня с отцом; я не писал романов, чтобы не тыкали мне в морду Кафкой. Я терпеть не мог учиться из-за того, что мне ставили оценки. Я хотел бы находиться в процессе до самой смерти. Впрочем, мне в принципе наплевать, какие речи произнесут над моим телом на кладбище. Главное, чтобы при жизни своей не дать повода критикам что-нибудь вякнуть. Я в процессе, господа, я в процессе. Ввиду всего вышеизложенного рождение сына оказалось для меня ужасным результатом. Я не мог его видеть...

Кики...

Мы разложили перед собой иллюстрированные журналы, чтобы поглазеть и определиться. И листали, листали, листали... «Брови: прежде чем выщипывать волоски, очерти маскирующим карандашом желаемую форму. Веки: четких правил подбора теней для век не существует. Ресницы: чтобы загнуть ресницы, крась их от основания к концам. Губы: чтобы помада хорошо держалась, предварительно припудри губы». Вашу, и вашу, и вашу мать!.. Только начни, только начни, как советуют иллюстрированные журналы, – через полчаса превратишься в лысую дуру с загнутыми концами. «Эксперимент! Быстро отвернулась от зеркала, быстро повернулась обратно». Господи! «Все, что сразу бросается в глаза, – умри, подруга, и рисуй заново». О-е-е-е-ей!!!

Через некоторое время Валерия отпихнула журналы в сторону и заявила, что ей нравится именно мой цвет волос. И глаза... И

прическа... И макияж... И пошло-поехало! «Ну что же мы будем как две идиотки?» – спросила наконец Валерия. – Как две одинаковые идиотки?» – спросила она. И я согласилась. В этом нет никакой необходимости. Жить идиотками. Валерия станет брюнеткой, а я блондинкой. «Куколка Барби» и «бабочка Кики» – очень приятно познакомиться!

Мы ворвались в косметический салон, указывая друг на дружку пальцами, как белая и черная магия. Первые пять минут все думали, что нам требуется пересадить мозги из одной головы в другую. Но когда ситуация немножко прояснилась, нас усадили рядом и принялись над нами колдовать. Все приходилось менять радикально. Ведь немного странновато видеть блондинку с карими глазами или брюнетку – с голубыми. Обычно в дамских салонах не задают вопросов – «а за каким чертом вам это понадобилось?». У черта, собственно говоря, и спросите – зачем мы родились женщинами? Ну хотят подружки обменяться рожами, ну бога ради. Лишь бы знали, чего они в действительности хотят. А тут такая предусмотрительность... Мы держали в руках фотографии. Моментальные снимки, сделанные на фотокамере «Поляроид». «Валерия» – анфас и профиль, «Кики» – профиль и анфас. Все части лица, все подробности физиономии, все извилины души. Мастера стрижки и макияжа время от времени поглядывали на эти фотографии, и все получилось как нельзя лучше.

Мы хохотали до икоты, хохотали так, что у меня чуть линзы из глаз не выпали, голубенькие. Потом поцеловались и вышли из салона на улицу. Коварная брюнетка и жеманная блондинка. Новенькая Валерия вызывала у меня смешанные чувства. Как будто наблюдаешь за собой со стороны. Как будто целуешься со своим отражением в зеркале. Только губы у Валерии теплые и мягкие, а так – впечатление полное...

Валерия...

Блондинка Кики поселилась у меня дома. Она просыпалась и распахивала шторы на окнах. Сидя в кафе напротив, я наблюдала: вот Кики выходит на балкон, сладко потягивается и минуты две-три стоит

как напоказ. Потом она убежала обратно в комнату, а ветер на прощание заглядывал Кики под халатик, и ничего там не было. Брюнетка Валерия вынимала из пачки новую сигарету и задумчиво курила, продолжая наблюдать за домом, за улицей, за прохожими... В кафе очень скоро привыкли к моим ежедневным визитам. Одинокая, слегка загадочная дама, со своими собственными прибабахами. Я появлялась, как только снимали со столов стулья и хозяйка кафе переворачивала на дверях табличку «Open». Зябко поеживаясь, я благодарилась хозяйке за бокал красного горячего вина, обменивалась с нею ничего не значащими словами относительно погоды и дороговизны и садилась у окна. Листала журнал, потягивая вино, разгадывала кроссворды и поглядывала на улицу. Завтрак одинокой брюнетки – сюжет для импрессионистов. Скромный бутерброд с ветчиной сопровождал чашку кофе, как вдовец сопровождает взглядами темпераментную мулатку. Что думала обо мне хозяйка? Наверное, что у меня свои прибабасы, а у нее – свои.

Ежедневно в девять часов утра Кики открывала парадную дверь, перешагивала через порог и останавливалась на тротуаре. Куколка Барби. Она носила мои вещи, пользовалась моей косметикой. Что требуется женщине в этом городе? Немного шарма, немного тепла, бокал шампанского и немного косоглазия для шарма. «О-е-е-е-ей!» – как говорит Кики. На самом деле женщине много чего требуется. Чуть-чуть – в талии, чуть-чуть – в бедрах, чуть-чуть – в туфлях. Этого «чуть-чуть» всегда не хватает до совершенства. Особенно мне и Кики. Из-за этой «чуть-чуть» разницы Кики не сможет носить пару моих костюмчиков, но в основном наши вещи одного размера... Я видела, что Кики нетерпеливо пританцовывает на тротуаре, как породистая лошадка. Тогда я допивала свой бокал вина, прятала в сумочку журнал или газету и покидала насиженное место у окна в уютном кафе. И почему я раньше здесь не бывала? Кики отправлялась бродить по городу, я следовала за ней. Блондинка Кики приманивала Брошенку...

Я полагала, что Брошенка вскоре появится в поле зрения. Он придет, чтобы позлорадствовать, чтобы посмотреть, как я выгляжу и чувствую себя после больницы. Не приближаясь, Брошенка будет разглядывать меня откуда-нибудь с безопасного расстояния, не подозревая, что следит на этот раз за Кики. Которая живет в моей

квартире, носит мою одежду и теперь чертовски на меня похожа. Я смогу легко обнаружить Брошенку. Приходи, ублюдок, я жду.

И тогда Брошенка, сам того не желая, приведет меня к своей мамочке. Уж я хорошенько за ним прослежу, будьте уверены. Когда Брошенка налюбуется на Кики, он, ковыряясь в карманах, отправится обратно в свою берлогу. Брошенка не станет озираться и оглядываться. Ему и в голову не придет опасаться брюнетки, которая как тень будет следовать за ним по пятам. Всякие брюнетки Брошенку не интересуют. Им подавай чего поярче. Такая у них сексуальная ориентация. Как у светофора. «Брюнетка» – пропустите автомобильный транспорт, «шатенка» – приготовились, «блондинка» – полный ход! Вдобавок Брошенка будет уверен, что я нахожусь у себя дома, а не у него «на хвосте». И тогда Брошенка побежит, поскачет к своей мамуле, и я узнаю наконец, кто она такая и как ее зовут. Только ради этого я поднимаюсь ежедневно и бегу, как собака, на сторожевой пост. Только ради этого я живу в квартире у Кики. Только с этими мыслями я засыпаю, чтобы раз и навсегда избавиться от ощущения мерзости. Что требуется женщине? Немного шарма, немного тепла и немного самолюбия... Чтобы не чувствовать себя полным дерьмом. Пусть чувствует себя полным дерьмом другая женщина...

Клавдио...

Нашего единственного сына зовут Брют. Вообще-то, полностью его имя звучит Британик. Но жене такое имя никогда не нравилось. Как и мое увлечение античностью. «Ты рыжий, – говорила мне жена, – а сына я буду называть Брют. Как шампанское. И ты, Брют! Давай поговорим о чем-нибудь. Только не про древние какашки». Я не знал, о чем с ней разговаривать.

Она часами могла трепаться по телефону о разной всячине со своими подругами. Женщины напоминают мне счетчик Гейгера – чем ты ближе к нему приближаешься, тем громче он трещит. Они реагируют на мужика, как на атомную чуму. Вдобавок они не любят пиво. А в действительности все наоборот. Чума – это женщины, а пиво – продукт отменный. По правде говоря, я обожаю и то и другое. И пиво, и женщин. Только не люблю, когда пива меньше двух литров.

Бог создал всего по паре. «Пару сисек, пару ног, пару дырочек, где мог». Почему я должен пренебрегать симметрией Господней? Уж если пива – так пару кружек. Уж если женщин – то тоже две... «Тебе просто надо купить две резиновые куклы, – объяснила мне как-то раз жена, – и наполнить их пивом». И о чем с ней после этого разговаривать?

Британика я невлюбил, как только повстречался с ним в родильной палате. Это был рыжий результат моих развлечений с женой. «Результат» кривлялся и орал, из него моча лилась, как из пингвина. «Боже мой, – промолвил я, глядя на Британика, – боже мой! Неужели это все, на что я был способен?» Медицинская сестра, которая показала мне рыжий «сюпрайз», вероятно, повидала на своем акушерском веку немало удивленных отцов. «Это ваш», – подтвердила она, потрясая Британиком. «В том-то и дело», – согласился я. Никаких отцовских чувств в моей душе не зародилось при взгляде на «ржавчину» в тряпочке. Я был равнодушен, как отполированное железо. «А куда он смотрит?» – спросил я у медсестры. «Он смотрит на вас». Сестра непременно хотела вызвать у меня умиление. Но черта с два! «Его никто не любил», – как говорят адвокаты, выжимая из публики слезу. Верю. Но поделать ничего не могу. Я тоже шептал своей жене разные жалостные слова, а надо было попросту надевать презерватив. И зачем этой женщине понадобилось меня репродуцировать? Я же не картина Моне или Пикассо. Эх, слова, слова, словечки. За одну минуту на земле происходит свыше пятисот дефлораций, и не от хорошей жизни, а от прекрасных слов. Более тысячи прелюбодеяний за одну минуту совершают женщины, которым хочется послушать эти словечки еще раз. На здоровье: «Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю!» Надеюсь, вы полностью теперь удовлетворены? И самое главное – ничего у нас не родилось и не вякает. Читать романы и заниматься любовью надо молча, как онанизмом.

Конечно, я приехал и забрал свою жену и юного Британика из родильного дома. Не вечно же им там валяться? Британик занял мое место в спальне, рядом с женой, а я переселился в кабинет, поближе к книгам. Читать мне нравится одновременно романов десять. Я оставляю книгу в раскрытом виде и принимаюсь за другую. Через неделю в голове получается полный компот. Я с удовольствием отмечаю, что в мире творится порнография и неразбериха, и

принимаюсь за новые десять романов. Вы бы только видели, какие уроды рождаются между Фридрихом Ницше и Дафной дю Морье. И в какое место имеет Корнелий Тацит старушку Агагу Кристи. Мерзость, как подставляется Оскар Уайльд, как нахально извращается Джеймс Джойс с мировой литературой. Свальный грех, да и только. Еще пару слов о музыке... За первый месяц кабинетной жизни я прослушал все музыкальное наследие своего отца. Надевал по ночам наушники и наслаждался, покуда Британик орал по соседству. Отец нещадно издевался надо мной из могилы, почему зря ударяя по клавишам и пиликая на скрипке. Его «пиццикато», «перкуссии» и «каприччио» – глумление над природой звука. Между прочим, ему тоже следовало бы пользоваться противозачаточными средствами, тогда бы я не мучился так от своего рождения до самой смерти, а плавал бы в потоке семенной жидкости, как Вечный жид, как вечный сперматозоид, весело помахивая хвостиком. Мое рождение – игра половых гормонов, а я расплачивайся потом лет семьдесят за чужую похоть. Когда желают оправдать свою сексуальную неводержанность, то производят на свет дитяню, мол, вот, Господи, Твое подобие, хоть и раком получилось. Наверное, я богохульник, простите меня, грешника...

После рождения Британика я не пробовал возобновить с женой интимную связь. Она иногда заходила ко мне в кабинет поздними вечерами, когда Британик засыпал. Жена садилась верхом на мою античную литературу, разложенную на столе, я ужасно нервничал от этого, и у нас ничего не получалось. Она больше не будила мое воображение, меня по ночам будил Британик своими неэротичными воплями. Хотя рыжий наглец и требовал у моей жены грудь, но совсем по другому поводу. А я не мог больше к этой груди прикасаться. Грудь моей жены теперь функционально принадлежала другому мужчине. Так я думал. Постепенно образ женщины трансформировался в моем сознании. Прелести жены превратились в детородные. Я даже мысленно прекратил наведываться в ее пещеру, забыл магические слова «Сезам, откройся». Никаких сокровищ Али-Бабы в этой пещере не хранилось, оттуда могло появиться на свет только сорок разбойников. Это не записки сумасшедшего, а горестный итог моей сексуальной карьеры. Католическая церковь достаточно постаралась, чтобы образ матери, образ мадонны стал для меня неприкосновенным. Британик тоже внушал суеверные чувства. Как олицетворение культа,

которому я должен теперь поклоняться. Я дважды на всякий случай ощупал его голову, но никакого божественного нимба, как на картине Рафаэля, не обнаружил. И я поставил на обоих крест. И на Британике, и на своей жене.

Тут, вероятно, дьявол открыл для меня предохранительный клапан, иначе бы мне что-нибудь ударило в голову. Например, педофилология или некрофилолюбство. По счастью, мои фантазии обрушились на кротких лесбиянок. В бисексуальном исполнении. Меня стали забавлять лошадки, запряженные тройками. Один коренник и две пристяжные. Куда мчатся они, полные восторга? Этот вопрос прочно застрял у меня в голове. Я видел свою направляющую роль, я восхищался, и такая упряжка представлялась мне наиболее привлекательной. Какая неприятность, например, бегать паровозиком, как два вагончика. Пора поставить их в депо! Эх, птица-тройка!.. Словом, после рождения Британика я поехал...

Кики...

Я задавала Валерии этот вопрос... Почему она вдруг решила, что у Брошенки есть мать? Что именно мать Брошенки ходит в красных туфлях и направо-налево избивает девушек? Валерия рассмеялась. «Глупая ты, Кики, – сказала Валерия. – И шуточки у тебя глупые». «А может быть, это любовница, сестра, двоюродная тетя?» – продолжала перечислять я. Но Валерия отрицательно покачала головой. «Вот увидишь, – сказала она, – вот увидишь». По мне бы – пусть смотрит на это дело полиция. Ведь, собственно говоря, Валерия и пальцем никого не тронула. Зачем разыгрывать из себя двух пинкертонок? Но Валерия опять отрицательно покачала головой. «Сама-сама-сама-сама, – сказала Валерия. – Ведь мама не может за меня заступиться?» Это правда. Только бы Валерия опять не стала рассказывать, что ей непременно надо позвонить своей маме... Тогда мне захочется выбежать на улицу и выть на луну. Иногда Валерия специально так говорит, чтобы я разозлилась. Я злюсь...

Родители Валерии погибли в автомобильной катастрофе неподалеку от Праги. Глупое дорожное происшествие. Две человеческие жертвы. Или три? Если считать Валерию... «Сама-сама-

сама-сама». В неполных шестнадцать лет Валерия осталась одна. Просыпалась каждое утро в опустевшей квартире и делала вид, что в общем-то ничего не случилось – отец уехал на работу, а мама сейчас выйдет из ванной комнаты. «Я опаздываю!» – кричала Валерия и готовила завтрак на двоих. «Ты скоро?» – спрашивала Валерия, заглядывая в ванную комнату. Там было пусто. «Наконец-то, – говорила Валерия, – а куда подевалась моя зубная паста?» Видимо, мама ей что-то отвечала, во всяком случае Валерия продолжала беседовать подобным образом, и отношения между ними складывались самые теплые. Лучше, чем при жизни. Теперь Валерия рассказывала матери обо всем без утайки, делилась своими планами на будущее и обязательно предупреждала, что, должно быть, сегодня придет домой поздно. Когда я впервые после смерти ее родителей переночевала в этом дурдоме у Валерии, то долгое время ничего не могла понять. Валерия болтала без остановки, заполняя пустоту своими голосами. «Что-что?» – переспрашивала я. Валерия останавливалась на полуслове и глядела на меня, как на ребенка, который то и дело суется в неторопливую беседу взрослых людей. «Не обращай внимания, – бормотала Валерия, – я не с тобою разговариваю». Но кроме нас в квартире никого больше не было. Вероятно, что не было – для меня.

В шестнадцать лет чужие странности нам кажутся смешными, потому что не замечаешь своих. «Ну как там?» – спросили у меня дома, когда я вернулась от Валерии. И я рассказала родителям, что Валерия беспрестанно разговаривает со своей мамой. «Просто животики надорвешь, – добавила я, – животики надорвешь». Отец мой поднялся, надел куртку и хлопнул входной дверью. Я видела из окна, как он вышел на улицу, как остановился посреди тротуара под морозящим дождем да так и остался стоять с нераскуренной сигаретой во рту, глядя на проезжающие мимо машины. «Бывай у нее почаще», – сказала мне мама, и только тогда я поняла, насколько Валерия одинока, насколько одиноки мы все, если задуматься об этом по-настоящему...

Вскоре Валерия замолчала. Все недосказанное перетекло в область ее подсознания, а пустота заполнилась сама собой разными мелочами. Незримые собеседники оставили наконец Валерию. Она перестала готовить «для матери» второй завтрак, перестала задавать ей вопросы и ждать ответа. Они обо всем договорились. «Дверца»

закрылась, но время от времени Валерия продолжает до сих пор заглядывать в замочную скважину, когда сообщает, что надо бы ей позвонить маме... Как будто и в самом деле существует телефонная связь с потусторонним миром. Я подозреваю, что имеется в ее словах другой, потаенный от меня смысл – намек, усмешка, предостережение. Но это всего лишь мои ощущения и фантазии. Во всяком случае, Валерия прекрасно осознает, что никакой мамы у нее на этом свете нет...

Валерия...

И Брошенка пришел... Пришел Брошенка рано утром, едва я успела устроиться за своим столиком в кафе. От неожиданности я подавилась сигаретным дымом, закашлялась и опрокинула на скатерть бокал вина. «Что-нибудь не так?» – спросила у меня хозяйка заведения. «Теперь все хорошо, – ответила я и бросила сигарету в пепельницу, – теперь будет все хорошо», – вытащила из сумочки носовой платок и вытерла невольные слезы. Курение опасно для вашего здоровья, девочки и мальчики. Брошенка стоял на тротуаре спиной ко мне и нагло пялился на Кики, которая только-только вышла на балкон. Я ошибалась в одном – Брошенка нисколько не прятался. Он постоял еще немного, поковырялся в карманах, плюнул в сторону моего дома и не спеша побрел вниз по улице. Я выскочила из кафе как раз вовремя – Брошенка заворачивал в ближайший переулок. Почему-то я была уверена, что Брошенка не пользуется автотранспортом. И действительно, Брошенка передвигался по городу, как мышь в головке сыра – насквозь, по дырочкам. Он пользовался проходными дворами, как крот. Я слепо следовала за ним и слава богу, что Брошенка не оборачивался. Честно говоря, я и понятия не имела, что в Праге столько закоулков. В какой-то момент Брошенка взглянул на наручные часы и заторопился. Он вытащил руки из карманов и принялся размахивать ими, как веслами, ускоряя шаг. Я семенила за ним короткими перебежками, каждый раз останавливаясь, перед тем как повернуть за угол. Нежданно мы вынырнули на Староместской площади – Брошенка бодрым шагом поспешил к ратуше, возле которой уже топтались многочисленные туристы. Забравшись в самую

середину толпы, Брошенка уставился на астрономические часы в ожидании, когда они пробьют восемь утра и фигурка старухи смерти прозвонит в колокольчик. Туристы тоже собираются перед ратушей – поглазеть, как открываются над часами окошки и старинный механизм крутит вереницу апостолов. Напоследок кричит петушок, и все расходятся до следующего часа. Но на этот раз неожиданно прокукарекал Брошенка. Хрипло и издевательски. Очень довольный собой, он рассмеялся, засунул руки в карманы и отправился дальше. Возле «дома Кафки» Брошенка притормозил на мгновение и с наслаждением высморкался. Надо ли говорить, что прогулка моя получилась на редкость приятной? По следам Брошенки... Мы еще поныряли немного по закоулкам и наконец-то Брошенка окончательно прочистил свой нос возле дома – Палаточная улица, номер пять. Через минуту Брошенка исчез в подъезде – мне оставалось только ждать...

Кики...

Как обычно, я вышла из дома ровно в девять часов. Через пару кварталов я оглянулась, но Валерии за собой не обнаружила. У меня появилось предчувствие чего-то гадкого, как будто я кошку на машине переехала. Нисколько не скрываясь, я принялась озираться по сторонам, вернулась обратно к дому, зашла в кафе – Валерия как сгинула. Наверное, из меня получился плохой сыщик, но я наплевала на все инструкции и принялась бегать, как курица, взад-вперед по улице, растерянно хлопая руками. Поднялась в квартиру и принялась расхаживать из кухни в комнату, из комнаты в кухню... Часа через три, когда я стала подвывать от беспокойства, Валерия позвонила мне из телефона-автомата. Я прокляла ее, прокляла ее затеи и прокляла себя, дуру, что послушала Валерию и... «Помолчи секундочку, – сказала Валерия, – а лучше приезжай на угол Палаточной улицы и...» Я не дослушала, схватила ключи от машины и выбежала из квартиры. Промчалась, как ведьма на помеле, нещадно сигналила и чертыхаясь, и на втором перекрестке Палаточной улицы услышала свист. Я резко затормозила, потому что так свистеть могла только Валерия. Она всегда умела свистеть, как разбойница, еще со школьных времен. Валерия открыла дверцу нашего потрепанного «форда» и плюхнулась

рядом со мной на сиденье. «... И надо было мне, дуре, рассказать обо всем полиции!» – закончила я наш телефонный разговор. Валерия погладила меня по колену, и я моментально растаяла. «Уже все закончилось, – сказала Валерия. – Ее зовут Агриппина. Квартира на втором этаже. Имя и фамилия – на почтовом ящике. Тридцать пять минут назад она вернулась домой...»

Луций Цецилий Флор, прожил шестнадцать лет и семь месяцев. Кто здесь справит нужду малую или большую, пусть на того разгневаются боги всевышние и подземные. Землекоп, смотри не копай!

Надпись, найденная на могильном камне на Остийской дороге

Здесь похоронена Глава о том, как в 1425 году блистательный авантюрист Поджо Браччолини из Флоренции подделал рукописи античного писателя Корнелия Тацита... О том, как в эпоху Возрождения торговали древними манускриптами за баснословные деньги... Как, шаря по христианским монастырям, разыскивали свитки языческих авторов и душу закладывали дьяволу за обладание неясными письменами... О том, как Поджо Браччолини хитростью выманил у монаха из монастыря Святого Галла полуистлевшую рукопись Корнелия Тацита, почти не поддающуюся прочтению... И о том, как Поджо Браччолини в результате переписал Историю заново: измыслил события, которых на самом деле не было, наделил античный сюжет христианским содержанием... А еще о том, что теперь мы читаем Историю, созданную Поджо Браччолини, думая, что это римский историк Корнелий Тацит...

* * *

«В июле тысяча... года я разыскивал следы Агриппины близ Неаполя. Покинув город, я неделями бродил по склонам Везувия, пугая окрестных пастухов своими неожиданными появлениями. Из темноты, под лай собак и блеяние овец, я выползал на пастушечий

костер и присаживался у огня. Моя улыбка служила поводом для знакомства с местными жителями, мои вопросы заставляли их чесать затылки. «Какие древние развалины встречаются? Встречаются здесь? Но, синьор, развалины повсюду. Си! Си! Повсюду...» – и пастухи широко разводили руками. Пастухи удивлялись глупому иностранцу, который буквально ходит по развалинам и спрашивает, где можно их найти. Обычно мне указывали путь в сторону засыпанных Везувием Помпей, или Геркуланума, или Стабий. Местные жители давно привыкли к наплыву археологов, которые с энтузиазмом копались в их древней земле, но подобного дурака, вроде меня, видели впервые. Развалины в избытке лежали неподалеку, каждому желающему поиграть в песочек выдавали лопаточку, и только один глупый человек бродил по горам, среди козьего помета, и искал неизвестно чего. Приходилось объяснять. «Представьте себе стадо...» – говорил я пастухам. Пастухи помирали со смеху, указывая пальцами на собственных овец, и отвечали, мол, представляем. «О, синьор, это так тяжело представить себе стадо, но мы постараемся!» «Представьте себе, что от стада отбилась одна овца», – продолжал я. Пастухи проклинали меня за такие представления. «Где вы будете искать заблудшую овцу?» – спрашивал я. «В горах!» – без заминки отвечали пастухи. Я ждал. Пастухи думали. «В горах развалин нет», – наконец сообщали мне пастухи. Но я был уверен в обратном...

У Плиния Младшего, письма которого недавно обнаружили в архивах Ватиканской библиотеки, странный абзац привлек мое внимание. Привожу дословно: *«Плиний Тациту привет...»* Еще раз: *«Плиний Тациту привет! Ты просишь описать гибель моего дяди... Он собирался выйти из дома, когда получил письмо от Агриппины. Обеспокоенная нависшей опасностью – вилла ее находилась на склоне горы, и спастись можно было только морем, – она просила дядю вывезти ее из этого ужасного положения. Дядя поспешил туда, откуда другие бегут... (Утрачена часть письма.) На корабли уже падал пепел... (Пропуск.) Площадка, с которой входили во флигель, была засыпана пеплом и кусками пемзы. Человеку, задержавшемуся в спальне, выйти было бы невозможно...»*^[15] Далее Плиний Младший, свидетель извержения Везувия, описывает гибель города Помпеи, и только благодаря этим письмам мы знаем теперь о бедствии, постигшем древнюю Италию. Меня же насторожило вот что...

Страшное извержение Везувия произошло в 79 году нашей эры. Нерон умертвил свою мать в 59 году, то есть на двадцать лет раньше катастрофы. Боже мой! Кого собирался спасать дядя Плиния Младшего? Агриппину?!! Она была мертва уж двадцать лет. Или Нерон не убивал своей матери? Возможно ли это? Четыре года я провел среди пыльных библиотечных полок; четыре года я выискивал другие античные свидетельства, намеки, несоответствия... И наконец понял, что все возможно... История времен Нерона туманна, свидетельства разноречивы. Оставалось только отыскать таинственную виллу на склонах Везувия, вернее развалины виллы. Денежные средства мои были скудны, предмет изыскания несерьезен. Профессиональные антиковеды сомневались в возможности подобного факта, рассматривали письмо Плиния как гремучую змею на своем столе. Пришлось отправиться в экспедицию на собственный страх и риск. Армейская палатка, походный котелок, кусок овечьего сыра – что еще надо настоящему авантюристу?

И все-таки козьи тропы меня не подвели. В тот день я натолкнулся на унылого пастушка, который бродил между кустами, проклиная свою судьбу. Теперь уже пастушок спрашивал «синьора», не видал ли тот заблудшей овцы. Я с готовностью вызвался ему помочь в розысках, и некоторое время мы вместе с пастушком идиллически прыгали по камешкам, клича дурное животное. Но вскоре моему пастушку наскучило это занятие, и, ссылаясь на то, что «негодницу», вероятно, загрыз волк, пастушок наскоро прочитал овце молитву «чтоб ты сдохла» и покинул меня. Я продолжал свой путь среди густого кустарника и ветвистых деревьев. Надо сказать, что с момента последнего извержения Везувия прошло полтора тысячелетия, и склоны горы, как когда-то, снова покрылись тенистыми рощами. Кое-где тянулась к солнцу дикая виноградная лоза, кое-где кустарники и деревья редели – на каменистой почве пучками росла трава...

Жалобное блеяние заставило меня свернуть с тропы. Раздвигая руками ветки, я выбрался из зарослей на ровную площадку, как будто специально устроенную для выпаса овец. Метров через сто терраса заканчивалась довольно крутым спуском, но блеяние доносилось как будто из-под земли. Так оно и было. Негодная овца провалилась в глубокую яму. Расхаживая по окрестностям, я всегда имел привычку таскать на себе веревку, обмотанную вокруг пояса. Яма была

достаточно глубокая, как колодец, поэтому я привязал веревку к ближайшему дереву и с трудом спустился... И тут я увидел дверной проем. Вернее, только верхнюю поперечную балку, но земля медленно проседала под моими ногами, и дверной проем открывался, как театральный занавес. Некоторое время я оторопело сидел в яме, прижимая овцу к своей груди, словно древний грек какой-нибудь. Потом овечья скотина вылетела наружу; не помню даже, сколько эта скотина весила. Неудовлетворенный таким ходом событий, я буквально выпрыгнул следом, как чертик из преисподней. Овца, оказавшаяся среди родимой травы, посмотрела на меня мутными глазами, но я не дал ей спокойно наслаждаться обретенной свободой. Поставил скотину головой в сторону кустов и дал хорошего пинка. Потом догнал и двинул еще раз. Овца исчезла в кустах под жалобное блекотание. Я поспешил обратно к яме, скорее рухнул, чем спустился вниз, и рассмотрел все как следует. Никаких сомнений... Античное сооружение...

Я снова выбрался из ямы и внимательно огляделся. Смеркалось. Несчастливая овца не выкала поблизости, и ничто человеческое не приближалось к месту моей находки... Как там говорили пастухи: «Никаких развалин в горах нет»? Вот именно. Я не собирался заявлять о своем открытии, во всяком случае какое-то время... Пришлось завернуться в одеяло и устроиться на ночевку неподалеку от провала. До рассвета я только промучился, пытаюсь задремать, но при малейшем шорохе вскакивал с готовностью защищать свою добычу от непрошенных гостей. Не стану рассказывать, как я дожид до утра, как хитрил, добывая в деревне, куда я нагрязнул спозаранку, свечи и факелы. Местные жители, вероятно, махнули рукой на мои безумства и выдали побыстрее все, что мне требовалось. Я даже соорудил из досок небольшой настил, чтобы прикрыть отверстие от постороннего взора... Весь день прошел в подобных приготовлениях, и наконец ближе к вечеру я спустился в заветный провал.

Господи Всемогуций, я проник в чистилище. Тени мертвых окружили меня. Я зажег факел, и они отпрянули, скользнули передо мной и спрятались в темноте. Я спустился в другую эпоху, в другое тысячелетие. Выше факел! И неподвижная мгла вдруг рассеялась, и я почувствовал себя демоном ада, раздвигающим время. Древний коридор, куда я попал, уходил в бесконечность, или так мне

показалось. Я видел античные бюсты. Они стояли вдоль коридора, покрытые пеплом вулкана. Я слышал сквозь столетия грохочущий Везувий; мраморный пол под моими ногами застонал, закачался, и я едва не потерял сознание. Все еще не доверяя своим ногам, я сделал осторожный шаг, затем другой, и тогда, убедившись, что ничто мне не угрожает, что грохот Везувия – игра воображения, я продвинулся на несколько шагов вперед. Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и оглядеться. Меня не оставляло жуткое ощущение, что сейчас появится вдруг хозяйка дома и бросится ко мне, ища спасения. Такое впечатление, что ужасная катастрофа приключилась минуту назад, что я погиб, погибну, буду заживо погребен, если сделаю хотя бы глубокий вздох и потревожу эту оцепеневшую картинку. И только когда я увидел под своими ногами высохший труп, мумию женщины, я осознал, что все прошло. Что трагедия кончилась почти две тысячи лет назад. Без аплодисментов. Мумия женщины скалилась на меня желтыми зубами, улыбалась из глубины веков, и тогда я поднял с пола ее высохшую кисть и поздоровался: «Salve!» Я подумал, что нашел Агриппину.

Должно быть, тогда в мой мозг закралось безумие. Временное помешательство. Я был в состоянии аффекта. «Salve!» – повторил я, лаская руками кисть мумии, и почувствовал ответное рукопожатие. Я принял ее последний вздох. Агриппина ждала меня почти две тысячи лет, чтобы встретиться у входа и скончаться у меня на руках. Я разрыдался. «Проходи. Будь как дома», – прошептал женский голос, дивный голос, вечно молодой голос и растаял. Не помню, сколько времени я провел над мумией, стараясь уловить аромат духов от ее одежды. Я гладил мумию по голове, перебирая выцветшие пряди волос, я целовал ее колени. Я пытался задержать Агриппину подле себя, но связи во времени распадались. У меня даже мелькнула мысль согреть Агриппину своим телом, но, прежде чем я успел это сделать, сущность Агриппины исчезла. Неуловимо, необъяснимо – как я это почувствовал. От всех переживаний у меня пошла из носа кровь. Я размазал кровь по своим щекам. И наконец, простившись с Агриппиной, я пошел по коридору дальше.

Выше факел, выше! Как рачительный хозяин, вернувшийся после долгого отсутствия, я кое-где смахнул с бюстов пепел, кое-где протер рукавом, но прах Везувия заполнил мои владения, прах времени лежал

повсюду. В конце коридора я споткнулся о серебряное блюдо, брошенное на пол, да только покачал головой. Чтобы не заблудиться, я с самого начала решил нумеровать помещения. Коридор, в котором я очутился, обозначил «цифрой пять» и перешел в «цифру девять». Вероятно, тут была приемная Агриппины. Ложе из потускневшей бронзы стояло у стены, доски и матрас прогнили и рассыпались. Круглый мраморный столик на трех львиных лапах, фигурка Амура. Я, словно дух, витал и бросался в разные стороны. Свет факела выхватывал из темноты то геометрический рисунок на стене, то фрагмент мозаики. Я ненасытно вглядывался в черты сфинкса на медальоне, я старался охватить взглядом всю комнату. Детали наслаивались друг на друга, картины прошлого переплетались с реальностями, чувства множились и тут же распадались на отдельные эмоции. Из «цифры девять» я перепрыгнул в «цифру одиннадцать» – это оказалась баня. «Человек сочтет себя жалким ничтожеством, если по стенам его бани не вставлены круги драгоценного мрамора, если вода льется не из серебряных кранов! Теперь назовут берлогою баню, где нельзя одновременно мыться и загорать, где прямо из ванны нельзя глядеть на море», – сказал Сенека. Все говорило в «цифре одиннадцать» об изобилии воды. Потолки и стены были украшены изображениями плывущих кораблей, шумящих фонтанов. Морскими коньками правили толстенные амурчики. Женские фигуры с дельфинами в руках, тритоны с огромными сосудами – все тут было как некогда при Агриппине, но помертвело без ее дыхания. «Бани, вино и любовь!..» Я сильно пострадал, зацепившись в проеме за какую-то железяку – упал, ударился, но продолжал свой маршрут. «Цифра один» – столовая, «цифра восемь» – спальня... О спальня Агриппины! Но взгляд мой упал на стену, и я обмер. Вместо орнамента стены покрывали античные письма. Два слова. Два слова – словно зверь метался по клетке, царапая когтями стены. «Цезарь Нерон». И не было свободного пространства от этих слов на стенах маленькой спальни, и не было там ничего другого. Я поспешил из «цифры восемь» прочь без оглядки...

Внезапно огонь погас, будто задул его кто-то, и до «цифры десять» я пробирался в крошечной темноте. Завесу мрака удалось

поднять с помощью нового факела. Десятки фигур обступили меня внезапно, закуружили в своем хороводе, вдоль красных стен. Я оказался в центре мистерии, в центре таинства. «Время и место», – сказал бог Дионис. И к нему подвели Ариадну. Вот история бедной женщины: Тесей обманул Ариадну. Бросил на острове Диа, как собаку, по дороге на свою замечательную родину. Греция ликовала, приветствуя героя. Ариадна подыхала без воды и пищи на безлюдном острове. «Что просишь ты взамен?» – спросил у Ариадны бог Дионис. «Смерти Тесея! Смерти его жене!» – затрубили крылатые архангелы. Но Ариадна просила раздвоения души. Бог Дионис рассмеялся: «Нечеловеческая месть!» Я взмахнул факелом, и фрески разлетелись по стенам. Ариадна начинала свое превращение. Я прижался губами к стене, чтобы почувствовать тепло Ариадны, но женщина исчезла. Через пару шагов я снова обнаружил ее на фреске, в образе добропорядочной матроны. Но Ариадна понеслась дальше и вновь застыла, как одалиска. Мой факел по-прежнему высвечивал только отдельные фрагменты росписи, и Ариадна, пользуясь этим, прыгала как козочка. Я следовал за ней – Ариадна кружила в безумном танце. Я бегал с факелом от стены к стене, то обладая Ариадной, то гонимый ею. То настигая ее, то теряя. Я сам раздваивался, учетверялся и видел, как Ариадна издевается надо мной. Тени от моей фигуры перемещались по всем четырем стенам одновременно. Это было невыносимо – чувствовать, как раздирает Ариадна меня на части, увлекает за собой в разные стороны. Я кружил вместе с нею, голый, в вакхическом трансе, постукивая кастаньетами. Я рыдал вместе с Ариадной, я нещадно хлестал кнутом по ее обнаженной спине. В конце концов, обессиленный, я рухнул на пол посреди зала...

Очнулся в полнейшей темноте. Ариадна оставила меня, и навсегда. «Цифра восемь» не складывалась с «цифрой одиннадцать». «Четверка» не хотела превращаться в «тройку». Я блуждал, натываясь на стены, и никак не мог выбраться без путеводной Ариадны, которая покинула меня навсегда... Я пропал...»

Клавдио

Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.

Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.

Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!

Гесиод. Труды и дни

Агриппина была моей женой.

Через пять лет супружеской жизни мы развелись. Сейчас мне исполнилось сорок четыре года. Некоторое время назад я женился во второй раз, и совершенно случайно, если можно назвать случайностью полное помешательство. Когда толстый, рыжий и, надо сказать, малосимпатичный человек встречается молодую интересную женщину, у него происходит помутнение рассудка. Он начинает думать, что представляет собой какую-то ценность, что ценность он феноменальная, если подобные девушки бросаются ему на шею. Реальность отодвигается на второй план, и в голове все время бренчат маракасы. «Оу-у, макарена!!!» Он исследует себя в зеркале и находит массу привлекательного: особую чуткость, своеобразный шарм и мужественные черты лица. Он находит у себя все что надо. Все, что может вскружить голову очаровательной девушке. Все, кроме денег. Конечно, деньги у него есть, но к личной привлекательности они не имеют никакого отношения. Ну при чем здесь разрисованные бумажки, если девушка любит его по-настоящему? Такое бывает. Бывает-бывает – один раз в жизни на земле, и этот счастливый билет достался ему. Случайно... В самый канун Рождества...

Настроение выдалось у меня в этот день препаршивейшее, вроде заморозка по всей поверхности тела. Я сидел в кафе и разогревался ликером, поглядывая на полиэтиленовый пакет, который следовало тащить домой. Две упаковки пива, охотничьи колбаски – что там было еще?.. Меня очень беспокоило, что ручки у пакета могут оборваться и тогда мне придется идти себе дальше с пакетом в обнимку и

испытывать неудобства. После развода я оставил Агриппине квартиру на Палаточной улице и приобрел для себя новое жилище, тоже в центре, на Вацлавской площади. Теперь мне предстояло выйти из кафе и пройти метров двести в сторону музея, подняться на четвертый этаж – не знаю, не знаю, как этот маршрут понравится моему пакету. А еще по дороге я хотел прихватить копченую курицу с солеными огурчиками на ужин, и эта задача казалась мне совсем неразрешимой – как добраться до дома и не разодрать пакет. Одним словом, хозяйственные хлопоты одинокого холостяка.

Агриппину и Британика я посещал накануне. Праздничный подарок. Я топтался в прихожей, никак не решаясь раздеться и пройти в комнату или на кухню, ну хоть куда-нибудь, Агриппина несколько мне не мешала. Она прислонилась спиной к стене и молча наблюдала, как я переваливаюсь с ноги на ногу. Подлец Британик на секунду выглянул из своей комнаты, что-то гавкнул и скрылся обратно. Он унаследовал от меня, кроме рыжих волос, самое гадкое, по мнению Агриппины, – страсть к античной литературе. Приличная библиотека на Палаточной продолжала пополняться. Я подкидывал Британику время от времени что-нибудь из новых переводов с латинского, и это был единственный повод для общения отца и сына. По правде говоря, мы особенно этим поводом не пользовались. Видимо, Корнелий Тацит заменил Британику близкого родственника со стороны отца. Помнится, один только раз Британик позвонил мне по телефону и спросил, чем отличается двухтомник Лукиана тридцать шестого года от нового издания Лукиана. «Ничем», – ответил я, и мы одновременно повесили телефонные трубки. На это Рождество я притащил Британику книгу Аммиана и... «павиана», как выразилась Агриппина. Она освободила меня от подарочных наборов и вручила взамен небольшую коробочку, перевязанную лентой. «Подтяжки или галстук», – подумал я, потому что Агриппина всегда дарила мне либо то, либо другое, дабы имелись под рукой веревки, на которых легко повеситься. «Спасибо», – поблагодарил я Агриппину. Размышляя, что бы еще такого сказать, я потоптался немного в прихожей, но, кроме «Счастливого Рождества!», все было давно между нами сказано. «И вам того же!» – отвечала Агриппина. Я вздохнул и с облегчением откланялся. Меня не преследовала по пятам «ностальгия», я спустился по лестнице безо всякого желания культивировать в себе сорняки и воспоминания...

Ликер опустился в желудок, как пневматическая почта, – я получил извещение, что, пожалуй, и хватит на сегодня ликера. Тогда я побряхтел для бодрости, оделся и вышел из кафе. Холод моментально ухватил меня за нос и выволок на середину площади, к павильону, где продавали копченую курицу. Ручки у пакета, конечно же, оборвались в самую неподходящую минуту. Я только успел произнести: «Кура цела», – и все повалилось у меня на землю. Продавщица рассмеялась и протянула мне вместе с курицей еще четыре полиэтиленовых пакета. Я довольно сносно говорю по-чешски, а в последнее время и думаю, но иногда сбиваюсь. «Цо просим?» – переспросила у меня продавщица, потому что я выругался, на этот раз по-немецки. «Ничего, спасибо, – улыбнулся я и добавил: – Счастливого Рождества!» Продавщица послала мне воздушный поцелуй через прилавок. Я постоял немного у елки, которую наряжали для праздника, раздумывая – стоит ли зайти в универмаг и купить себе теплые носки, но из пакетов выглядывали куриные ноги и колбаски, а нет ничего смешнее толстого мужчины, увешанного продуктами. Замужних женщин такие мужчины почему-то умиляют, симпатичных женщин – просто веселят. «Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики звенят на дороге!» Я оглянулся. Рядом со мною у елки стояла высокая симпатичная девушка и мурлыкала песенку. «Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики – как весело ехать на саночках!..» Она посмотрела на меня и спросила: «А вы не знаете, как там дальше?» Я поставил на снег свои пакеты и не знал, что ей ответить. «Вот как? – удивилась она. – Вы не хотите со мной разговаривать?» Я хотел. «Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики!..» Она продолжала смотреть на меня, как на диковинную букашку под микроскопом, и, если букашке будет дозволено сказать, я ничего не видел, кроме темно-карих глаз этой девушки. «Вы чувствуете, как я приближаюсь?» – спросила она. Я, по всей вероятности, что-то подобное чувствовал, но совершенно не понимал, о чем идет речь. «Не смущайтесь, друг мой, – сказала тогда девушка. – Я сама иногда не понимаю, что говорю. Хотите, я помогу вам донести продукты?» «Конечно, ведь я извращенец». Мне удалось наконец-то пошутить. Девушка рассмеялась. «Тогда нам действительно по пути», – сказала она и подхватила парочку из моих пакетов. Наверное, Вацлавская площадь выглядит сверху как раздавленная на земле сосиска. Мы пересекли ее

поперек и остановились на тротуаре. «А в чем состоит ваше извращение?» – спросила она. «Ну, – сказал я, по-прежнему стараясь казаться остроумным, – я заставляю молоденьких девушек таскать продукты на четвертый этаж без лифта...» Не зря я старался – девушка снова рассмеялась. «А сами идете следом, – продолжила она, – и заглядываете им под юбку?» Я утвердительно кивнул. «Сезонное развлечение», – заметила девушка. Высокая стройная брюнетка – на нас обращали внимание, чего в отдельности со мною не происходит. «У вас есть молодая племянница? – спросила брюнетка. – У каждого замечательного извращенца должна быть своя племянница. У вас она есть, друг мой?» У меня и на самом деле никого не было, кроме Британика и Агриппины. «Весьма печально, – заметила девушка. – Но я готова попробовать, если вы пригласите меня на чашечку кофе». Последнее слово она произнесла с непередаваемым отвращением. «Что попробовать?» Чувство юмора у меня иссякло. «Друг мой, – брюнетка ухватила за лацкан моего пальто, – вы всегда обращаете внимание на то, что говорит женщина? Не обращайтесь внимание, друг мой. Или мне здесь замерзнуть?» В последнее время девушки не интересовались, как я поживаю, меньше чем за сто долларов. Чашечка кофе?! «У меня есть дома неплохой ликер, – пролепетал я, – даже три ликера». И все равно я не мог поверить, что такая эффектная женщина заглянет ко мне на огонек, хотя бы от нечего делать. Но жизнь – самый удивительный извращенец, если уж мы об этом заговорили. «Люблю ненавязчивых мужчин, – сказала брюнетка, – только вы очень этим злоупотребляете, друг мой. Ненавязчивостью, – уточнила она и добавила, выговаривая по слогам: – Можно о-ко-че-неть». Так я познакомился с Валерией.

Рождество мы встречали вместе. Через месяц зарегистрировали брак. Я не верил, что подобное возможно. Что буду петь по утрам, как чижик, и прыгать с ветки на ветку от радости. Как я посмел до этого времени существовать без Валерии? И куда мне запрятать несостоявшийся отрезок жизни? Каким карандашом перечеркнуть? Не было, не было, не было этого дурацкого, бессмысленного отрезка. Процесс только начинается... В официальных бумагах моя нынешняя жена значилась как Яна Райчек. «Звучит достаточно глупо», – заметила по этому поводу Валерия. Я не стал возражать и спрашивать, почему имя Яна ей не нравится. У всякого поколения свои представления о

красоте. Со времени, когда родители назвали девочку Яной, многое могло измениться. «А как зовут твоего сына? – спросила Валерия. – Как?! – переспросила она и свалилась на диван в судорогах. – Ты сошел с ума, ты сошел с ума! – повторяла она, корчась от смеха. – Британик! Брошенка! Британик!» У Валерии из глаз текли слезы, она пыталась что-то добавить, но только стонала. Я попробовал оправдаться. «Известный археолог Генрих Шлиман назвал своего сына в честь героя древнегреческого эпоса...» – сообщил я. Валерия жестами попросила меня секундочку помолчать. Я выждал, куда Валерия вытирала платочком слезы и переводила дух. «Продолжай», – разрешила наконец Валерия. «Сына археолога Шлимана звали Агамемнон». Валерия снова повалилась на диван, сотрясаясь от хохота. Кто бы спорил? Подлец Британик изгадил мне жизнь. Еще в четырехлетнем возрасте он кривлялся, изображая, как я листаю античные книги, и передразнивал, как я морщусь свой лоб. Его увлечение античностью – просто издевка надо мной, укоренившаяся со временем. Он шлялся по городу и передергивал названия современных улиц. Староместская площадь, кстати сказать, превратилась у него в Форум, Карлов мост – в римский акведук, Пражский Град – в Капитолий. Наш загородный дом Британик обозвал Байями, и не потому, что ему так нравилось, а для того, чтобы показать, насколько я глуп. С момента своего появления на свет Британик всячески старался превратить мою жизнь в бессмыслицу. Я не жаждал его появления на свет, а взамен он уничтожил меня морально. Подменил, исказил, переиначил. Так фарс перетекает в трагедию или трагедия в фарс. Ведь история повторяется дважды... Британик полностью обустроился на моем месте в обществе, как окончательная формула, для которой не требуются черновики. Мой прадед, отец и дед являлись всего лишь исписанными промокашками для Британика, а сам я – канцелярской скрепкой. Связь поколений. Невероятное количество репродукций, любовных интриг и преступлений со времен Адама, и все ради того, чтобы появился Британик, – над этим можно весело посмеяться. Он мыслит на уровне яйцеклетки – случайный сперматозоид, возомнивший себя Нероном. Он всячески подчеркивал, что я не Клавдио, а выживший из ума император Клавдий. Он паясничал, издевался, как молодой Агенобарб, да падет на мою голову античная

литература!!! Кто бы спорил – Брошенка, действительно Брошенка. Валерия окрестила Британика именно так.

Мне некому было рассказывать о «Валерии». Когда Агриппина позвонила, я поведал ей о Яне Райчек. Что наша свадьба с Яной уже состоялась, что теперь я женатый человек. «Поздравляю», – пробурчала Агриппина и повесила телефонную трубку. Больше мне не требовались ее звонки, а только официальные отношения, поэтому «Яна Райчек» звучало для Агриппины как нельзя лучше.

Валерия переставила мебель в квартире, отодвинула книги и теперь перетряхивала мою жизнь. Теперь я мало цитировал Корнелия Тацита, а больше сопровождал Валерию по магазинам, барам и дискотекам. Она терпеть не могла сидеть дома. Я вынужден был изменить свои привычки и даже похудел килограммов на пять от ежедневных прогулок и ночных заведений. Дискотеки не радовали мое пузо, как не радовали молодые идиоты на танцевальных площадках, которые крутили мою Валерию по всему периметру. Обычно я сидел за столиком, наблюдая, как Валерия дрыгается под музыку, и заслонялся от зала кружкой пива, когда Валерия особенно высоко задирала ноги. Она извивалась всем телом, раздвигая свои колени, и это зрелище приводило меня в состояние сексуальной агрессии. Я с нетерпением ожидал, когда закончится танцевальный марафон и мы окажемся вдвоем с Валерией в нашей квартире. Мы представляли собой странную пару, поэтому тешили себя экстравагантными играми.

С появлением Валерии мои сексуальные фантазии приобрели плоть. Женщины – вот самая распространенная болезнь в обществе. Сродни алкоголизму и наркомании. Здоровый человек осознает, что фантазии – игра подсознания, больной бежит насилловать девочек и мастурбировать под окнами. Обычно фантазии дремлют в глубине мозга, далеко от реальности. Но когда в жизни одинокого мужчины случается такая женщина, как Валерия, он перестает понимать, где реальность, а где воплощение его мечты. Ведь Валерия и раньше являлась мне как смутный образ, как предел желаний, являлась неоднократно во сне как самая раскрепощенная из моих фантазий. Глядя на Валерию, я никак не мог отделаться от чувства, что это иллюзия, галлюцинация, фантом. По телу моему ползают зеленые крокодильчики, а их никто не видит. Валерия уже состоялась как бред, и надо ли останавливаться посередине дороги, чтобы поддерживать с

этим «крокодильчиком» размеренный и буржуазный брак? И держать себя в рамках общественной морали, когда Валерия разжигает меня ежечасно, модулируя этот бред по собственной прихоти. Простите, господа, но общественная мораль не контролирует подсознание. Каждую ночь отдельные граждане совершают во сне непристойности различного свойства и частенько даже не помнят об этом. У каждого свои крокодильчики. А Валерия... Валерия приходилась мне родственницей, как злокачественная опухоль – племянницей мозгу. И можете меня осудить. Но только человек, начисто лишенный воображения, бросит в меня камень, да и то – посмотрел бы я на этого человека, когда Валерия возьмет его за яйца. И я расскажу, расскажу, словно доктору Фрейдю, ничего не утаивая, как я развлекался со своей фантазией, как я обладал своей Валерией...

«А теперь, мой замечательный извращенец, мы будем играть в дядюшку и непослушную племянницу», – сказала Валерия в канун Рождества, когда были выпиты почти что три бутылки ликера. «Для продолжения разговора мне надо бы раздеться», – сообщила Валерия и совершенно разделась, разбрасывая свои вещи по комнате. Она была красива, как дьявол в лучшем из своих воплощений, а я был просто брошенный дядюшка Клавдио. Тогда этот смуглый дьявол велел и мне освободиться от штанов, и я послушно исполнил его приказание. «Ах, дядюшка, – сказала Валерия, – я обратно не выучила уроки! Вы сердитесь, мой милый дядюшка, я вижу». Естественно. У «дядюшки» наблюдалась эрекция. Валерия взяла с полки книгу и пролистнула. «Теперь я готова получить по заслугам, – сообщила она. – Извольте преподать мне урок античности!» Валерия моментально легла на стол, а «дядюшка» обязан был преподавать стоя. Все, что я знал о «педагогике», Валерии не подходило. Она запретила мне трогать ее руками – «нельзя-нельзя, дорогой дядюшка». Я должен был просто находиться рядом и читать книгу – «внятно и понятно». Как помнится, «Жизнеописание двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла. Валерия лежала на спине, раскинув ноги, а я стоял у нее между ног и водил указательным пальцем по странице...

«К концу жизни он начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной. Однажды он воскликнул...»^[16]

В этот момент (редкое литературное извращение!) Валерия «заехала» на меня, как тортик с кремом, и я действительно

воскликнул:

«...Все мои жены были безнравственны!!! Но не были безнаказанны!..»^[17]

Валерия отодвинулась назад и сказала: «Продолжайте-продолжайте, милый дядюшка. Очень интересно». Я неправильно ее понял и попытался продолжить, но Валерия уперлась в меня коленом и без труда остановила. «Читайте дальше, милый дядюшка, – пояснила Валерия, – а прочее предоставьте мне». Голос у меня дрожал и временами срывался, зато Валерия была спокойна, как исследователь Арктики. Медленно сближаясь, мы закончили одну главу, и я подумывал, что часов до четырех утра смогу дочитать наконец-то и всю книгу, но внезапно Валерия ударила пяткой меня по заднице, и все благополучно разрешилось... После чего я пошатнулся и вынужден был присесть, чтобы остановить головокружение. «Бокал вина?» – предложила Валерия, поглядывая на меня. Она повернулась на бок и лежала на столе, как пантера, поигрывая пустым бокалом. «Дядюшкин сон». Мне захотелось ее поцеловать, но пантера выпустила коготки. «Ну-ну, – сказала Валерия, – только без глупостей. До оформления соответствующих документов». Я вопросительно уставился на нее. «Мой дорогой извращенец, – Валерия поднялась со стола, – я готова хоть завтра выйти за тебя замуж. Или мне все книги перечитать?» И Валерия указала пальчиком на полки с античной литературой. Можно кричать от ужаса, когда попадаешь в болото, но я согласился на брак беззвучно. Из экономии сил и времени. «Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики звенят на дороге! Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики – как весело ехать на саночках!..»

На свадебный ужин Валерия пригласила свою подругу. «Ведь у нас должны быть гости?» На этот раз мы не пошли в ресторан – Валерия предпочла отметить это событие дома. «Семейный праздник». Подруга Валерии выглядела просто потрясающе. «Кики!» – представилась она. Эффектная блондинка. Валерия предупреждала, что на самом деле блондинку зовут не так, но «Кики звучит веселее, не правда ли, милый дядюшка?». Что за поветрие у современной молодежи? Я вынужден был согласиться, что совершенно ничего не понимаю в нынешней лингвистике. «Дядюшка, помоги Кики раздеться!» Кики повернулась ко мне спиной, разрешая за ней

поухаживать. Я достаточно неуклюже ухватился за ее шубку и потянул на себя вместе с платьем. «Не так быстро, милый дядюшка, не так быстро». Кики провела руками по бедрам и поставила платье на место, а я глядел на нее и думал: ну как такая взрослая девушка умещается в кукольной тряпочке? Как она может ходить, поднимать руки, передвигать ноги, а тряпочка остается на месте, будто нарисованная. «Дядюшка, перестань разглядывать Кики». Блондинка улыбнулась и прошла мимо меня в комнату. Я почувствовал призрачный шлейф от ее парфюма и неизвестно почему вдруг подумал, что абсолютно не разбираюсь в женщинах. Должно быть, Кики показалась мне такой же привлекательной, как и Валерия. Я растерялся и покраснел от этих мыслей. «Дядюшка, кончай думать и садись за стол». Кики и Валерия смотрели на меня, как две модели с обложки журнала на перезрелого онаниста. У них была своя иллюстрированная жизнь, а у меня сплошные половые проблемы. Так во всяком случае мне померещилось. Платье на Кики только считалось платьем, и я не смел опустить взгляда ниже определенного уровня. Потому что ниже носика Кики мои взгляды могли показаться неприличными. «Дядюшка, ты знаешь разницу между чулками и колготками?» Я догадался, по едва заметным признакам, что Кики носит контактные линзы, как и Валерия. До знакомства с Яной Райчек я думал, что линзы предназначены вместо очков для людей с ослабленным зрением. Поэтому стеснялся спросить у Валерии, что именно у нее – близорукость или дальнозоркость. Валерия должна была оставаться совершенной. Но однажды ночью я зашел на кухню, чтобы выпить минеральной воды, и включил свет. Валерия сидела за кухонным столом и смотрела на меня чисто голубыми глазами. Я уронил пустой стакан. «В чем дело?» – спросила тогда Валерия. Конечно, я испугался от неожиданности. Валерия находилась все время на кухне, покуда я разыскивал в темноте минеральную воду, почесывался и позевывал. Я и понятия не имел, что Валерия притаилась где-то рядом, как лунная тень. Если бы я оказался вдруг под Эйфелевой башней без трусов, то, наверное, испугался бы меньше, чем когда неожиданно включил свет и увидел Валерию с голубыми глазами вместо карих. «Это трагедия?» – спросила тогда Валерия. «Нисколько, – ответил я, – но почему ты сидишь ночью на кухне?» Валерия закурила, продолжая сверлить меня взглядом. «Какую бы гадость сказать тебе, милый дядюшка, чтобы ты

отстал?» Ну что же, я понимаю: у женщины могут быть месячные, дурное настроение и голубые глаза. Я выключил свет и вышел из кухни...

Линзы у Кики оказались такого же цвета, как и глаза у Валерии. Обе девушки были неуловимо похожи, как рассвет и сумерки, что, по сути своей, одно – маргинальное состояние жизни. Неясная область полутонов, когда день превращается в ночь или ночь в день. Сумерки, сумерки, сумерки... «Ты, дядюшка, наблюдаешь разницу?» Разница между чулками и колготками была очевидной. Вероятно, Валерия права, что от пятки до бедра любая женщина интереснее, чем от уха до уха. Мы мило потягивали шампанское, ужинали и «чирикали» о том о сем. И мысли мои бились между коленками Валерии: о том, о сем, о том, о сем, о том, о сем – и между коленками Кики: о сем, о том, о сем, о том, о сем, о том. Стоило раздвинуться коленям Валерии на один сантиметр, как я подумал о почти непреодолимой разнице между античными женщинами и современными христианками. Валерия перехватила мой взгляд и раскинула колени пошире. Да! Остались еще на земле маргиналки между чулками и колготками! «Дядюшка-дядюшка, чьи тебе ножки больше нравятся?»

После ужина девушки решили переодеться, чтобы Кики чувствовала себя посвободнее. «Официальная часть закончена, дядюшка». Время от времени они выбегали в гостиную, демонстрируя мне наряды из гардероба Валерии. С каждым разом наряды становились все свободнее и свободнее. Я сидел в кресле и наблюдал, как исчезают на них одни платья и появляются другие, как добавляются детали вроде пояса или расстегнутой пуговицы, как меняются туфли, как укладываются прически. Уже через десять минут все окончательно перемешалось, и я, честное слово, не понимал, которая из них Кики, а которая моя жена. Девушек поглотил процесс, они резвились передо мной, как перед зеркалом, забывая о том, что зеркало видит и слышит. «Посмотри-ка, дядюшка, как сидит на Кики этот костюмчик». Вскоре они перешли на белье и комбинации. Мне потребовалось не менее двух кружек пива, чтобы прийти в себя и не ерзать в кресле во время демонстрации. Каждый раз при появлении девушек я испытывал нечто вроде ожога в области грудной клетки. «Как мы смотримся, дядюшка?» В жизни не видел ничего более

соблазнительного. О-о-о-о, соединение разноцветных ведьм, о-о-о-о, повелительницы тумана в моем мозгу.

Когда я оправился от шока, Кики и Валерия разгуливали по квартире в моих фланелевых рубашках. С бокалами шампанского и босиком. «Дядюшка, к вам прибыли посланницы от амазонок». Валерия устроилась на одном подлокотнике кресла, а Кики – на другом. Я был как бабочка «мертвая голова» с гламурными крылышками. «Скажите „чи-и-из“!» Эта фотография висит теперь на стене и украшает мое жилище. На фотографии – кресло, дядюшка в кресле и две чертовки на подлокотниках. Толстый дядюшка в черном костюме смотрит прямо в объектив, а чертовки оседлали подлокотники и уперлись перед собой руками. Вот такая фотография.

«Дядюшка, поцелуй Кики и пожелай ей спокойной ночи». Как-то само собой получилось, что дядюшка для поцелуя выбрал колено Кики. Наверное, ближе всего оказалось к дядюшке именно колено. «А ты галантен, мой дядюшка». Кики устроилась спать в гостиной на диване. Валерия пощебетала возле нее, я потоптался рядом и отправился в спальню. Вскоре ко мне прибежала и Валерия. «Нет-нет, сегодня не будем, дядюшка». Я успокоился и заснул с приятной истомой от ощущения, что рядом дышит Валерия. Что в гостиной дышит Кики...

Утром я поднялся раньше всех. Валерия еще спала, обнимая подушку; из гостиной тоже не доносилось ни звука. Стараясь никого не потревожить, я тихо позавтракал на кухне, а затем оделся и вышел из дома. Мне захотелось удивить девушек каким-нибудь своим экстравагантным поступком, вроде подарков по случаю их пробуждения. На бóльшую эксцентричность я не был в ту пору способен. Парфюмерная лавка только-только открылась, и я ввалился туда со всей полнотой сердца, как слон в посудное заведение. «Боже мой, какая прелесть!» – охнула дамочка неопределенного возраста, разглядывая меня исподлобья и нюхая собственное запястье. Я подумал, что ее восхищенное кудахтанье вырвалось по поводу сорта духов, и обратился к ней за советом. «В знак признательности или на прощание?» – спросила у меня хитрая дамочка. «Еще раз», – попросил я озвучить вопрос. «Ну-у, – дамочка прыснула себе на запястье свежую порцию „опиума“, – когда мужчина с утра пораньше бежит не в пивную, а в парфюмерный магазин... Либо у жены именины, либо...»

Я махнул на нее рукой в прямом смысле. И вальяжно облокотился на прилавок. «Мне какие-нибудь модные духи, – поведаль я продавщице, – один пузырек для блондинки и один пузырек для брюнетки». «Боже мой! Какая прелесть!» – вторично отметила дамочка у меня за спиной. «Вы можете не кудахтать? – огрызнулся я. – Разве не видите, что у меня важное дело?» Дамочка подняла две лапки вверх, как кошка на спине. «Вижу, – согласилась она, – и сейчас помогу. Милочка, – обратилась она к продавщице, – покажите-ка нам...» – дальше последовала совершенно какая-то абракадабра, нечто вроде «мажи-мажи, нуар-нуар». Мне подсовывали под нос разные флакончики, заставляли нюхать женские запястья и задавали нескромные вопросы. «Брюнетка более темпераментная, да? Блондинка более нежная, да?» Какое отношение все это имело к духам, понять не могу. «Вы по профессии сексопатолог?» – спросил я у хитрой дамочки. «Я по профессии – женщина, – ответила она. – Если спрашиваю, значит, так надо». Ну и что я мог возразить? Наконец, когда у меня голова пошла кругом от различных ароматов и, как на допросе, я выложил все дамочке – мне выдали две коробочки, беспрестанно повторяя: «Вот это для брюнетки, а вот это...» «...Три раза натошак» – пробурчал я. «Может быть, может быть, – согласилась со мной дамочка, – если секс утренний». Продавщица фыркнула и приняла от меня деньги за покупки. Дамочка вывалилась вслед за мною из магазинчика. «Одну минутку. – Она окликнула меня весьма решительно. – Знаю, что это выглядит слегка неприлично, но просто выхода никакого нет... Когда закончите развлекаться со своими дамами, – она порылась в сумочке и вытащила оттуда записную книжку вместе с губной помадой, – позвоните мне по телефону». Дамочка набросала номер на листочке губной помадой. «Зачем?» Я, вероятно, думаю прямолинейно. «Затем, – подтвердила дамочка. – Через полгода, через год позвоните и... – она в который раз принялась к своему запястью, – я не упущу своего шанса, обещаю». Мажи-мажи, нуар-нуар – «Черная магия». Я положил листочек с ее телефоном в нагрудный карман пиджака и совершенно забыл об этом...

Парфюмерное приключение заняло у меня сорок минут. Я потихоньку открыл входную дверь своей квартиры, на цыпочках прошел по коридору до спальни и заглянул туда. Мое желание

незаметно поставить коробочку духов у Валерии в изголовье было понятно. Слегка непонятно было то, что я увидел в спальне. Валерия сидела абсолютно голая на пуфике перед зеркалом. Она глубоко дышала и вздрагивала через короткие промежутки времени, с закрытыми глазами. Колени Валерии были широко раздвинуты, а ее ладони скользили по телу и опускались все ниже, и ниже, и ниже... И тогда между ног Валерии я увидел голову Кики. Блондинка сидела перед Валерией на полу и... Тогда я отпрянул назад, чувствуя только, как колотится у меня в груди сердце. Глубокий стон Валерии послышался из спальни и как ножом полоснул меня по щеке. Совсем ничего не изменилось с момента появления на свет первого издания Лукиана...

«...Новости мы слышали про тебя, о Валерия! Что богатая лесбиянка по имени Мегилла влюбилась в тебя, что живете вы вместе и неизвестно какие вещи делаете между собой. Скажи, правда ли это? Больше всего об этом расскажи...»^[18]

Тихо-тихо я попятился прочь от спальни, и новый стон догнал меня на пороге кухни. Итак, интимные отношения между Валерией и Кики застигли меня врасплох. Я в растерянности уставился на холодильник, открыл его и нащупал бутылку пива. Экая незадача. Честно говоря, требовалось объяснение или намек – что делать? Обычно подобные картинки интересуют меня. И кажется, что женщины просто шалят без мужчины. Как загуляет по полю ветер, и тугие колосья пшеницы страстно переплетаются между собой в ожидании предстоящей жатвы. В этом случае мне следует поспешить в спальню... Но что меня ждет среди моря соблазнов? Буря негодования или попутный бриз?..

«...Молчи, молчи... ведь это так странно. Вначале она целовала меня: „Ну попробуй же и увидишь...“ Она приоткрывала мне губы и проникала язычком в мой рот, и даже укусила среди поцелуев...»

Я отхлебнул из бутылки пива и решил еще раз как следует подумать, прежде чем обнаружить свое присутствие. Мне, вероятно, требовалось время, чтобы освоиться с новой ролью. Если бы знать, как давно между Кики и Валерией существуют подобные отношения...

«...Тогда я обняла ее, как мужчину, испытывая необычайное наслаждение. И делала свое дело, задыхаясь, но... Не спрашивай

так подробно: ведь это неприлично! Клянусь, я не могу тебе больше ничего рассказать...»

Наверное, мне надо было сидеть на кухне и готовить для девушек завтрак. Ведь я не должен ревновать Валерию к птичкам, которые кормятся у нее из рук, к воздуху, которым она дышит, к девушкам, которые ласкают ее... Я взял со стола тарелку и аккуратно бросил тарелку на пол. И прекрасно – охи-охи в спальне прекратились. Я принялся собирать осколки прошлого и будущего. Так я и ползал на четвереньках по полу, когда в поле моего зрения показались голые ноги. «Дядюшка-дядюшка, зачем ты безобразничаешь?» Кики и Валерия посматривали на меня сверху вниз без тени смущения. Я демонстративно высыпал осколки фарфора в мусорное ведро, открыл свежую бутылку пива и молча направился к себе в кабинет. По сравнению с квартирой на Палаточной мой нынешний кабинет проигрывал в размерах. Там умещались только письменный стол да небольшой диван, обитый кожзаменителем. Моя библиотека находилась в гостиной, и я натаскивал оттуда стопки книг и сваливал в кабинете куда попало. «Дядюшка-дядюшка, ты хочешь утвердить мировое господство?» Валерия заглянула ко мне в кабинет со стаканчиком сока в правой руке. Девушки отлично понимали, что я все видел и слышал. Нет-нет, увы, «милый дядюшка» не претендовал на роль мирового жандарма; дядюшка не боролся с феминистками; дядюшка просто хотел, чтобы эти девичники прекратились. «А что так тебя беспокоит, милый дядюшка?» И в самом деле – что? Четырежды задайте мне этот вопрос: в храме, в постели, в конгрессе, у сексопатолога. Четырежды получите разный ответ. А по правде говоря, меня беспокоила мужская гегемония. Ведь всякие моральные установки вращаются вокруг моей оси, покуда ось находится в состоянии эрекции. Сама природа доверила мне приоритет, с яйцами. Поэтому удовольствие, полученное без меня, – запретное удовольствие. Так и запишем... «Может быть, дядюшка хочет заняться любовью втроем?» Так и запишем – Валерию оправдать. Любая женщина бисексуальна, потому что способна рожать и мальчиков, и девочек... Я для характера выждал паузу, а потом неожиданно для себя подтвердил – да! Дядюшка хочет разделить с девушками, ммм... Я снова задумался. «Ну же, дядюшка!» Разделить постель. Это самый простой и приятный способ восстановить попанную мужскую

гегемонию. «Трахнуть всех». Валерия поболтала в стакане соком. «Ну, дядюшка, в этом нет ничего невозможного». Валерия поправила на себе рубашку, считая, что разговор закончен и больше тут обсуждать нечего, и вернулась на кухню. Я засунул под мышку книгу и, раз-два-три, небрежно пошел следом. Валерия и Кики готовили на кухне завтрак в четыре руки. Они передвигались, как в танце, быстро и мелодично, разливая по кружкам кофе, щелкая тостером, без дополнительных вопросов и замечаний. «Добро пожаловать в семью, милый дядюшка...»

Странная жизнь моя развивалась в доме на Вацлавской площади. Я привыкал не ревновать Валерию к ее самостоятельным желаниям, а Кики, по общей договоренности, привыкала ко мне. Она поселилась у нас в гостиной, иногда пропадая на пару дней и неизменно появляясь снова. «Как вы тут поживали, милый дядюшка? Все ли дырочки посетили?» Кики целовала меня в правую щеку и подставляла для поцелуя свою, но дальше трогательного почмокивания дело никак не двигалось. Единожды я приложился к ее груди своими ладонями и тут же получил подзатыльник. Это произошло так быстро, что я даже не сообразил, кто именно треснул меня по башке – Кики или стоявшая неподалеку Валерия. «Еще раз так сделаешь, и мы оборвем тебе ушки, милый дядюшка». Какой-то физической близости между Валерией и Кики я, в общем-то, тоже не замечал. Девушки держались, как и положено подружкам, без сексуальной предрасположенности. Не скрою, что их поведение несколько меня озадачило. В некотором смысле я даже был разочарован. Тем более что и моя сексуальная связь с Валерией нарушилась. «Не надо, не надо, милый дядюшка, ведь мы же договаривались...» О чем, позвольте узнать? Но я молчал, ожидая, когда девушки растолкуют мне, что к чему. «Это должно быть красиво, милый дядюшка». Не спорю. И нередко я представлял себе, насколько красиво может выглядеть обыкновенная ночь любви с Валерией, без присутствия Кики в моей гостиной. «Тихо-тихо, милый дядюшка, а то Кики бог знает о чем подумает!» Еще через месяца полтора, разглядывая ночью молодую жену, которая безмятежно посапывала рядом на постели, я решил, что либо Кики в течение ближайшей недели привыкнет ко мне, либо пусть убирается к чертовой матери и не мешает нам жить полнокровно. «Женщины – чувствительные натуры, милый дядюшка». И я задабривал чувствительную натуру

Кики щедрыми подарками по всякому неподходящему поводу. Особенно постарался, когда Валерия мне шепнула, что завтра у Кики день рождения. Я устроил для Кики «шикарное», по выбору Валерии, ожерелье. «Дорогая Кики! – торжественно сказала Валерия. – Поздравляю тебя с вечной молодостью!» Смущенная Кики трогательно потупила глазки... Теперь наше семейное благополучие полностью зависело от Кики. Мне думалось, что у Валерии происходит бисексуальный перелом, когда совмещаются отдельные желания. Меньше бы я об этом рассуждал, было бы лучше. Чтобы подбодрить девушек, я зачитывал по вечерам самую прогрессивную античную литературу, а Кики только посмеивалась, не расценивая мои исторические мотивы как призыв...

...Как-то жена заявила почтенному мужу,
Что истерией больна и ей надобно похоть унять!
Тотчас приходят врачи, а врачихи скорее уходят.
Подняты ноги жены... Что за мученье болеть!..^[19]

Стихи древнего Марциала повлияли на девушек совершенно иначе, чем предполагалось. «Мы, дядюшка, теперь антикварные штучки. Нас трогать руками нельзя». Апулей, Аристофан, Катулл, Петроний, Проперций, Феокрит, Бион, Плавт, Менандр и Герод не изменили нашего сексуального положения. Однажды ночью мне неожиданно пришла в голову очередная революционная мысль, и я непременно захотел поделиться ею с Валерией. Но молодая жена никак не отзывалась на ласковый шепот почтенного мужа. Тогда я осторожно положил свою руку Валерии на плечо, чтобы она на минутку проснулась и выслушала меня. Внезапно Валерия, как в тумане, перевернулась на спину, раскинула руки и замерла, как распятая разбойница на кресте. Она не реагировала на мои поглаживания, а ведь я касался пальцами самых эротических точек и мест. Это показалось мне странным, потому что обычно Валерия просыпалась от малейшего шороха. Но... Сексуальное желание и подходящий случай распяли меня все сильнее, а Валерия совсем не сопротивлялась, и тогда я понял, что могу овладеть Валерией тайно. Где-то я вычитал о некоторых любовниках, которые сближаются

помимо собственной воли и даже не просыпаясь. Подсознательное действие, вроде ночной поллюции. Тогда, уже не сомневаясь, я намазал Валерию кремом, чтобы соитие было желанным, и... По полной программе. Честно говоря, мне казалось, что Валерия просто играет со мною в новые отношения, казалось до самого конца. Когда, как ребенок, пытаюсь установить истину, я приподнял у Валерии веко и буквально отпрыгнул в сторону. Что за оказия у этой женщины с глазами? То голубые вместо карих, то сплошные белки вместо глаз... Я накинул для приличия на Валерию одеяло и побежал в гостиную будить Кики. «Ничего страшного, милый дядюшка. Такое у нее случается. И как ты раньше этого не заметил?» Конечно, Кики меня немного успокоила, но спать в эту ночь я предпочел в кабинете, скорчившись на диванчике. Утром Валерия повела себя как обычно, только дважды провела рукою по своему бедру, направляясь в ванную, и покачала головой. Я тоже не стал раздувать из этого случая бог знает что. Просто воспользовался через неделю такой возможностью еще раз и еще раз, через неделю, и еще раз... Другого способа для любви мне не предлагалось. Валерия поглядывала на меня временами как-то странно. «Что тебе снилось сегодня, милый дядюшка?» Я не откровенничал с Валерией по этому поводу, уверенно предполагая, что иначе меня будут на ночь запирают в кабинете. Между тем аппетитная Кики продолжала разгуливать по квартире в неглиже, а я нахально перестал обращать на нее внимание. Как вдруг... «Дядюшка-дядюшка! У моря все чудесно устроится!» Я чуть было не ляпнул, что все чудесно устроилось и в Праге, но проказница Кики уселась ко мне на колени и для начала на них поерзала. А когда и Валерия подкралась ко мне со спины и довольно откровенно поцеловала, я понял, что от поездки, хоть к черту на рога, мне не отвертеться. «Мы едем на Крит, дорогой дядюшка!» Заманчивые картинки пробежали у меня перед глазами: шоколадные девушки в обнимку с пальмами – и не было никакой возможности отказаться. «С тебя денежки, от нас – девушки». Отказываться я не собирался...

Итак, всего через две недели мы оказались в Афинах. Я, Валерия и Кики. От всевозможных купальников распирало наши чемоданы, как будто мы собирались принимать участие в конкурсе «Миссис бикини – 96». Девушки выбрали самый замысловатый маршрут, для большей

романтики, и нам предстояло совершить ночную прогулку по морю до острова Крит. «Ах, это будет прелестно, дорогой дядюшка...»

Морской паром от афинского причала отходил ранним вечером 24 июля... Я страшно проголодался от перелета и нервозности, поэтому едва дождался, когда откроется этот плавучий ресторан. Кики пожелала сидеть за отдельным столиком и вообще старалась находиться от меня с Валерией на некотором расстоянии. «Она немного нервничает, милый дядюшка». К моему удивлению, Валерия тоже оставила меня в самый разгар ужина, чтобы уйти на палубу с каким-то нахальным паразитом. «Питайся, Клавдио, питайся! Мне надо поговорить...» Я сообразить ничего не успел, как Валерия вышла из ресторана, а паразит последовал за ней. «Куда это ты собрался, милый дядюшка?» Кики встала у меня на дороге, когда я решил разобраться – а в чем, собственно говоря, дело? «Экий ты непонятливый, дядюшка». Кики под села ко мне за столик и пристально посмотрела в глаза, определенным образом на что-то намекая. «Валерия никуда не денется». Я в растерянности изучал контактные линзы Кики, не ведая, что творится. «Валерия специально оставила нас, милый дядюшка». Час от часу не легче! На протяжении целого ряда недель мы имели возможность общаться с Кики, ммм, на самые разносторонние темы и полностью этой возможностью пренебрегали. Что изменилось? «Все меняется, милый дядюшка». Кики пощекотала под столом мое колено. «Между нами существует одна сексуальная проблема, милый дядюшка... Ты готов ее разрешить?» Я не был уверен, что мне обязательно что-то решать без Валерии. Но «всякие узелки распутываются постепенно», как выразилась Кики. «Один узелок, второй узелок, третий...» Короче, через час что-нибудь и развяжется, если с эрекцией у меня будет все «о'кей». Для этого Валерия предоставила нам полную свободу. Мне и Кики. «Сразу втроем ничего не получится, милый дядюшка. Женщины – чувствительные натуры». Еще беспокоил меня паразит, который отправился вслед за Валерией на палубу. Можно предположить, что Валерия не хочет оставаться в одиночестве, покуда мы с Кики развязываем узелки, а можно предположить и кое-что другое... «Дядюшка, ты мне надоел!» Согласен, согласен, согласен. «Так-то лучше, милый дядюшка». Кики отправилась в каюту «прихорашиваться», как сказала, а мне было велено дожидаться

Валерию в ресторане. Будет исполнено, мой генерал. Чтобы даром не терять время, я заказал для себя побольше пива, чем вызвал неудовольствие Валерии, когда она вернулась с палубы. Паразит по-прежнему следовал за ней. Пришлось мне знакомиться с ним и валять дурака под пристальными взглядами недовольной Валерии, которая неоднократно намекала, что пиво вредно скажется на моей потенции. «Я с режиссером выпью вина». Паразит оказался родом из Праги – «простите, не расслышал – как вас зовут?» По профессии режиссер, по сути дела – еще больший дурак, чем я. Ведь ясная картина, что Валерия – это раскаленная сковородка без ручки. С какого бока ни ухватишься, все равно обожжешься. У них завязался довольно оживленный диалог, который не совсем мне понравился, но Валерия под столом ущипнула меня за ногу, и я поспешил откланяться – «перепил пива, пора спать». В другой ситуации, конечно, я бы остался, но не было другой ситуации... Наш моногамный брак с Валерией трещал по швам. Можно пересчитывать, как пустые бутылки, всевозможные доводы – почему так случилось. Можно, в конце концов, не пересчитывать... «Волшебные колокольчики, волшебные колокольчики – как весело, как весело...» И я поплелся к себе в каюту...

Оказалось, что Кики поджидала меня у выхода из салона. Она хлопнула себя по бедру – «за это время можно было родить, милый дядюшка» – и повела по коридорам, каждый раз оглядываясь, прежде чем повернуть за угол. Кики проверяла, насколько старательно я следую за ней. Такое усердие меня насторожило. Поэтому возле каюты я уперся как осел. «Да в чем же дело, милый дядюшка?!» – кряхтела Кики, тщетно пытаясь сдвинуть меня с места. Мне хотелось непременно вернуться в ресторан и выяснить – что собирается делать с режиссером Валерия. Кики продолжала заталкивать меня в каюту, но безуспешно. Она даже попробовала завалить меня с разбега, но только ушибла себе локоть. Я стоял как скала. Не знаю, что на меня нашло. В конце концов Кики плюнула на меня, в переносном смысле, зашла в каюту, села на стул и закурила. «Черт с тобой, милый дядюшка, живи уродом». И только тогда я переступил через порог и захлопнул за собой дверь. Кики загасила сигарету, зная, что я недолюбиваю табачный дым. «С чего начнем, милый дядюшка?» Я предложил поговорить. Кики заразительно рассмеялась, совсем не так, как

Валерия. «Ты словно девушка, милый дядюшка. О чем пойдет речь?»
Я взял со стола пачку сигарет, достал одну и понюхал. Вначале со стороны фильтра, потом со стороны табака, потом чихнул.

«До чего же ты бываешь забавным, милый дядюшка...»

Это ведь не самое плохое, что можно ожидать от человека?..

«А чего ожидать, милый дядюшка?..»

А ведь я сексуальный маньяк...

«Ну давай не будешь...»

Буду...

«А кто тебе позволит?..»

Ты...

«Не выдумывай, дядюшка...»

Почему?..

«Потому что ты рыжий дурак, а не маньяк...»

Объясни нормально...

«Пошел к черту...»

Это не объяснение...

«Сама знаю...»

Тогда раздевайся...

«Это уже не разговор...»

Сам знаю...

«А зачем делаешь?..»

А ведь я сексуальный маньяк...

«А кто тебе позволит?..»

Пошла к черту...

«Не выдумывай, дядюшка...»

Буду...

«Ну давай не будешь...»

Почему?..

«Не надо...»

Мне не остановиться...

«Это не разговор...»

Объясни нормально...

«Только сейчас не останавливайся...»

Не буду...

«Милый дядюшка...»

Милая Кики...

«Ты...»
Это объяснение?..
«Не сейчас...»
Я рыжий дурак...
«Мне не остановиться...»
Не выдумывай...
«Буду...»
Только сейчас не останавливайся...
«Это не разговор...»
Забавно...
«Я тоже...»
Ты тоже?..
«А чего ты ожидал?..»
Сколько раз?
«Пошел к черту...»
Милая Кики...
«Милый дядюшка...»
Это ведь не самое плохое?..
«И почему я позволила?..»

Мы сидели на растерзанной постели наполовину раздетые, наполовину смущенные, во всяком случае, моя половина смотрелась именно так. Кики умудрялась всегда выглядеть прилично, даже в одной только кофточке. Я поспешил закутаться в одеяло, чтобы прикрыть свои недостатки и мужские достоинства. «Клавдио...» Я с удивлением посмотрел на Кики, потому что она впервые назвала меня по имени. «Клавдио, хватит строить из себя придурка. Это может плохо кончиться». Конечно, Кики была права. Нельзя рассматривать свою жизнь как представление. Как одинокий зритель, задремавший в партере. Но я по природе своей не режиссер, как тот нахал, который сейчас прицепился к Валерии. Или она к нему прицепилась, что более вероятно. «Мне надо уходить, Клавдио». Отлично, мне тоже надоел этот спектакль. Я уйду вместе с Кики. Как только вернусь в Прагу – подам на развод. «Это невозможно, Клавдио». Почему? «Невозможно». Я что-нибудь не понимаю? «Да». Четыре тысячи навоящих вопросов вертелось у меня на языке, но Кики не хотела на них отвечать. Мы оделись, застелили постель, я все время топтался вокруг да около Кики. «Дядюшка, оставь меня в покое». Кики упорно отводила взгляд

в сторону, путаясь между «Клавдио» и «дядюшкой». Я принялся выдвигать различные теории и предположения... «Пойдем, – сказала Кики, – я сдаюсь».

Довольный таким поворотом дела, я вышел следом за Кики в коридор. Кики потащила меня за руку по направлению к ресторану. Я подумал, что Кики захотелось просто выпить, и сам был не против. Но у входа в бар она вдруг остановилась и спросила: «Что ты там видишь?» Я заглянул в бар. Валерия сидела ко мне спиной рядом с режиссером. Они смеялись и выпивали. «Там сидит моя жена – Яна Райчек...» «Дурак, – сказала Кики, – это я Яна Райчек, твоя жена». И мне стало как-то, ммм, нехорошо...

Здравствуй, Секстий Юкунд! Прощай, Секстий Юкунд!

Эпитафия

В какой-то момент истории, а именно в марте месяце 59 года, поведение Нерона резко изменилось. Нерон перестал узнавать окружающих. Специально приставленный раб пояснял императору – кто именно перед ним находится. Память изменила Нерону, и каждого приходилось представлять императору заново.

Около этого времени исчез браслет, который Нерон носил с детства. Светоний рассказывает такой случай... Валерия Мессалина беспрестанно пыталась умертвить сына Агриппины. Убийцы, нанятые Валерией, преследовали юного Нерона буквально по пятам. Однажды злодеи проникли в спальню, чтобы задушить Нерона во время полуденного сна. Но бросилась навстречу убийцам ядовитая змея, которая охраняла сон Нерона. Злодеи в ужасе бежали... Как там было на самом деле – никто не знает, но кожу змеиную нашли и, по желанию Агриппины, вправили в золотое запястье, как талисман. Нерон дорожил браслетом, носил на правой руке и никогда с ним не расставался. В марте 59 года этот браслет исчез с руки императора...

Внезапно у императора проснулась страсть к театру. «Встав на сцене, Нерон через консула объявил, что будет петь „Ниобу“, и пел ее почти до десятого часа». Никому не позволялось выходить из театра во время императорского пения. «Даже по нужде и необходимости», –

добавляет Светоний. Он же пишет, что некоторые женщины рожали прямо на театральных скамьях, а многие люди, будучи не в силах дольше слушать и хвалить императора, выбирались из театра через стены или притворялись мертвыми, чтобы их вынесли оттуда на носилках. Нонсенс! Нерон, у которого, по свидетельству историков, был слабый и сиплый голос, не мог распевать со сцены на протяжении многих часов...

Император любил поразглагольствовать и вдруг замолчал и больше ни слова не произнес по-человечески. Ко всем обращался только через глашатая. На протяжении очень долгого времени никто не слышал его настоящего голоса. Он хрипел, прикрывая платком свой рот, от его шепота бросало в дрожь...

«О если бы я не умел писать!» – замогильным голосом произнес Нерон однажды и больше не нацарапал ни единой строчки...

Через год после похорон матери Нерон уничтожил всех, кто знал его с детства. Афрания Бурра, Луция Сенеку, Поппею Сабину – отравил, удавил, забил до смерти театральный император...

Хриплый шепот, постоянно хриплый шепот: «Живу я гнусно, позорно – не к лицу Нерону, не к лицу...»; «Вот напиток, достойный Нерона...»; «Ты пользуешься тем, что Нерон занят...» И вдруг – вопли, завывания в полный голос: «Какой великий артист погибает!..»

*Все раздарить я хочу без остатка красивым
девчонкам, только беда – ни одна девка не нравится
мне.*

*Надпись, начертанная на развалинах
в Риме*

Я, Луций Домиций Агенобарб, а впоследствии Нерон Цезарь, родился пятнадцатого числа декабря месяца тридцать седьмого года... в Праге. При крещении получил имя Британик, но практически им не пользуюсь. Цезарь Нерон – мое настоящее имя, истинное обличие и диагноз.

Многочисленные выродки нашей фамилии всегда славились дурными поступками даже среди непритязательных римлян. То раба какого-нибудь зарежем, то в народном собрании выбьем кому-нибудь

глаз... И когда над моей головой стали собираться тучи, я решил, не дожидаясь грома, временно укрыться в каком-нибудь потаенном месте – инкогнито. Порывшись в собственной генеалогии, я обнаружил рыжебородого двойника, а вдобавок – актера. Под видом мистерии усадил комедианта на императорское кресло и, хихикая, растворился на глазах у всего Рима. Теперь рыжий Агенобарб, бездарный паяц, казнил, травил, насиловал моих подданных, что мог бы проделывать я, но более одаренно. Освоившись в пакостях, Агенобарб принялся разыскивать меня, здраво рассуждая, что не след нам обоим топтать эту землю и греться под солнцем. Имперские сикофанты обшарили всю поднебесную в надежде нащупать мой след, да тщетно... В Греции обнаружили самозванца, который выдавал себя за Нерона, глупый. Любителя острых ощущений настигли, отрезали буйну голову и отослали в Рим. По свидетельству историков, многие видели в Риме эту голову – она поражала всех диким взглядом, косматой гривой и свирепым выражением лица. Но это был не я...

После смерти Ацеррони и Агриппины я задержался на некоторое время в Байях. Принял участие в похоронах, стоял возле свежей могилы и разглядывал исподлобья своих подданных. Они стенали у гроба Агриппины, показушники; родственники Ацеррони горевали у второго гроба – подружек закопали рядом, близ Мизенской дороги, на местном кладбище. Два холмика земли – вот и все, что от них осталось. Как будто почерневшие женские груди выпирали на поверхность, и я ухмыльнулся от подобного сравнения. Мою гримасу расценили как произвольную мимику, как полное расстройство. Я произнес довольно сдержанную речь: «Э-э-э...» – и первым пошел прочь. За мною двинулись и все остальные, только родственники Ацеррони продолжали рыдать у своего холмика.

Дома я перевероршил бумаги и вещи Агриппины, обнаружил достаточную сумму денег на первое время, чем остался весьма доволен, но принял это как должное. В Праге у Агриппины имелись и другие сбережения; я унаследую все, что мне положено по закону, и даже больше – если как следует потрясти моего папашку Клавдия. Пусть и он раскошелится, раз горе такое... Я бродил, попивая вино, по саду, и каждый кустик, под которым я ставил Ацерронию, возбуждал меня до невозможности. Только эта утраченная возможность вызывала у меня чувство сожаления. «Сочти, Нерон, убийца своей матери!» А

кто водил моими руками – я или провидение? Все, что я совершил, было предначертано в мировой литературе. И только при мастурбации – своими руками вожу я. Вот почему современный писательский труд можно расценивать как онанизм. Мастера античности обладали литературой по-всякому, и, если вам захочется теперь трахнуть литературу в ухо, это будет выглядеть по-новому, но никому не принесет сексуального удовольствия. Ни современному автору, ни мировой литературе. Поэтому надо читать античные книги, восхищаться, привязывать к члену авторучку и тихо мастурбировать себе в стол...

Я сравнивал свое желание и боязнь обладать матерью Агриппиной с писательскими потугами – залезть на самую вершину творчества... Я как будто надругался над Литературой, которая выкормила всю европейскую цивилизацию. Я разрывал на Агриппине обложку, бесчинствуя, как молодой вандал, с хрустом разворачивал странички – и раком, и боком, и свесившись со стола, и закидывая ноги – имел ее, покрикивая: «А вот она где!!! А вот она где!!!» Без пиететов. Она пробовала учить меня жизни, прививала мораль, а я трахал ее с молодым задором, и в первую очередь потому, что так не полагается. Потому, что это «родительный падеж», а вот я хватаю его за сиськи и кручу, как «именительный». Вы мне говорите, что «Нерон» – это «прошедшее время», а я натурально беру Агриппину и превращаю его в настоящее. «Был, Есть, Буду!!! Был, Есть, Буду!!! To be, Was, Were, Been!!!» И попробуйте мне сказать, что это неправильные глаголы. Я рассмеюсь вам в лицо и трахну Агриппину еще раз...

Я сравнивал подружку Ацерронию с податливым романом – это такое физиологическое упражнение со словом, где «под каждым ей кустом был готов и стол, и дом». Я раскладывал Ацерронию – как придется, не торопясь, где попало – и проникал в нее извращенным способом, как это не предписано для зачатия. Но почему же именно таким образом я получаю больше удовольствия? Разница между античной и христианской литературой очевидна. Небольшое расстояние между анусом и влагалищем. Все литературные формы – повесть, роман, эпиграмма – разработаны еще в Древнем Риме. Христианские писатели открыли для себя Вдохновение. И теперь, будьте добры, душевно отдайтесь в античной позе – вот и все, что требуется от женского пола. А также от литературы. Мать Агриппина и

подружка Ацеррония – соедините их для меня воедино, и только тогда я успокоюсь и перестану безумствовать. Только тогда я не буду иметь Ацерронию в непотребные места на глазах у Агриппины и больше не буду шляться по литературным борделям. Где, отталкиваясь от цитат из античных книжек, можно заниматься плагиатом, как непотребством. Получать гонорар и литературную гонореею одновременно... Все эти сравнения придавали моему поступку особый смысл. Впрочем, я несколько увлекся, хотя и многое себе объяснил...

Родственники Ацерронии приходили высказать мне свое соболезнование. Они выстроились вкруговую, и была среди них зеленоглазая литературная мартышка, которая постаралась в неумелых, но искренних стихах выразить всеобщее горе по поводу кончины подружек – Агриппины и Ацерронии. Мне захотелось трахнуть эту мартышку так же нахально, кверху ногами на столе, как я проделывал это с Ацерронией. То-то удивились бы ее родственники. Но я только выразил ответное соболезнование, и мы разошлись мирно, как расходятся по рукам из магазина книги разных по мастерству авторов...

Время от времени ко мне в домик забегали белокурые германки со всякой снедью. Среди окрестных жителей считалось, что я страдаю в одиночестве и тоске по матери Агриппине. Германки меня подкармливали, а я их подпаивал. Германки, вероятно, думали, что меня надо приободрить душевно, а я желал сатисфакции физиологической. Ничто меня так не возбуждает, как совершённое преступление, замешанное на инцесте с литературой. Конечно же, я оговорился – на инцесте с матерью, хотел сказать я. Ведь только мать – основа ассоциативного мышления, а не телевизор и Ацеррония. Последней требовалась замена, и я поглядывал на забегающих германок более чем откровенно. Но, к моему сожалению, германки были тупыми коровами и мыслили стереотипно: у юноши горе, ему не до физических упражнений. Никто не подозревал о моем преступлении и также о моих мыслях. Германки кормили меня супом, я доставал из погреба вино и требовал, чтобы германки разделили со мною трапезу. Честно говоря, я боялся отравления. «Кто их ведаёт, холодных германок, – подумывал я, помешивая ложкой в супе, – возьмут и отравят чем-нибудь». Каждый раз с надеждой в голосе я намекал германкам, что душновато нынче в моем домике, но они

только закутывались поплотнее, и даже ляжки их не обнажались, когда германки присаживались на диван. Прав был Набоков, когда развлекался с юной Лолиткой. Великовозрастные германки не возбуждались от случайного прикосновения и не будили во мне воображение, потому что были чинны и благородны, как правильная литературная речь. Они развились, заостенели и не хотели трахаться со мною на гробе матери. Им это в голову не приходило...

Я старательно не замечал действительности, разгуливая по саду, и на всяческие цветочки и окружающую природу меня тянуло лишь пописать, а не отразить ее письменно. Почему вид кустика или заходящего солнца в литературе должен олицетворять мое настроение? Настроение у меня самое подходящее, чтобы кого-нибудь трахнуть... Бабахнуть, бубухнуть – считается, что подобные слова шокируют читателя больше, чем слово «обладать». Но это смотря как обладать и как трахнуть. Все зависит от техники исполнения, и разные слова тут ни при чем... Я открывал античную литературу, чтобы увидеть разницу в словах и получить известие из Рима...

«После убийства матери, наполовину безумный, он строит планы извести весь сенат ядом на пирах, столицу поджечь, а на улицы выпустить диких зверей, чтобы труднее было спастись...»^[20]

Рыжий Агенобарб тешился своим положением – казил без меры и без разбора, пиры затягивал от полудня до полуночи, в звериной шкуре выскакивал из клетки и набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин. По известной причине в Байях я не мог совершить ничего подобного, но мысленно был с Агенобарбом и мысленно делал все то же самое, но молва хулила только меня, потому что не было никому известно – какая рыжая сволочь пользуется моим именем. И вероятно, моему народу было поистине все равно – кто выступает под прозвищем Нерон Цезарь, поскольку сама роль украшала никудышного актера. Мне только оставалось сожалеть, что не могу исполнить ее более талантливо. Наставника моего Сенеку рыжий Агенобарб просто заставил покончить жизнь самоубийством, а он бы у меня задохнулся от собственных книжек, гадкий и лицемерный старик. Я бы приказал ему сожрать все «Нравственные письма к Луцилию», потому что волк на самом деле призывал овец быть кроткими и приходил к нему на обед, не сопротивляясь. Как только овца собиралась дать волку в челюсть, тут же Сенека потрясал

своими книжечками и блекотал: «Нельзя-ая-ая-ая!» В этом и заключалась наша с ним общественная мораль: когда шлепаешь овцу по щеке, а она обязана подставить тебе вторую щеку. Сопротивляться – «нельзя-ая-ая-ая!». Волки строят храмы и прививают овцам моральные принципы. Обыкновенная овца и сама по себе знает – чего можно, а чего нельзя, но только волки сотворяют из добродетелей культ, чтобы пользоваться этим культом как зубами.

Рыжий Агенобарб планомерно уничтожал всех близких мне ранее людей, которые могли бы распознать подмену. Афранию Бурру он пообещал дать лекарство от горла, но послал ему яд. Беременную Поппею Сабину бил ногами в живот, покуда она не скончалась. Вольноотпущенника Палланта удушил каким-то образом, чтобы тот не мозолил ему глаза и не задерживал при себе деньги по завещанию. Он приказывал умереть всем неудобным и многознающим – без промедления, для надежности посылая «врачей» к самым нерешительным, чтобы «врачи», видя заминку, вскрывали «пациентам» вены. «Пока живу, пускай земля огнем горит!» – воскликнул рыжий Агенобарб на каком-то сборище, и я подумал, что пора уносить ноги. Сматываться в Прагу.

Около одиннадцати часов вечера я выпил последний бокал красного вина, помните – «цвета сосков Агриппины», сложил античные книги в рюкзачок и спустился на первый этаж. Там, в углу, на примете у меня стояла канистра с керосином. И дальше что я сделал – стал разбрызгивать керосин по разным комнатам и обстановке. Я решил сжечь домик в Байях, как рыжий Агенобарб подпалил незадолго до этого Вечный город. Меня нисколько не тревожило, что погибнет во пламени мое наследство и память об Агриппине, погибнет сам домик, которым Агриппина так дорожила. Я окропил керосином кровати, плеснул на туалетный столик, плеснул на свою детскую фотографию в рамочке, что подчеркиваю особо и ради дополнительного впечатления о моей персоне. Все мне здесь обрыдло, как в темнице – в людях со временем накапливается столько мусора, столько правил, привычек и воспоминаний... Я чиркнул спичкой и вышел из домика в сад...

Вначале огонь метался за окнами, как будто Агриппина и Ацеррония бегали по дому с карманными фонариками в руках. Тени двух женщин плясали на стеклах, переплетаясь между собою, а потом стекла начали лопаться. Я стоял неподалеку от дома, «наслаждаясь

великолепным пламенем», и нашептывал поэму «Крушение Трои». Когда пламя фыркнуло из-под крыши и рассыпалось с треском, как фейерверк, к домику с разных сторон стали сбегаться перепуганные германки. Они тормозили меня, спрашивали – как это могло случиться, бегали вокруг в растерянности и вскрикивали: «Воды-воды!» «Огня-огня!» – передразнивал я германок, но про себя, и поглядывал на германские полуприкрытые прелести. Некоторые из них были крупноваты, но все равно – я бы с удовольствием позабавился, катаясь с германками на пожарище. И чтобы пламя касалось языками наших одежд, и чтобы длинные волосы германок пылали, и чтобы глаза блестели, и чтобы нас поливали вином, и чтобы все хохотали. Я даже громко застонал от возбуждения, но германки опять поняли меня превратно и принялись с удвоенной силой утешать и гладить, а я стиснул зубы, чтобы сдержаться и не схватить какую-нибудь за задницу. В общем, когда прибыла пожарная команда, тушить уж было нечего. Обугленные стены торчали посреди сада, как недоразумение, крыша обвалилась, и ворошить пепелище – только пачкаться. «Дом застрахован?» И я ответил: «Денег мне не надо», – потому что: «Дом сгорел от моей неосторожности». Все равно бы факт поджога установили, а для чего мне неприятности со страховой кампанией. Как видите, я соображал – что к чему...

Тут же я собрался ехать в Прагу, как стоял, но германки, естественно, меня не отпускали. Отрядили за мною пригляд в виде толстой и одинокой германки и проводили до ее хижинки. «Тетка Лепида» – так я окрестил эту сорокалетнюю женщину, разбухшую от хорошей жизни. Она принялась накрывать на стол, я сидел с рюкзачком за плечами, разглядывая пред собой пространство и время, и тогда тетка Лепида помогла мне освободиться от верхней одежды. «Кофе или чай?» Я с отвращением поморщился, достал из рюкзака бутылку красного вина и предложил тетке Лепиде выпить за упокой души моего домика. Она покряхтела ради приличия, потому что в ее буржуазной сущности не принято было распивать спиртные напитки с юношами в первом часу ночи, но выпила весь бокал до последней капли, поскольку за упокой чего-нибудь материального требуется пить до дна. И тут же моментально раздобревшая тетка Лепида пошарила в холодильнике и вытащила оттуда еще одну бутылку вина, но только другой марки. Ночь обещала быть приятной. Тетка Лепида стала

подкладывать мне на тарелку еды и задавать дурацкие вопросы – как я собираюсь жить дальше... «Прокормимся ремеслишком», – отвечал я тетке Лепиде, как некогда отвечал рыжий Агенбарб, имея в виду свои дрянные актерские способности. Но подлинным мастером перевоплощения, конечно же, был я, Нерон. Поэтому после второго бокала я стал осторожно поигрывать со своим воображением, представляя солидную тетку Лепиду в качестве знаменитого обжоры, который за один присест съедает целого кабана и выпивает больше кадки вина. Мне даже хотелось бы кинуть на растерзание тетке Лепиде живых людей, чтобы она сожрала их сырыми.

Неожиданно тетка Лепида, глядя на меня, зарыдала: ей тоже показалось, что несчастнее меня нет на земле человека. Тогда я вспомнил, что видел уже эти слезы умиления, когда Лепида лежала в постели, страдая от запора. Тетка ласково погладила рыжий пушок на моей щеке и сказала: «Увидеть бы мне эту бороду остриженной, а там и помереть можно». Я тут же ответил, что остригу бороду хоть сейчас, и велел своим «врачам» дать тетке Лепиде слабительного сверх всякой меры. Она еще не скончалась, как я заграбастал ее наследство, скрыв теткино завещание, чтобы ничего не упустить из своих рук. Теперь было бы можно повторить это развлечение или придумать что-нибудь другое...

И тогда я рухнул к тетке Лепиде на грудь и между ее «арбузов» пристроил свою голову. Тетка Лепида слегка потеряла равновесие и откинулась на диванные подушки, но продолжала лить слезы, размазывая их по моему лицу. Она ухватила мою голову обеими руками, прижала к себе, и я проваливался между «арбузов» все глубже и глубже. Царь Эдип хохотал из могилы, предчувствуя эту сцену, я раздвинул тяжелые ляжки тетки Лепиды и вошел в нее полностью, как нож в масло. Не знаю – чего она ожидала, но только не этого. Урок, что негоже так сопереживать юношам. Я выглянул краешком глаза из-под «арбузов» – тетка Лепида замерла, рассматривая потолок, будто было там нарисовано нечто удивительное. «Чудо! Чудо!» – хотела воскликнуть, видимо, тетка Лепида, хотя никакого чуда и не случилось. Я просто и быстро сдвинул на ней трусы влево – опыт, приобретенный с Ацерронией. Для перевоплощения я принялся шмыгать носом на груди у тетки Лепиды и содрогаться от хохота, что, впрочем, сошло за рыдание совсем расстроенного молодого человека.

И тетка Лепида, припомнив – какое у меня горе, возобновила поглаживание моей головы, утешая юношу звуками «шшшш, шшшш...». Вскоре звуки поменялись на «ххххх, ххххх...». А потом и вовсе на «оохы-ы, оохы-ы...». В полном соответствии со всеми женскими орфоэпическими правилами... И тут мы снова подошли к проблеме античной литературы на современном этапе... Не я с теткой Лепидой, а мы с вами...

Пренебрегая такими специфическими терминами, как синонимичность и аллитерация, тем не менее нам придется найти для тетки Лепиды место, чтобы оправдать действие. Иначе я рискую застрять, как глагол у нее в глотке. (Не беспокойтесь, я не забываю про действие и в дальнейшем подробным образом опишу – как глагол оказался там.) И кажется мне, что между потоком сознания и конструкцией тетки Лепиды существует прямая связь. Как широкая река, этот поток заполняет собою книгу от корки до корки, и не всякая птица долетит до середины могучего потока. Богом дан нам язык, и вот мы его чешем об тетку Лепиду... Кстати, ей это нравится...

Здесь, не выдержав долгих рассуждений, мой восклицательный знак выплеснул жирный дефис, а следом и многоточие (!-...). Далее, по всем правилам, восклицательный знак стал склоняться в вопросительную позу, и назревали препинания, в данном случае с теткой Лепидой. Потому что ненасытная тетка желала утешать меня и дальше, пренебрегая орфографией. Пришлось напомнить ей о составе предложения, по части соподчиненных членов, и тогда Лепида смущенно отпустила меня из-под своих «арбузов». Великое слово – «нравственность», когда тебе уж больше ничего не хочется... Кое-как собрав свои телеса в кучу, тетка Лепида принялась хлопотать возле меня, стараясь оправдаться в собственных глазах заботой о подрастающем поколении. Как будто между нами ничего не произошло, но я уже не сомневался, что именно благодаря «нравственности» избавлюсь от опеки германок и тетки Лепиды. Даже придумал – как... Ведь чтобы люди молчали, надо вовлечь их во что-нибудь неприличное с точки зрения христианской морали, а это совсем несложно, учитывая, что каждый человек наслаждается двойной жизнью... Античной и современной. И только истинные язычники, как я, Нерон Цезарь, совершенны и аморальны. Нас мало, мы

маргинальны и существуем по собственным законам с незапамятных времен. Эксплуатируя овец и баранов вроде моего папашки Клавдия...

Как следует натешившись Бахусом, я предложил захмелевшей Лепиде игру, от которой она вначале отказывалась, но, совершив первый ход, уже не смогла остановиться. Я поймал тетку Лепиду на том, чего сам никогда не делал. Я потребовал у тетки обучить меня премудростям любви, иначе мне совсем непонятны некоторые строчки из античной литературы. И пусть лучше тетка Лепида, благородная матрона, растолкует мне все подробно, иначе моим образованием займется какая-нибудь подзаборная шлюха, что будет весьма прискорбно. Последний довод сломал целомудренную Лепиду окончательно, она покраснелась и согласно кивнула. Ведь главное для женщины – придумать себе оправдание, и можно делать все, что душе угодно. Это я понял из опыта с Ацерронией, которая, впрочем, оправдывается теперь в другом месте, сообщая с Агриппиной... Обе синие и обе покойные. А все потому, что надо быть цельной личностью, не перепрыгивая с христианской морали на языческую мораль по собственному усмотрению... Тогда я достал из рюкзака славного Марциала и зачитал пару строк для начала обучения...

В целом городе ни один не скажет,
Будто он поработал на Таиде.
Почему же от мужланов нет отбою,
А Таида все чиста?
Сосать умеет... [\[21\]](#)

Удивленная, тетка Лепида вытаращила на меня глаза: «Неужели в античности занимались такими же вещами?» Нет, тетка Лепида, мы были статуями... Конечно занимались, вспомни молодость, просто долгое время об этом не говорили, но все возвращается на круги своя... И тогда Лепида опомнилась и сделала это мастерски... Я продолжал...

Ночь я провел – и с такой шаловливой девчонкой...

(Вот уж... Тетка Лепида жеманно опустила глазки...)

Что не способен никто в играх ее превзойти.

«Ах ты резвушка моя! Так давай же... побудешь мальчишкой!»

И согласилась она – «Ах!» – безо всякой мольбы.^[22]

Тетка Лепида принялась отнекиваться, утверждая, что никогда не делала ничего подобного, ну, если только пару раз с бывшим мужем... Я усомнился и оказался прав – тетка Лепида стала мальчишкой, даже не поморщившись... Наоборот, этакая метаморфоза очень ей нравилась. Тетка Лепида покачивалась на четвереньках, как опрокинутый на пол комод, я отирался с тыльной стороны, которую практически никто не видит, если комод стоит у стены. «Это мне подходит, мой мальчик, это мне подходит...» – мычала Лепида, и я погружался в нее, как лифт в шахту, а тетка с удовольствием сопровождала движения «кабины» разными звуками. Глупцы пишут: «Проникновение в шахту лифта опасно для жизни». Они ничего в этой жизни не понимают. «У-у-у-у-у!» – гудела басом тетка Лепида, когда лифт медленно уходил в бездну. Однако все имеет свое начало и свой конец – и лифт останавливался. В этом месте тетка Лепида клацала зубами, как будто переключала скорость. Лифт стремительно возвращался. «И-и-и-и-и!» – визжала тетка Лепида не своим голосом. И все повторялось снова. Во время движения накапливались пассажиры, и очень скоро перегруженный лифт дрогнул и выбросил пассажиров в бездну. Мы с теткой Лепидой проводили их прощальными вздохами. Я забрал из тетки свой лифт и был таков...

«Ну что же, дорогой мальчик, – промолвила тут тетка Лепида, – ты неплохо справился с трудной темой...» Она полностью уже освоилась с ролью классной наставницы и, нисколько не смущаясь, отерла себя какой-то тряпочкой, чтобы не капать на пол. Друг мой, Петроний Арбитр, рассуди на эту тему: почему, когда женщине предлагаешь, она поначалу отказывается, а когда берет – ей все мало? «Какой предмет ты хочешь изучать дальше, дорогой мальчик?» – спросила у меня тетка Лепида и подбоченилась. Мои глаза перескакивали с одного предмета тетки Лепиды на другой, и не было в комнате достаточного расстояния, чтобы рассмотреть тетку Лепиду целиком. Куда бы я ни отошел, тетка Лепида все равно оказывалась

слишком близко, что мешало окинуть единым взглядом ее фундаментальную фигуру. Два «арбуза» касались пупырышками живота тетки Лепиды, дальше подрагивал сам живот с темным пупком на возвышенности. Отчаянная капля катилась по животу вниз, и не было у меня столько времени дожидаться, покуда капля доберется до черных зарослей тетки Лепиды. Оттуда выглядывал розовый кукиш, словно кончик языка между губами, и достаточно ясно намекал, что тетка Лепида дразнится. «Съешь арбуз!» – приказал я тетке Лепиде, чтобы она умерила свой пыл и прекратила надо мною подтрунивать. Тетка Лепида приподняла свои арбузы правой и левой рукой, взвесила – который из них потяжелее, и спросила: «А где это сказано в античной литературе?» «Нигде», – отвечал я, потому что – какая нужда воспевать римлянам такие сиськи, которые в руке не помещаются...

Ты не давай вырастать грудям моей милой, повязка,
Чтобы, лаская, их мог я в руке поместить... [23]

«Тогда – нигде, а теперь...» – пробурчала тетка Лепида, приподняла повыше свой левый арбуз, наклонила голову и облизала языком пупырышек, для начала. Потом хитро покосилась на меня и добавила: «Не все, значит, умели делать в древности. Кое-что новенькое можем и мы показать...» – засунула, я клянусь, половину сиськи себе в рот и важно почавкала. «Фе фочешь?» – спросила у меня тетка Лепида, указывая пальцем на правый арбуз. «Что?» – не понял я. Тетка Лепида выплюнула сиську изо рта и повторила: «Не хочешь ли?..» Она предлагала и мне полакомиться. «Отведаю, – согласился я, – с вареньем». «С черничным или с малиновым?» – оживилась тетка Лепида, потому что на самом деле в этом состояло ее предназначение в жизни – кормить мальчиков. Хотя, впрочем, кто знает, кто знает... Должна ведь найтись и для тетки Лепиды доля своего сумасшествия. Я накидал ложкой на правый арбуз черничного варенья со сливками, тетка Лепида, хихикая, повязала мне на шею передничек и чинно присела за стол, чтобы не обляпать вареньем всю комнату. И даже положила правую сиську мне на тарелку. Свою порцию тетка Лепида предпочла отведать со сметаной. Ну что же сказать – все было достаточно вкусно. Только тетка Лепида слишком увлеклась, поливая

сиропом себе на сиську да поучая – как надо правильно слизывать варенье. «Ешь не торопясь, но чавкай и причмокивай, – подговаривала меня тетка Лепида. – Обойди вокруг да около, коснись главного, а теперь набери полный рот и втягивай... О!» Я так и сделал, молча, потому что трудно разговаривать с набитым сиською ртом. Тетка Лепида не забывала, однако, давать наглядные примеры на другой сиське, вращая языком и глазами...

Оргия затягивалась, а, между прочим, неотложные дела призывали меня следовать в Прагу. Поэтому я предложил тетке Лепиде последнюю игру в знак полного к ней расположения. Она сразу же согласилась, возбужденная нашим обедом больше, чем можно было ожидать в ее возрасте от пупырышков. Не ведаю – чей язык довел тетку до такого изнеможения, мой или ее собственный, но только уверен, что литературный язык тут ни при чем. Лепида бурно дышала, как Везувий перед извержением, – привязать обезумевшую тетку к стулу было моим юношеским долгом. Почитая старших, я не мог допустить, чтобы тетка Лепида вырвалась на волю, позоря свои седины и насилуя малолетних. Лепида нисколько не сопротивлялась, ожидая чего-нибудь необычного от античной литературы, и я прикрутил ее крепко-накрепко бельевой веревкой. Здесь необходимо пояснить, что со стула я убрал сиденье, поэтому тетка Лепида расположилась на голом каркасе между подлокотников. Снизу к «пенатам» тетки Лепиды имелся обширный доступ, и только поэтому тетка сидела смиренно, предвкушая удовольствие. У нее просто-таки разыгралось воображение по причине открытого пространства со стороны задницы. Я проверил, насколько крепко держат веревки тетку Лепиду, и остался доволен своей проверкой – веревки держали хорошо. Тогда я вытащил из кастрюли морковку, натуральный продукт, и показал морковку Лепиде. «Ой», – тихо заметила тетка Лепида. «Угу», – подтвердил я и отгрыз у морковки кончик. А затем посадил морковку в огород между зарослей, чтобы тетка Лепида оттуда не дразнилась. «Ой», – заметила тетка Лепида вторично. Я присел на корточки и некоторое время понаблюдал за морковкой. «Расслабься», – предложил я тетке, но жадная Лепида не отвергала морковку, что, впрочем, устраивало меня полностью. «Хороша же будет тетка Лепида, – подумал я, – когда завтра германки обнаружат ее в подобной позе с посторонними предметами в огороде». Тогда я стал одеваться,

поглядывая на тетку Лепиду со значением. «И что же дальше?» – спросила Лепида, потому что рот оставался у нее свободным – пускай зовет на помощь, если совесть позволяет. Но думаю, что тетка Лепида будет молчать, оттягивая момент объяснения – почему вдруг она в таком виде. Я надел свой рюкзачок и, пожелав тетке всего доброго, взялся за ручку двери... Подозрительный стук заставил меня оглянуться. Так и есть – тетка Лепида смущенно поглядывала на меня, а морковка валялась на полу под стулом. Пришлось вернуться, поднять морковку и посадить ее поглубже, что, впрочем, не причинило тетке Лепиде никакого вреда. Я тогда погрозил ей пальцем и окончательно распрощался...

Светало... Озеро окутывал туман, как тайну. Дорога змеилась среди домиков с погашенными окнами, тишина бродила вдоль этой дороги, и только квакали утренние лягушки и осторожно подвывала тетка Лепида у меня за спиной... Несколько километров до железнодорожной станции я отмахал без задержки. Взял билет до Праги на проходящий поезд и уже через полчаса помахал ручкой Байям из окна вагона. После чего растянулся на своей полке и, утомленный чудачествами Лепиды, проспал до самого Рима...

«Ему стало сниться, что он правит кораблем, и кормило от него ускользает, что Ацеррония увлекает его в черный мрак, что его покрывают стаи крылатых муравьев, обступают и теснят статуи, что его любимый скакун превратился сзади в обезьяну, а голова осталась лошадиной и испускает громкое ржание...»^[24]

...В половине шестого «пи-эм», точно по расписанию, меня разбудила проводница, и я успел заметить, какого цвета у нее трусы, когда проводница наклонилась, чтобы поднять какую-то гадость с пола. Трусы были красного цвета, как стоп-сигнал у семафора, и я подумал, что вот мы и приехали. Город Рим обрушился на меня многочисленными звуками, но не было в них стройности, как в симфонии, в трагической симфонии, которую полагалось исполнить по случаю моего приезда. О Рим, помесь «Сатирикона» и «Анналов» Корнелия Тацита, никто меня не встречал на Главном вокзале. Неузнанный и одинокий, я отправился пешком до своего дома – как время от времени появлялся на этих улицах рыжий Агенобарб, переодетый простолудином, и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Я читал, что забавы моего двойника не были безобидны.

Людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал во Влтаву. Речка такая, которая делит город Рим на две части. Агенобарб вламывался в кабаки и пивнушки и грабил посетителей, а добычу продавал в Пражском Граде, где он устроил лагерьный рынок, неподалеку от императорского дворца. Неоднократно Агенобарб рисковал своим здоровьем в потасовках, но судьба берегла комедианта и обманщика, а ведь ему могли бы и выбить глаз, а то и вовсе прикончить, ко всеобщему удовольствию. Один сенатор избил его чуть не до смерти, когда рыжий дурилка привязался к жене сенатора... Иногда Агенобарб тайно являлся в театр и, сидя в ложе, поощрял и разжигал страсти зрителей, швыряя в партер чем попало, камнями и обломками скамеек, и даже проломил голову одному «претору» – тоже не знаю, кто это такой, но обязательно посмотрю в энциклопедическом словаре. Бражничал также Агенобарб в купальнях и бассейнах, где прислуживали ему проститутки и танцовщицы со всего Рима – надо принять это во внимание и при случае воспользоваться аналогичной ситуацией. А случай вскоре мне подвернется, раз я уже в Риме. И, размышляя подобным образом, я пришел наконец к себе домой на Палаточную улицу.

Жрать дома было нечего. Я слонялся по квартире из комнаты в комнату, смахнул с туалетного столика Агриппины безделушки и косметические принадлежности, притащил из библиотеки изрядное количество книг и разложил повсюду в ее спальне. Я решил переселиться в комнату Агриппины, как наследник по прямой линии, и даже не сменил белье на ее постели, для наглядности. Потому что теперь я имел право на все – от простыней до империи. Вскоре голод выгнал меня из дома, я запер квартиру и спустился в кафе. «Немного еды и выпивки», – солидно приказал я трактирщику, а сам пытливо принялся разглядывать немногочисленных посетителей, разыскивая среди лиц рыжего Агенобарба. Но либо он хорошо в этот вечер загримировался, либо его попросту не было в этом кабаке. Не беда – еще встретимся. От выпитого вина и закуски я пришел в благодушное настроение, поэтому, когда за мой столик подсел молодой Отон, я не прогнал его прочь, а выслушал внимательно и любезно. Еще во времена моей матушки молодой Отон блистал при дворе и славился своей родовитостью, богатством и любовными связями. «Негоже, –

сказал Отон, – вечер коротать в одиночестве, негоже». Я был полностью с ним согласен.

Всякий раз в беседе со мною Отон превозносил прелести Поппеи Сабины. Мол, красива Поппея и страстна, и чиста, и в постели, и все прочее... Действительно, как пишет Тацит, у этой женщины было все, кроме честной души. Мать Поппеи слыла первой красавицей своего времени и даже снялась для обложки журнала «Плейбой» в каком-то году, когда купальные трусики были еще до колена. Поппея располагала средствами, речь ее была обходительной; природа щедро одарила Поппею всевозможными талантами: девяносто сантиметров окружность груди, шестьдесят в талии и восемьдесят девять в бедрах. В общественных местах Поппея показывалась редко, и всегда пряди ее волос закрывали половину лица – то ли видела плохо правым глазом, то ли потому, что это ей шло.^[25] Но под личиной скромности Поппея предавалась разврату, одинаково не считаясь ни со своими мужьями, ни с чужими. Где предвиделась выгода, туда и спешила Поппея Сабина, из чего можно заключить, что в общественных местах, среди бела дня, ее ничего не прельщало. И вот, когда Поппея пребывала в супружестве с одним римским всадником, к ней подкатил молодой Отон с предложением, от которого Поппея могла бы отказаться, да не захотела. И немного спустя их прелюбодейская связь была скреплена браком, чтобы Отону не прослыть сутенером в местном отделении полиции.

Молодой Отон неосмотрительно превозносил прелести своей жены, то ли от пылкой влюбленности, то ли с какой другой целью. Наверное, он пытался разжечь мою страсть к Поппее, чтобы совместное обладание одной женщиной улучшило его материальное положение, а также усилило его влияние при моем дворе. И теперь, сидя за моим столиком, Отон говорил, что все горячо желают Поппею, но только я поистине достоин разделить с Поппеей ложе. Что, безусловно, сделает меня счастливейшим из людей за какую-то ничтожную сумму. Эти и другие слова, полные соблазна, не замедлили возыметь на меня действие, и я решился познакомиться с Поппеей еще раз и поближе. Мы с Отоном поднялись и вышли из кабака... Поппея ожидала нас на улице и сразу же пустила в ход свои чары, притворяясь, будто совершенно покорена моей красотой и не в силах противиться страсти. Отон рассудил так – что если возникло между

нами чувство, он тоже не будет чинить препятствий для влюбленных, и требуется только сверить часы, когда ему завтра забирать Поппею. Мне показалось, что Отон несколько обиделся, как муж, который вынужден потакать прихотям своего императора, но мучается в душе и жутко ревнует Поппею. Ведь он так восхищался ее красотой и талантами незадолго до этого. И я предложил Отону посетить мой дворец вместе с Поппеей. Он несказанно удивился, все еще не веря в удачный исход дела, но я успокоил его чувствительную натуру звоном монет, и молодой Отон с радостью согласился. Втайне Отон только и мечтал использовать возникшие узы между мною и Поппеей для продвижения по службе. Отон мечтал состоять в моем ближайшем окружении, что каждому станет ясно после прочтения книги тринадцатой «Анналов» Корнелия Тацита...

Я закупил вина и всяческой снеди, и мы поднялись ко мне в квартиру. Мы – это я, император Нерон, молодой Отон и Поппея Сабина. Неугомонный Отон продолжал нахваливаться своей женой и даже показал мне некие документы, которые официально подтверждали его право на обладание Поппеей Сабиной по закону. «Так что с полицией не может быть никаких неприятностей», – добавил Отон, очень довольный своей предусмотрительностью. Он откупорил все вино сразу, все девять бутылок, как будто я собирался что-нибудь от него утаивать и прятать в холодильник. Мы расположились в гостиной, прямо на паркете, для чего отодвинули стулья и кресла куда подальше, чтобы они не мешали нам чувствовать себя на полу вольготно. Поппея Сабина вначале поглядывала одним глазом то на меня, то на Отона, а потом потребовала двойной оплаты за свои труды. Она отказывалась пить и есть, покуда этот вопрос оставался открытым. «Ну как?» – спросил у меня тогда Отон. «Очень хороша», – подтвердил я, думая, что Отону будет приятно услышать мой лестный отзыв о Поппее. «Как с оплатой?» – уточнил Отон, прихлебывая прямо из бутылки. «Цена божеская», – согласился я, потому что всякая потаскуха может рассчитывать только на то, на что способна от природы. А если она требует двойной оплаты – значит, способна на большее. Поппея Сабина сразу же повеселела, хлебнула вина и заложила пряди волос за ухо. Моментально под правым глазом у нее обнаружился синяк. «Ударилась», – пояснила Поппея, и больше мы вопросов оплаты не затрагивали. «Как твое здоровье?» – спросил у меня Отон, и я заверил

Отон, что здоровья у меня хватит. «Ну, будь здоров!» – поднял Отон тост за своего императора и вытащил из кармана пачку презервативов. Завидя эти премилые приспособления, Поппея Сабина посчитала, что прелюдия уже закончилась, и поспешила в ванную комнату. «Чего ты хочешь?» – спросил у меня молодой Отон, пользуясь временным отсутствием Поппеи. Я хотел безраздельной власти над миром, хотел, чтобы рыжий Агенобарб прекратил паясничать и корчить из себя императора, я хотел отстроить заново Рим после пожара, хотел восстановить свой Золотой дворец, внутри которого сделать пруд, подобный морю, и поля, пестреющие пашнями, а главный зал должен был вращаться и днем и ночью безостановочно вслед небосводу. Я хотел разыскивать под землей несметные клады, прорыть канал от Рима до Праги, и только тогда, я хотел сказать, можно жить по-человечески. «Тогда я начну, а ты подключишься...» – вздохнул Отон. Так тяжело вздыхает человек, обязанный выполнить свой супружеский долг вопреки желанию. Тут из ванной вернулась Поппея Сабина уже в одних чулках. «Туфли надень», – приказал ей Отон, и я подумал, что хорошо, наверное, быть женатым человеком и отдавать приказания направо-налево. Поппея надела туфли, а Отон разделся. Я заметил, что Отону совсем не хотелось исполнять свой супружеский долг и получать неземное удовольствие. Поппея очень старалась, чтобы вырастить из маленького Отона большого Отона или хотя бы полусреднего, но у нее совсем ничего не получалось. Стоя перед Отоном на коленях, Поппея насвистывала староиндийскую мелодию на сломанной флейте Отона. Как я слышал, эта мелодия называлась «Камасутра», и все здесь зависело от мастерства исполнительницы, как от Паганини, который любил поупражняться на одной струне. Только у Паганини эта струна была натянута, а у Отона – нет. Поэтому Поппее приходилось рассматривать этот инструмент как флейту и дудеть на ней, перебирая пальцами. Впрочем, невеликая длина была у флейты Отона – как у свистульки. «Сейчас», – сказал Отон, рассматривая потолок и прихлебывая из бутылки. «Меньше бы ты пил», – недовольно пробурчала Поппея, которая желала потрудиться сегодня вдвойне. «Замолчи, сука, – огрызнулся Отон, – дай подумать о чем-нибудь приятном». Конечно, я мог бы выкупить Отона из трудного положения, но не посмел вмешиваться в семейные отношения. Поппея вздохнула и продолжала играть. Она засунула свистульку Отона

целиком себе в рот, вместе с кастаньетами, она выпустила кастаньеты обратно, она щелкала по кастаньетам пальцами, а испанской музыки все равно не получалось. Тогда Поппея решила плюнуть на музыку и использовать последнее средство. «Сейчас», – повторил Отон, сопровождая свои слова убедительным жестом, когда Поппея ускакала за каким-то чертом на кухню. Она погремела в холодильнике и прибежала обратно, держа на ладонях кубики льда... И тогда Отон запел по-настоящему: «О-сана-оу-сана-гей-сана-гоу!» Поппея Сабина со злорадством стиснула его кастаньеты между кубиками льда. «Сана-гоу-сана-гей-суперстар!» Я весело подпевал Отону. И удивительное дело – свистулька Отона стала расти и превратилась в подходящий инструмент. Не рискуя дальше своим благополучием, Поппея Сабина повалила Отона на пол, как бревно, и уселась верхом на Отона. Так изображают прогрессивные художники ведьму на помеле. Туфли ей мешали, но Поппея Сабина лихо развернулась вокруг оси Отона и стала приближаться ко мне, перебирая ногами. Теперь туловище Отона волочилось за ней по полу. «О-сана-оу-сана-гей-сана-гоу!» – продолжал завывать Отон, ударяя башкой по паркету. При чем тут деньги, никаких денег не жалко, чтобы увидеть все это. «Тебе хорошо видно?» – спросила у меня Поппея и подпрыгнула несколько раз на Отоне. Кривоватенькая флейта то появлялась, то исчезала. Да только странное дело – подобные фокусы не вызывали у меня ничего, кроме смеха. И Поппея Сабина об этом догадалась. «Нет, – воскликнула она, – двух импотентов мне просто не выдержать! Я требую тройной оплаты!»

Диндим-кастрат и старик совместно возьмется с Эглой,
Но остается лежать праздною на ложе она.
Силы у этого нет, а тот по годам бесполезен,
И возбуждают себя все понапрасну они... [26]

«Премиальные! – поддакнул из-за спины Поппеи поверженный Отон. – Ты согласен на премиальные?!» Конечно же я был согласен. И от этого Поппея пришла в неистовство. Она кинулась мне на грудь и жарко расцеловала. «Не переживай, – шепнула мне Поппея, – что-нибудь придумаем. Я великая мастерица на разные штуочки...»

Освобожденный Отон моментально увял и, приподнявшись на полу, грустно поглядывал на свою теперь уже свистульку. «Так, мальчики, – деловито похлопала в ладоши Поппея Сабина, – не расслабляться!» Она велела мне раздеться, чтобы взглянуть – с чем ей придется иметь дело. Я, хихикая, снял брюки, и Поппея заметила, что я не совсем безнадежен. «Хорошо бабам, – сказал Отон, – они безразмерные». А мы с Отоном выглядели как два старых крючкотвора. Время от времени меня разбирал хохот, и я ничего не мог с собой поделать. И с Поппеей тоже. «Ладно, – сказала Поппея Сабина, – посмеялись и хватит. Кем ты себя чувствуешь?» – обратилась она ко мне. И я моментально вспомнил...

...Что Поппея Сабина только поначалу строила из себя влюбленную дуру, а потом держалась со мною надменно, искусно разжигая страсть и ревность, заявляя, что она, мол, замужняя женщина и не желает расторгать брак с Отоном. Никто не может сравниться с Отоном, даже я, император Нерон, не умею держаться с таким достоинством, как несравненный Отон, у которого все качества прирожденного властителя. А я, презренный, опутанный наложницами, пребываю в грязи и низости. Раздраженный до невозможности подобными речами и сопоставлениями, я вынужден был отослать Отона в глухую провинцию, чтобы выслушать новую порцию оскорблений в свой адрес. Теперь Поппея требовала отпустить ее вслед за мужем. Она насмеялась надо мною, называя «маменькиным сыночком», лишенным свободы действий. А когда я все-таки женился на Поппее, она физически уничтожила всех любовниц, некогда состоявших при моей особе. Отрезанную голову нежнейшей Октавии принесли Поппее во дворец, и Поппея истыкала отрезанную голову иголками, заставляя меня наблюдать за этим...

«Я – император Нерон!» – возвестил я миру. «Отлично-отлично, – воскликнула Поппея, – становитесь на стол, мой император!» Я залез на стол и возбудился от собственного величия. «О!» – сказала тогда Поппея, приблизилась и облобызала мои колени. От этого я возбудился еще больше. «Пади ниц, ничтожный!» – прикрикнула на Отона восторженная Поппея Сабина, и тот грохнулся о паркет всеми членами. «Простите нас великодушно, мой император, – взмолилась Поппея, – что не признали вас моментально. О, Нерон! Жалкие твои рабы просят о снисхождении!» Я не выдержал сладостного

напряжения и снизошел на Поппею семяизвержением. «Еще! Еще!» – стонала Поппея, прыгая возле стола, как девочка под дождем, и собирала мои капли в протянутые ладони. Я поднатужился и выдал ей последнюю порцию, как Зевс протек на Данаю в виде «золотого» ливня, да только сказочки все это про «золотой» ливень. А на самом деле Зевс обрушился на Данаю спермой, иначе – каким образом у Данаи мог родиться сыночек по имени Персей? В мифах Древней Греции так и сказано, а христиане выдумали «золотой дождик», чтобы оправдать собственное «непорочное зачатие». И нет ничего плохого, если бог сошелся с женщиной, чтобы получилось какое-нибудь подобие. Ну хоть какое-нибудь, а то ведь расплодилось столько паразитов, которые неизвестно как произошли... От обезьян, наверное...

«Ну ты даешь!...» – сказал Отон, глядя на мое семяизвержение. Он все еще лежал на полу «ниц» и только приподнял голову. «Если бы я мог кончать от разных слов... – Отон почесался и добавил: – Я бы читал книги и смотрел телевизор... и все!» Да, мы, неординарные личности, должны проживать отдельно от людей, чтобы не смущать их своими возможностями. Мы боги, когда захотим. Мы, как фантомы, бродим среди человечества, как привидения – немножко на том свете, немножко на этом. Гении среди нас – явление такое же частое, как и сумасшедшие. Мы состоим из двух половинок – безумной одаренности и гениального безумия. И люди нас не понимают. Я пригласил Поппею Сабину к себе на стол, чтобы немного скрасить разницу между мною и остальным человечеством. Так мы и стояли на столе, как две античные статуи, глядя на поверженного Отона, которого некстати разбил радикулит. Он кряхтел на полу и никак не мог разогнуться. Вероятно, сквозняками ему продуло голую поясницу.

И тут, совсем уж некстати, во входную дверь зазвонили и забарабанили. «Кто это?!!» – испуганно спросил Отон и моментально разогнулся. Я величественно пожал плечами, хотя подобным образом барабанить и звонить мог только один человек на свете. Мать моя Агриппина...

*Бани, вино и любовь ускоряют смертную
участь.*

Надпись, обнаруженная в бане

«Ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим; и взыскал кровь рабов Своих от руки ее». [27]

Яна Райчек – это я. Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Господи, с чего же начать?.. Я впервые увидела Валерию в двенадцатилетнем возрасте. «Познакомьтесь, дети! Эта девочка будет учиться в вашем классе». Триста километров от Праги, мне казалось, что наш городок – богом забытое место. Но тогда страну управляли коммунисты, которые обещали рай на всей земле и в каждом населенном пункте. Никто этому не верил, но все надеялись. Было велено оставаться на местах, чтобы сошедший на землю рай не застал тебя в дороге. Впрочем, до определенного возраста я не задумывалась – как жить, где жить и почему жить именно так. Твердила, как молитву, как «Отче наш...»: «Империалисты – наши враги», а когда приготовилась над этим поразмыслить – империалисты стали нашими друзьями. А на прилавках магазинов появились совсем другие куклы, и вот уже через пару месяцев после Бархатной революции мне стало казаться, что этими куклами играли мы с самого детства. «Отче наш, суший на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Барби и Кен въехали на блестящем драндулете...

Валерия покрутила тогда носиком, разглядывая наш класс, и присела за стол неподалеку от меня. Я сразу же захотела ввести Валерию в курс дела – кто из девчонок тут ходит в лидерах. И чего я только ни вытворяла на этом уроке. Передавала направо и налево записки, громко хмыкала по всякому неподходящему поводу, треснула раз десять книжкой по голове впередисидящего мальчишку и добилась, что меня выгнали из класса с настоящей рекомендацией – пригласить в школу родителей. Когда я гордо покидала класс, Валерия показала мне язык, и стало ясно, что мы подружимся.

«У меня есть секрет», – сказала мне Валерия после уроков. «У меня – тоже», – ответила я. Вначале мы пошли поглядеть на ее «секрет». За домом Валерии росла густая трава. «Найди», – предложила мне Валерия. Я пошарила в траве ради приличия, но только обстрекала крапивой руки. Покуда я ползала по земле, Валерия

стянула с головы бантики, покрутила головой и облегченно вздохнула. «Ненавижу, – добавила Валерия и засунула бантики в карман. – Не там ищешь». Она отпрыгнула в сторону, и оказалось, что Валерия просто стояла на своем «секрете». В земле была вырыта небольшая ямка, прикрытая осколком стекла. В ямке под стеклом копошилась зеленая лягушка – это был «секрет» Валерии. «А что будет потом?» – спросила я, разглядывая лягушку, которая терлась о стекло, не в силах оттуда выбраться. «Посмотрим». Валерия пожала плечами, и я поняла, что она не собирается выпускать лягушку на волю. Это был здоровский «секрет», я это сразу оценила, ни у кого из девчонок такого «секрета» не было. Например, у меня в «секрете» лежали медное колечко, голубая ленточка и записка: «Кто откроет – тому смерДь». Проблемы с орфографией. Валерия прикрыла свой «секрет» пучками травы и потребовала: «Ну?» Мне не хотелось ворошить свое колечко с ленточкой и запиской. Мой «секрет» явно проигрывал «жуткому секрету» Валерии с подыхающей лягушкой. «Как-нибудь в другой раз», – попыталась отвертеться я, рассчитывая придумать за это время что-то не менее потрясающее и положить под стекло. Но Валерия аккуратно взялась за мой воротничок и как следует дернула, чтобы я наконец-то пришла в себя и прекратила водить ее за нос. «Показывай», – предложила по-хорошему Валерия. Я попыталась отпихнуть ее руку, Валерия ухватила меня за волосы, я ухватила за волосы Валерии, и мы покатались по земле, постукивая коленками. Мы были почти одинакового роста и выше всех девочек в нашем классе. Наверное, поэтому мы обречены были стать подругами. Валерия оказалась сильнее. Она вывернулась, как змея, уселась на меня верхом и прижала мои руки к земле. Я никак не могла с нею справиться и только пыхтела, пытаясь освободить руки, но Валерия по-прежнему смотрела на меня сверху вниз, и ничего в нашем положении не менялось. Глаза у Валерии были такого же голубого цвета, как моя ленточка в «секрете». «А большие у тебя сиськи», – сказала вдруг Валерия, отпустила мои руки и потрогала указательным пальцем мою грудь. Через полтора месяца мне исполнилось тринадцать лет, и «сиськи» мои, конечно, были курам на смех. Будь Валерия мальчишкой, она бы получила от меня звонкую пощечину, раз у меня руки освободились, но с девочками у меня подобных разговоров еще никогда не происходило, и я не знала, как себя вести с

Валерией. Я просто от нее отвернулась. Тогда Валерия встала на ноги и добавила: «У меня меньше». И я почувствовала хоть небольшое, но преимущество. Шучу, конечно. Я тоже поднялась с земли и отряхнулась. Валерия, чтобы меня рассмешить, нацепила на голову один бантик и сказала: «Пора бы нам повзрослеть». Я посопела немного от обиды, а потом согласилась: «Пора бы». И мы пошли в гости к Валерии, и больше не было у нас «секретов», и я не расценивала последние полчаса как время уходящего детства.

Родителей Валерии я помню, с одной стороны – хорошо, а с другой стороны – как черно-белый киножурнал перед художественным фильмом. О чем-то они говорили, что-то советовали – но кто их слушал и вникал в содержание? Словно кадры кинохроники, пробежали они перед глазами и кончились. Отец Валерии – отставной полковник, мать – невыразительная блондинка. После автомобильной катастрофы я неоднократно пыталась оживить их в памяти, но все время мерещились две застывшие фотографии. Дай бог, чтобы Валерия видела их ярче, чем я. Мои воспоминания намного цветастее, когда речь идет о самой Валерии. Мы продолжали соревноваться между собой и днем, и вечером, напоминая, однако, что все остальные должны быть зрителями, а не участниками в нашем личном забеге. Вначале мы колотили всех подряд – и девчонок, и мальчишек, которые желали с нами посостязаться, а затем все просто оставили нас в покое – и сверстники, и взрослые. Кстати, мы всегда были первыми в школе по успеваемости, потому что учиться хуже всех – немудрено. Первыми, но не лучшими, из-за своего вызывающего поведения. Но, честное слово, не было судилища для меня хуже насмешливого взгляда Валерии. Если бы она повесилась и спросила: «А ты так можешь?» – я бы постаралась повеситься лучше нее. В пятнадцать лет, здоровые уже дуры, мы досоревновались в канун Рождества – провалились под лед. Я по плечики, а Валерия – по горлышко. Лед был на реке хрупкий, Валерия сделала один шаг, я – два, Валерия – три, а в результате – бежали по холоду километра четыре в обледеневшей одежде... Мы заявили к Валерии домой, стуча зубами, как зайцы по барабану. Слава богу, что никто нас не видел – наплевать, конечно, да объяснять разным дуракам ничего не хотелось. Особенно родителям. «Девочки! Девочки! Вы застудили придатки! Вы рожать не сможете!» Прости меня, Господи. Во-первых, «рожать» – не было поставлено такой

задачи, а во-вторых – с придатками все обошлось. Мы сбросили всю одежду прямо в коридоре и побежали в ванную комнату. Синие, как утопленницы, мы обе забрались в ванну, скрючились поперек и глядели, как медленно течет струя горячей воды из крана. Она текла невообразимо медленно, мы тряслись от холода, плечо к плечу, и наблюдали. «Пппоцелуй ммменя», – сказала Валерия. «Шшшшто?» – переспросила я. «Пппоцелуй ммменя, или я сссчас пппомру!» – сказала она. Мне тоже казалось, что минуты жизни сочтены. Извилины у меня в голове рассыпались и брнчали, как ледышки в стакане. Я придвинулась еще ближе к Валерии и подставила для поцелуя свои синие губы. Все равно это был конец света, апокалипсис, и надо ли думать – что делаешь? Меня трясло так сильно, что я невольно укусила Валерию, и капелька крови размазалась по нашим губам. «Кккак ххххолодно», – сказала Валерия, повернулась ко мне лицом, обхватила руками и ногами и прижалась всем телом. Мы сидели в ванне, крепко обнявшись, покуда горячая вода не заполнила ее целиком. Только тогда мы немного пришли в себя и отодвинулись в разные стороны. Но лукавый бес, прости господи, уже высек искорку, когда ударил ледышкой об ледышку...

«И пришел один из семи Ангелов, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих». [\[28\]](#)

Опять же в пятнадцать лет мы устроили соревнование на сексуальную невоздержанность. Не помню, кто начал рассказывать о красивом юноше, который трепетно поцеловал девушке руку, но через месяц мы договорились до скотоложства. «Разнузданной похоти» мы предавались по воскресеньям. «Ну как выходной денек?» – спрашивала у меня Валерия в понедельник. И, тараща глаза для убедительности, я рассказывала Валерии, как трое смелых рабочих затащили меня в подвал и по очереди, и все вместе... «А что у тебя?» – интересовалась я. И Валерия говорила, что нет ничего лучше американского негра. «Где ты взяла американского негра?» – удивлялась я. И Валерия улыбалась снисходительно. Оказывается, что эти самые негры просто кишат на нашей проселочной дороге, и стоит лишь поднять руку и проголосовать, как тут же они овладеют интересной девушкой на заднем сиденье американского «мерседеса». «Пойдем, – говорила я, – сейчас же пойдем на проселочную дорогу».

И мы сидели на обочине до темноты, поглядывая вдаль, где исчезала пыльная дорога, покуда какой-нибудь тракторист не останавливался, грохоча, перед нами и не спрашивал – а какого черта мы здесь делаем. Мы прыскали, потому что закопченный тракторист выглядел словно негр, и убегали, сгибаясь от хохота, поскольку этот чумазый «американец» жил в соседнем доме на нашей улице. «Сегодня прохладно, – говорила мне на прощание Валерия, – и негры поэтому не гуляют». И меня вполне устраивало такое объяснение.

Однажды я рассказывала Валерии в очередной раз, как плавала привлекательная девушка в реке голая и вдруг откуда ни возьмись поднялся со дна водолаз и овладел девушкой. На самом интересном, по моему мнению, месте, когда водолаз стал опутывать девушку шлангами, Валерия вдруг меня остановила. «Ведь ты же девственница», – сказала она. Конечно, я стала божиться, что ничего подобного, что, может быть, даже беременна от водолаза... «Девственница-девственница, – подтвердила Валерия, – такая же, как и я». С некоторых пор мы нахально игнорировали медицинские осмотры в школе, и поэтому наши родители, вероятно, подозревали, что мы с Валерией дефлорированы, но они боялись взглянуть правде в глаза и выяснить все окончательно. А сверстники были просто уверены, что мы распоследние потаскухи и «вимен фри», хотя никто из них не мог похвастаться, что тронул нас хотя бы пальцем. Даже разговоры среди них на эту тему грозили бы неминуемой головомойкой каждому сопливому ромео с неумемной фантазией. Мы были вне зоны их возможностей и ухаживаний. Достаточно Валерии было сказать: «Что-то мальчик пристально на тебя поглядывает – влюбился, наверное», и это было так унижительно, что «мальчик» уходил домой с синяками и шишками. Старшеклассники нам казались слишком ничтожными, вот если бы принц княжества Монако... Но где же взять «принца Монако» в социалистической Чехословакии и в трехстах километрах от Праги? Мы с Валерией были обречены на девственность. «В нашем возрасте это стыдно», – сказала Валерия. «Но что же делать?» – спросила я, скорее всего риторически, поскольку не было никакой возможности расстаться с девственностью достойно – мне в глазах Валерии, а Валерии в моих глазах. Любую кандидатуру Валерия могла расценить как «фе-е», а я не желала столь низко пасть во мнении Валерии. Уверена, что Валерия опасалась того

же самого с моей стороны. И тогда мы перебрали в уме всех представителей мужского пола в нашем городке. Пусть подождут «принцы Монако»... Но, к сожалению, картина получилась довольно скучная. С юношами «делать это» было бы унижительно для нашего «реноме», а из «трактористов» никто не захочет с нами связываться. Мы приплыли...

На следующий день Валерия после уроков повела меня в магазин «Тысяча мелочей». Мы остановились у витрины. «Там есть одна забавная штучка», – сказала мне Валерия. Она разводила руками, определяя размеры и форму «этой штучки» – со стороны, вероятно, мы выглядели очень смешно, если бы кто обратил на нас внимание. Валерия краснела и смущалась, а я никак не могла понять – для чего ей понадобилась рукоятка от напильника, или насадка от фена, или что-то в этом роде. «Какая ты дура!» – сказала вдруг Валерия, сдерживая слезы, развернулась и пошла прочь. Я догнала ее через пару шагов, сказала: «Хорошо, я куплю тебе эту штучку, только опиши ее поподробнее». Валерия вытерла слезы, рассмеялась, объяснила еще раз и осталась поджидать меня на углу. Вскоре я вернулась. «Купила?» – спросила Валерия. «Да!» – ответила я, потрясая упругим куском резинового шланга. «Сейчас же спрячь», – зашипела на меня Валерия и оглянулась вокруг. Я пожала плечами и спрятала шланг в школьную сумку. Всю дорогу Валерия молчала, разглядывая тротуар под ногами, как будто потеряла что-то или не нашла. Только возле самого дома она сказала: «Пойдем ко мне – родичи уехали допоздна». Мы бросили школьные сумки в прихожей, я позвонила родителям и сказала, что буду у Валерии учить уроки. «Выпить хочешь?» – спросила Валерия у меня. Я не отказалась. Время от времени мы курили с Валерией тайком от взрослых и наглядно для остальных и выпивали подобным же образом. «Прощай, девственность», – сказала Валерия и залпом осушила целый стакан красного вина. «Прощай», – сказала я и сделала то же самое. Я догадалась – для каких целей Валерии понадобился резиновый шланг... Таким образом, я стала «первым мужчиной» у Валерии. Валерия оказалась «принцем Монако» для меня – и тоже при помощи резинового шланга, прости меня господи...

«И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую

чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистойою блудодейства ее.^[29]

Дальше мы на ощупь постигали премудрости любви друг с дружкой, но это выглядело скорее грустно, нежели романтично. Конечно, желание возникало, желание, возбуждение, оргазм и все прочее, но каждый раз мне приходилось переступить через психологический барьер, делать глубокий вдох, как перед прыжком в холодную воду с высокой вышки. Валерия, наоборот, погружалась в меня без вдоха, и я втайне завидовала ее раскрепощенности. Она первая находила чувственные точки, она изобретала новые положения, я следовала за ней и, кажется, получала больше, чем могла подарить. Ни до Валерии, ни после нее меня никогда не влекло к девушкам, женщинам и прочим представительницам нашего пола, а с Валерией – как возбуждаешься от прикосновения собственных рук, все говорят, что это грех, и все делают. Поэтому какой-то комплекс греховности у меня по отношению к Валерии развился, но я с ним жила. Разумеется, внешне это никак не проявлялось. Я проводила время с Валерией раскованно и страстно, и, если возникала подобная тема в разговоре, я смеялась и говорила: «А что тут плохого?» Но, оставаясь с собой наедине, я не чувствовала поддержки Валерии и начинала иногда сомневаться – а стоит ли продолжать эту связь? Конечно, подобные воззрения сформировались со временем, а в пятнадцать лет я думала только о том, как бы не оказаться посмешищем в глазах Валерии. Я старалась изо всех сил не выглядеть глупой закомплексованной девочкой по сравнению с «шикарной» Валерией.

Когда случилось несчастье с родителями Валерии и она осталась одна, над Валерией поначалу хотели учредить опеку, потом хотели отправить ее в интернат, затем прошел целый год, и необходимость присмотра за ней отпала сама собой... Валерия получала военную пенсию своего отца и жила, по моему мнению, припеваючи. Она как-то сразу и необратимо повзрослела, я, зажмурясь от ужаса, представляла, что со мною произошло то же самое... Что родители мои умерли и я осталась вполне самостоятельной. Но, открывая глаза, я желала всем здравствовать и бежала ночевать к Валерии, тем более что родители мои были нисколько не против этого. «У меня осталась только ты», – как-то вскользь обронила Валерия, я моментально разрыдалась, а Валерия топнула ногой и закричала: «Не смей меня

жалеть!» Жалость унижала Валерию в собственных глазах. Самые смелые «игры» происходили между нами именно в это время. Валерия доводила меня буквально до сумасшествия своими ласками. А когда я лежала, уткнувшись в подушку, и понемногу приходила в себя, Валерия своими ноготками «рисовала» букву икс на моей обнаженной спине, и тогда я испытывала очередной и самый сильный оргазм, почти теряя сознание. Прости меня господи, но не было в моей жизни ощущений полнее и выше этого...

После окончания средней школы мы в одночасье собрались и решили уехать в Прагу. Валерии должны были выплачивать пенсию отца до восемнадцати лет, а мне, на первых порах, вызвались помочь родители. Для верности Валерия заколотила гвоздями ставни и двери своего дома – что еще делать с домом, она не знала. Мы поискали в траве «лягушкины секреты», да не нашли, сходили на речку, посмотрели на нее и помолчали, вернулись, посидели на скамейке возле заколоченного дома Валерии, подхватили вещи и отправились на автобусную остановку... Словом, без происшествий, вначале автостопом, а потом на поезде, мы добрались наконец до Праги и долго ругались возле Главного вокзала, решая – куда направиться дальше. Я предлагала остановиться хотя бы на месяц у своей родной тети, с которой была предварительная договоренность об этом, а Валерия убеждала меня, что жить в одном доме со старой пердуньей нет никакой необходимости. Веселее будет, если мы поселимся в гостинице, а потом подыщем и снимем для себя небольшую квартиру – настаивала Валерия. Вообще-то, мы собирались в Праге продолжить свое образование, благо аттестаты имели с отличием, но сделали все так, как настаивала Валерия. Вломились в гостиницу среди ночи, через две недели сняли «квартирку», а затем устроились на работу... Бархатная революция развернула перед нами прелестные картинки. Все изменялось прямо на глазах, и жить по ранее намеченному плану было бы по меньшей мере глупо...

«И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным». ^[30]

Город Прага проглотил нас не задумываясь... Мы не могли поразить столицу своими выходками, Праге было в общем-то наплевать, «город на семи холмах» видывал за свою историю и не таких обормоток... «Сердце Европы» – prah – «порог» – предел, у

которого мы с Валерией должны были бы остановиться или перешагнуть через него и пойти дальше. Наверное, глупо, но, когда я гуляла по Праге одна, мне все время казалось, что я совершаю нечто вдвойне непотребное. Например, люблю Валерию на ступенях собора. Что само по себе между женщинами не положено, а возле собора – особенно. Когда я спускалась в метро и держалась за поручень эскалатора, я невольно представляла, что съезжаю вниз по ноге Валерии. Когда я быстро поднималась по ступеням и дыхание мое становилось прерывистым, я буквально чувствовала всем телом, как бьется сердце Валерии, как отзывается на мои прикосновения грудь Валерии, и я слышу – это ее прерывистое дыхание. Прости меня господи, но когда я видела перед собою готическую дверь, таинственную дверь, как сложенные для молитвы ладони, и вдруг эти ладони слегка раздвигаются... Я не буду говорить, что я себе представляла... Обнаженная Валерия лежала передо мною, когда я смотрела на раскинувшуюся Прагу с возвышенности. Остроконечные шпили, как согнутые в коленях ноги, рука Влтава и золотые браслеты на ней, Валерия множилась на отдельные образы – то узкая улица напоминала мне о тесных объятиях, то я видела родинку, как у Валерии, на щеке дома – и снова эти образы собирались воедино, и Валерия грезилась мне огромным и многоликим городом во всей своей наготе... Этому надо было положить конец, и тем более потому, что я стеснялась посмотреть в глаза обыкновенному мужчине, ну, самому обыкновенному, чтобы он не догадался – как я его хочу, прости господи...

Работа для меня нашлась без затруднений – я просто-напросто поставила в известность свою родную тетю, мол, планы изменились и продолжать обучение я не собираюсь. Тетка поохала, известила об этом родителей и предложила мне место в семейной сувенирной лавке. Я продавала пивные кружки безумным туристам, которые забредали в этот уголок Праги, от нечего делать листала иллюстрированные журналы, дважды в день навещался мой дядя. «Как идет торговля?» – «Как обычно!» Я зевала, дядя хлопал в ладоши, я прекращала зевать, дядя хохотал, и лавочка приносила нашей семье небольшой, но стабильный доход. Конечно, кроме пивных кружек различного объема и формы, на полках стояли глиняные солдаты Швейки, лежали кожаные сумки, сумочки и портмоне, пылилась посуда из чешского

хрустала, выпендривались туристические буклеты, и падали декоративные тарелки с нарисованными пьяницами, которые молились: «Господи, да пускай все сгинет и пройдет, но только наша жажда останется во веки веков, аминь». Я щелкала по носу какого-нибудь Швейка и закрывала сувенирную лавочку около шести часов вечера – безумные туристы отправлялись в питейные заведения... Дрыгая ногами, я подтягивала на себе колготки и шла домой, в наше с Валерией однокомнатное пристанище. «Тебе не надоело?» За первый месяц в Праге мы с Валерией облазили множество мест и ресторанчиков, но знакомиться с молодыми людьми принципиально не хотели – «надо оглядеться как следует, подруга». К нам постоянно проявляли интерес, а мы продолжали корчить из себя что-то особенное, а на самом деле это разновидность провинциалок, попавших в большой город. Они либо бросаются под первого встречного, либо погибают, но не сдаются, высокомерно поглядывая на всех. Но тем не менее мы подхватывали на лету шарм и манеры женщин этого города, через месяц уже капризничали в модных магазинах и перестали шляться по всем питейным заведениям подряд, от захудалой пивной до лучшего ресторана на Вацлавской площади. Мы сумели подобрать для себя то, что надо, и успокоились, как молодожены после медового месяца. Прекратили выдергивать себя каждый вечер прочь из дома – как ночные бабочки устремляются на панель. «Скажи, тебе надоело?..» Не в этом дело... Я шарахалась от мужчин, как закомплексованная девственница, я не знала ничего другого, кроме объятий Валерии, и когда однажды в метро на эскалаторе я увидела красивого парня и неожиданно для меня это видение закончилось непроизвольным оргазмом, я поняла, что пора... Этот парень не обратил на меня никакого внимания, проехал себе мимо, я пошатнулась. «Вам плохо?» – спросила у меня какая-то женщина. Мне было тогда хорошо... Только со временем я стала Кики, обрела собственные манеры и другую разговорную речь, могла послать куда угодно и отбрить кого угодно, научилась флиртовать одним мизинцем и видеть мужчин насквозь, но скорее всего осталась в душе Яной Райчек, прости меня господи... Прости меня и за то, что обращаюсь к тебе с маленькой буквы, ибо нести подобный вздор и произносить имя твое с заглавной буквы кажется мне еще более богохульным...

Как-то вечером я нашла повод поругаться с Валерией, демонстративно оделась, размахивая перед носом у Валерии черными чулками, и отправилась в одиночестве в ресторан. У меня не было определенного плана, и план подсел ко мне за столик сам, предлагая разделить с ним трапезу, а не заполнять дымом пустые стаканы. Я окинула его беглым взглядом и совершенно не запомнила – блондин ли он, лысый или брюнет, потому что мне было наплевать... Наплевать, что скажет теперь Валерия, думала я, возвращаясь рано утром домой в черных чулках, наплевать, как ночная бабочка, по улицам Праги, наплевать, рано утром в вечерних туфлях... На входную дверь была накинута цепочка, я хлопнула дверью и позвонила, Валерия сняла дверную цепочку и встретила меня на пороге совершенно голая... В комнате витал запах перегара, валялись в кресле мужские штаны с подтяжками, он вышел из туалета, весело помахивая хвостиком. «Привет!» – поздоровался он со мной и даже не прикрылся, а продолжал стоять «руки в боки», рассматривать меня и улыбаться. «Надевай штаны и уматывай», – сказала ему Валерия. «Ой, какие мы утром грозные...» – сказал он, намекая очевидно, что ночью Валерия была с ним любезнее. Он ушел через пять минут, совсем не принц из Монако, а мужчина средних лет, пузатый вдобавок. «Этот член на колесиках я прикатила сюда в три часа ночи, когда поняла, что ты не думаешь возвращаться», – сказала мне Валерия, и я почувствовала по ее интонации, что мы снова изменились... «Пора бы нам повзрослеть», – добавила Валерия. Я посопела немного и согласилась: «Пора бы». Каждая из нас не хотела в этой квартире оставаться и вспоминать проведенное вместе время, наталкиваясь на углы и стены – мы разъехались по разным углам Праги...

«И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее...»^[31]

Вначале я пожила немного у тетки, потом сняла новую квартиру и пожила там, вначале с одним парнем, а потом с другим. Меня звали «замуж», я кричала: «Ау! Ау! Плохо слышно!», приглашала к себе в гости Валерию, приходила к ней и спрашивала: «Как ты живешь?» – «А вот так...» – отвечала Валерия, раздвигала ноги и хохотала. Она все еще работала в рекламном агентстве, я все еще работала в сувенирной лавке, шли годы, мы очень часто с Валерией встречались, иногда спали вместе, меняли работу, мужчин, одежду, привычки и снова

обменивались мужчинами, вроде бы соревнуясь – с кем им было лучше, но иногда получалось, что лучше всего мне было с Валерией. Наверное, наверняка я любила Валерию с самого детства. «А если бы?..» А если бы она превратилась в мужчину – я перестала бы ее любить... Не спрашивай меня, господи, – почему, я сама этого не знаю. Потому что мужчины – это мужчины, а Валерия – это конец света. Вот мой ответ. У меня нет ни капельки лесбийских наклонностей – я пробовала переспать с другой женщиной, но даже в щеку поцеловать ее не смогла. Не вру и не оправдываюсь... А с Валерией все было для меня органично, все уравновешенно – ее одиночество, эксцентричность, фигура, мои школьные воспоминания, первые опыты любви, женское обаяние Валерии, ее характер, взаимопонимание без слов, ее ласки, умение приготовить быстрый обед – если убрать отсюда хоть капельку, я потеряла бы равновесие и разлюбила Валерию навсегда. Во всяком случае, спать бы с ней перестала. Какая тут взаимосвязь между сексом и хорошо приготовленным кексом – не мне решать, господи... Однажды я сфотографировала Валерию «по частям», чтобы развлечь Валерию во время ее весенней депрессии. «Зачем ты это делаешь?» – безвольно спросила у меня Валерия, ежась, как червяк, под фотоаппаратом. «Поляроид» в моих руках гудел, выбрасывая наружу квадратные фотографии – тоскливый глаз, кровавые губы, бледная рука. Это были все те же составляющие Валерии, но поникшие, как унылая Прага – когда стекает во Влтаву черная грязь со снегом и нет никакого удовольствия глядеть на серое человеческое месиво. Оно растекается по улицам, молча и настороженно. Никто не радуется самому себе – ни город, ни люди. «Зачем ты?..» Валерия слабо сопротивлялась, я щелкала фотовспышкой и размалевала Валерию губной помадой, как вампира. «Зачем ты издеваешься?» Валерия неожиданно для меня разрыдалась. Честное слово, я долгое время не могла понять природу депрессии. Я пыталась механически вывести Валерию из этого состояния, покуда однажды не почувствовала все то же самое. И не было у депрессии настоящих причин, как не было причин у погоды, а только какая-то высшая закономерность, какие-то вселенские грехи. Они внезапно концентрируются в нашей душе, и мы испытываем муки за все человечество... За все, что совершили мы и не мы, за все, что можем

совершить и совершаем... Тогда я обняла Валерию и прорыдала с ней полвечера...

Когда Валерия выписалась из больницы, мы снова переделали себя до неузнаваемости. Я оказалась блондинкой Кики с голубенькими глазками, а Валерия – коварной брюнеткой с карими. Но самое удивительное, что мы с Валерией оказались очень похожи и внешне. Мы могли сойти за близняшек, будь в этом необходимость. Фокус природы и современного макияжа. Во всяком случае, с расстояния двух метров нас бы мать родная не различила. Я и Валерия попеременно наблюдали за Агриппиной, и очень скоро в поле нашего зрения оказались ее мужчины – Милош и Клавдио. Впрочем, поначалу мы интересовались только одной Агриппиной, покуда у Валерии не составилась «грандиозный план – как больнее досадить Агриппине». Название плана мое, потому что Валерия использовала совсем другие слова и выражения, когда речь заходила об «этой сучке, пакости, старой потаскухе» и так далее, и тому подобное... Эпитеты Валерии не вызывали у меня возражений, если учесть то, что сделала Агриппина, но замыслы Валерии меня пугали...

Поначалу ее фантазии казались мне чистым ребячеством. Так мстительно играют с воображением дети. «Подойти к Агриппине, сказать „Добрый вечер“ и столкнуть ее с моста в воду. Одежда намокнет, и Агриппина утонет». Или: «Сбросить ей на голову мешок с дерьмом, чтобы дерьмом ее убило». Тетя мне рассказывала, как в детском саду «случайно» раскрыли «страшный заговор» пятилетних воспитанников. «Убийцы» строили козни против своей воспитательницы за то, что она не выпустила их гулять в положенное время. Копали во дворе ямку, фантазируя: «Идет она по дорожке, идет она вот так, потом вдруг бабáх – и головой об камень». Воспитанники самозабвенно трудились над этим проектом. Но все тайное становится явным по пути из детского сада домой. Конечно, дети моментально поделились своими планами с бабушками и дедушками. По каким-то причинам эти две возрастные группы всегда откровенны друг с другом. Пряча улыбки, дедушки и бабушки о чем-то долго беседовали с детьми – какие слова были сказаны, в какую дверцу слова постучались – об этом знаешь только ты, господи... Но на завтра дети, пыхтя, закапывали ямку в том же полном составе. Один рыжий мальчик продолжал фантазировать: «Или толкнуть Агриппину под

автомобиль или с платформы метро...» Я по возрасту совсем не годилась Валерии в бабушки и не подыскивала нужных слов. Я думала, что все рассосется само собой, как опухоль, Валерия натешится со своими фантазиями – обратится в полицию или забудет. «Нет, – говорила Валерия, – я сделаю то, что сделаю... И Агриппина – то же самое... Теперь нас не остановить». Я чувствовала, что этим все и кончится, господи... Валерия сделает первый шаг, Агриппина второй, и скоро лед треснет, и они провалятся обе – одна по горлышко, а другую затащит под лед течением... Теперь я – Кики – бегала вдоль замерзшей реки и хлопала растерянно руками, как курица, потому что бегать и переживать за Валерию больше было некому...

С каждым днем замыслы Валерии становились все изощреннее. Она погрузилась в процесс с головой, стали прорисовываться и другие детали, образ Агриппины обрастал подробностями, и через некоторое время мне стало казаться, что Агриппина жила целую вечность – настолько про нее было много сказано. Валерия устраивала для меня представления – что говорит, что думает и как проводит время Агриппина. Я как зритель сидела в кресле, Валерия расхаживала передо мною по комнате и исполняла «Трагедию о жизни и смерти Агриппины». Вот она выходит из дома – не блондинка, не брюнетка, а шатенка, – оглядывается по сторонам, прежде чем перейти улицу. Держится спокойно и независимо, со вкусом одета, встречается с расхлябанным мужчиной средних лет по имени Милош – «здравствуй, подлец», – и они прогуливаются по набережной: Агриппина чуть впереди, а Милош пинает ногами камешки. Налетевший ветерок от Влтавы беспокоит прическу Агриппины – темно-русые волосы закрывают лицо, Агриппина поворачивается к ветру спиной и смеется, глядя на Милоша, который изображает птицу, летящую к ней в объятия. И кажется – они счастливы вдвоем и беззаботны. А вот и Валерия, словно капитан, стоит на Карловом мосту и следит за влюбленными сквозь окуляры... Здесь Валерия выхватывает из сумочки бинокль, и представление продолжается... Милош и Агриппина идут по улице, разглядывая средневековые дома, как любознательные туристы, вычерчивают пальцами в воздухе замысловатые виньетки. Они указывают друг другу на разные крыши и спорят о чем-то. Время от времени Агриппина заразительно смеется, а Милош ухмыляется себе в усы. Неожиданно они скрываются в

подъезде, Валерия крадется за ними, Милош и Агриппина поднимаются на последний этаж и по чердачной лестнице забираются на крышу. Все тот же ветер задирает юбку на Агриппине, и Милош ему активно помогает. С Агриппины моментально слетает вся элегантность, и, словно кошка, она отдается Милошу на крыше, изгибаясь возле печной трубы восемнадцатого века... «Кстати, – говорит мне Валерия, – ты даже представить себе не можешь, какие проститутские трусики надевает для этих прогулок наша элегантная Агриппина... Да уж, – добавляет Валерия, – никогда не догадаешься, что прячется у женщины под юбкой...» А на мой литературный взгляд, Валерия слишком увлеклась образом Агриппины, вникая в такие детали...

«Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель...»

Я тоже рассказывала Валерии – сколько кружек пива выпил сегодня в «забегаловке» Клавдио, как он ходит, переваливаясь, словно утка, как он чавкает, когда думает, что его никто не видит. За рыжим толстяком наблюдать было совсем не интересно. Он не таскался по крышам с очаровательными женщинами, он не имел их, прости господи, возле печной трубы, и, кажется, не было женщин у Клавдио вовсе – ни на земле, ни на небе, ни под кроватью, ни дома. И только изредка он навещал Агриппину, а иначе мы бы не догадались о существовании Клавдио. Рыжий сынок Агриппины был карикатурно похож на Клавдио, как скелет отдаленно похож на человека – мы сделали правильный вывод, что Брошенка, прости господи, сын Клавдио... За нашими играми прошла целая осень. Мы побывали на киностудии «Баррандов» и даже приняли участие в «поисках» у режиссера Милоша, но неудачно. «В Праге у него бордель». Мы затерялись среди попок и конкуренток, нас затолкали сиськами другие «актрисы». Именно на киностудии мы узнали о Милоше всю подноготную. Девочки в очереди нас посвятили во все подробности режиссерской биографии. Была среди них даже одна «актриса», которая провела с режиссером киносеанс в постели. «Ну и как?» – спрашивали у нее девочки. Она каждый раз закатывала к небу глаза и отвечала, что «как в Голливуде». Сочиняла, по всей вероятности, но девочки поглядывали на нее с уважением и говорили: «Эта пробл... эта проба пройдет вне конкурса». Только Милош не помнил ничего

хорошего или искал что-то новенькое, и «кинопроба» вылетела из «обоймы» ровно через три минуты, как и все. «Ну уж не знаем, чего ему надо...» – пожимали плечами девочки, а были среди них такие специалистки, что о-е-е-е-ей! Дважды мы с Валерией принимали участие в подобных сборищах, но Милош упорно не обращал на нас внимания и вообще шарахался от девиц, словно черт от ладана, прости господи. «Вся Прага для него как бесплатный бордель». Словом, к Рождеству у Валерии образовался план – заграбастать под себя для начала всех «мужиков» Агриппины и «посадить ее в лужу». Эта сугубо женская месть не вызывала у меня возражений. Поэтому мы подбирались к Милошу и Клавдио, как две пантеры, впрочем, теперь – одна «пантера», если принимать во внимание боевую раскраску Валерии. Она давно пришла в себя после больницы и выглядела просто обольстительно, с короткой стрижкой, со своими манерами – женщина-вамп – говорю, как мужчина, помилуйте меня, грешницу. Кроме Милоша и Клавдио, никто возле Агриппины больше не ошивался. Впрочем, хотели мы развратить и ее сыночка, но очень Брошенка был противный и свое уже получил... Мы оставили этот вариант на крайний случай...

Задрать на взрослой женщине юбку и выставить ее посреди города на посмешище – задача иносказательная и достойная, как нам казалось. Агриппина играла в собственные кошки-мышки, и застукните ее на крыше с мужчиной – что же, в этом есть своеобразный шарм. «Экая штучка», – скажет любой, погрозит Агриппине пальчиком, а потом ухмыльнется себе в усы, вроде как Милош. А вот оголить ее задницу на площади, когда Агриппина этого не ждет – «ах, какой конфуз», – страшное дело. Вдобавок может обнаружиться прыщик, вроде каких-нибудь женских отклонений – «боже мой, прыщик на дряблой попе», – а мы Агриппину – по заднице, по заднице, по ненапудренной заднице – такое не забывается. Отсюда видно, что мы попросту не знали – чего хотим и как досадить Агриппине по-настоящему. И поэтому кружили возле нее исключительно по-женски. А как мы должны были поступить, прости господи, пойти и начистить Агриппине физиономию? Ты знаешь, господи, что это не наши методы... Разъяренная волчица может и растерзать за своего щенка, но только когда нет другого выхода. А у меня и Валерии от природы имелись и выход, и вход, прости еще раз...

Валерия заполучила Клавдио под самое Рождество с первой же попытки. Ничего в этом не было сложного для такой девушки, как Валерия. Она спела ему про «волшебные колокольчики», и Клавдио тут же повел Валерию к себе домой. Я стояла по другую сторону елки, на тот случай, «если Клавдио предпочитает мальчиков» – пошутила Валерия. «Вы чувствуете, как я приближаюсь, друг мой?» Теперь Валерия проводила с Клавдио бóльшую часть своего времени. Из рекламного агентства она уволилась, все ее скромные сбережения ушли на поддержание приличного образа молоденькой девушки... Существует прямая зависимость – чем больше тратишь на себя, тем больше тратятся на тебя мужчины. Порою это выливается им в астрономические суммы, от педикюра до макушки. Валерия всегда точно знает – сколько она израсходовала, «чтобы привести себя в божеский вид», и сколько должна получить в десятикратном размере. Это не проституция, господа, это воспитание мужчин по методу Валерии. «Хотите видеть свою мечту – гоните денежки!» Тогда Валерия будет выглядеть как на картинке. Эпоха крестового похода и поэзии трубадуров давно прошла – рыцари вернулись с награбленной добычей. Влюбленные пажи больше не вякают под окнами, потому что от глупых песенок у принцесс голова болит. Вы создали патриархальное общество – теперь расплачивайтесь за это. Эмансипация – неплохой довесок на шпильки и шляпки. Клавдио с радостью открыл для Валерии свой бумажник и счет в банке. Разумеется, деньги – это не главное, но не лишнее.

Недели через две после знакомства с «рыжим бегемотом» Валерия сказала мне: «А покажи-ка, Яна, свой паспорт». Она развернула мой паспорт на первой страничке и спросила, указывая на мою фотографию: «Это кто?» Это была Валерия... Во всяком случае, брүнетка Валерия намного больше соответствовала фотографии, нежели я, перекрашенная и с другой прической. Не ведаю, господа, что задумала Валерия с самого начала, а что прояснилось в конце. «Мне нужен твой паспорт, Яна», – сказала Валерия. «Для чего он понадобился тебе, Берта?» – спросила я, хотя догадаться было нетрудно. «Я выйду замуж за Клавдио по твоему паспорту и под именем Яны Райчек. То-то посмеемся...» – пояснила Валерия. Мне было не до смеха. «Пойми, – рассуждала Валерия, – Клавдио женится непонятно на ком, лет на двадцать его моложе... Это вдвойне

несерьезно...» Для чего же выходить Валерии замуж? У Валерии на все имелся ответ: «Чтобы обчистить Клавдио до нитки». Я нехотя согласилась. Яна Райчек достаточно прочно увязла в этой игре. «А когда рыдающий бегемот приползет к Агриппине... Вы чувствуете, как я приближаюсь, друг мой?..» Валерия отчаянно интриговала, как будто испокон века занималась только этим. Она рассказывала в лицах – как нищий Клавдио припадет к груди Агриппины, как будет Агриппина кусать локти, что денежки уплыли неизвестно куда и не достались ее сыночку, как посыпятся на Агриппину и дальнейшие несчастья, как из рога изобилия... По-моему, Валерия просто побаивалась Агриппину. Я согласилась, чтобы обезопасить Валерию. «А вдруг Агриппина наведывалась в больницу, чтобы справиться о здоровье Берты Крамар?» – подумала я. И теперь Берта Крамар вдруг выйдет замуж за Клавдио... Пусть лучше это будет Яна Райчек, иначе нового мордобоя Валерии не миновать. Я представила себе разъяренную Агриппину и согласилась с Валерией... Как видишь, господи, шизофрения – заразная болезнь...

«Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, а когда придет, не долго ему быть». [32]

С Клавдио мы «познакомились» на «свадебном» ужине. Рыжий толстяк разглядывал меня с удовольствием, не ведая, что за прошедшее время он мне успел надоесть хуже некуда. Унылая фигура Клавдио маячила у меня перед глазами, когда я готовилась заснуть, мерещилась, словно поплавок после целого дня рыбалки. Я открывала глаза и ругалась – «Что-что?» – довольно неприлично. «Почему мы не можем нанять хотя бы частного детектива?» – спрашивала я у Валерии. «Сама-сама-сама-сама, – отвечала мне Валерия, – никто об этом не должен знать». Я снова ругалась. Психиатрическая больница за нас молилась и переживала – вот что!

Клавдио оказался совершенно безобидным и покладистым мужчиной. Беззлойный, немного потерянный, не скупердяй, не сукин сын какой-нибудь. Он читал свои античные книги, я поглядывала на него и думала: «А почему Агриппина с ним развелась?» Я не узнала на этот вопрос ответа... После «свадебного» ужина я осталась ночевать у молодоженов, поутру мы с Валерией устроили для Клавдио небольшое представление... Он совершенно растерялся, когда застучал меня

с Валерией за интимными забавами. Что Клавдио видел? Только Валерию, сидевшую к нему лицом, да мой затылок у Валерии между коленями. Я фыркала от смеха прямо на «бутон» Валерии, прости господи, а Валерия стонала, как сирена, и щелкала меня по башке, чтобы я не ржала. «Ты мне всю... оплевала», – прошептала Валерия, когда Клавдио убежал куда подальше и загрохотал бутылками на кухне. Конечно, смешно, если Клавдио подумал, что мы с Валерией такие страстные поклонницы друг друга и тяжело переносим даже пятиминутную разлуку. Валерия не желала и дальше общаться с Клавдио в постели – «свадебку справили, и достаточно» – для этого она разыграла рыжего дурачка как по нотам. На мой взгляд, Клавдио слишком идеально относился к женщинам. Наверное, с детства ему вдолбили, что девочек бить нельзя, что девочкам надо уступать место, что, когда девочки вырастут, они вообще превратятся в неземные создания... С божественным светом материнства... И с золотыми гениталиями, прости меня, господи. Когда слащавость и патетика льются через край, это только унижает женщину. Хотя Клавдио и читал античную литературу, но думал о женщинах, как средневековый трубадур какой-то. Меня всегда тошнило от их возвышенной поэзии. Все должно быть в меру, господи. «Добро пожаловать в семью, милый дядюшка!» Я поселилась на Вацлавской площади вместе с Валерией. Теперь мы обе болтались на иждивении Клавдио, как две паразитки. А он этого даже не замечал. Читал нам вслух свои античные книги и сам же стеснялся прочитанного. Цитировал наизусть выражения классиков, а после чесал затылок – к чему же его цитаты относятся? Как если бы среди женского разговора вставить любой отрывок из Библии. Или конкретные мысли еврейских проповедников перенести на сегодняшнюю жизнь. И все принимает совершенно другую окраску, во всем находится некий потаенный смысл... Это я сейчас такая умная, господи, а на самом деле я дура душой...

Вероятно, дядюшка Клавдио настолько засел у меня в печенках, что со временем я стала думать о нем больше, чем о Валерии. Еще ни один мужчина не болтался у меня на глазах в течение полугода. «Когда же это началось?» Я поселилась в гостиной у «дядюшки» Клавдио и наблюдала, как он пытается втянуть живот при моем появлении, как выбирает на полке книгу, берет ее, перелистывает, хмыкает и с радостной улыбкой обращается ко мне: «Послушай-ка, Кики». Я с

удовольствием слушала. Мы рассуждали о смысле жизни, и, надеюсь, мои слегка циничные реплики нравились «дядюшке» Клавдио. Во всяком случае, он не менее радостно смеялся. «Тебе надоело?..» Я чувствовала себя с каждым днем все уютнее на «дядюшкином» диване в гостиной. Раза четыре Клавдио мне приснился, и один раз мы занимались с ним любовью... В моем сне. «Скажи?..» Валерия снова задавала мне дурацкие вопросы. Она чувствовала, что я от нее ускользаю. Несколько раз Валерия ночью приходила ко мне в гостиную на диванчик, когда Клавдио крепко спал – «я подсыпала ему снотворного» – но я категорически отказывалась любить Валерию на «дядюшкином» диванчике. Не знаю почему, но мне это казалось невозможным. Валерия устраивала мне сцены – «может быть, ты действительно хочешь втроем или с Клавдио?..» Я отвечала, что ровным счетом ничего не желаю, кроме одного... И пропадала денька на два, но Валерия меня разыскивала и уговаривала: «Ну потерпи еще немного... возвращайся... мне без тебя очень грустно...» Да, я именно хотела – чтобы все побыстрее закончилось. Никому не нужная месть, никому не нужные браки, никому не нужные обиды и никому не нужный «дядюшка» Клавдио... Впрочем, почему «никому не нужный...» Когда же все это началось?..

Клавдио оказался богаче, чем предполагалось. «Клавдио, давай подарим Кики этот брильянтик! Клавдио, мы совершенно пообносились... Клавдио!..» Он не задумываясь покупал все. Его отец, наверное, ворочался в могиле, а Клавдио был спокоен. Если Клавдио заговаривал о расходах, то только шутя и посмеиваясь. И все-таки путь к сердцу женщины лежит через бриллианты – вот когда это началось... Вероятно, Клавдио треснул меня по башке булыжником во много каратов, и я сошла с ума... Но мне захотелось выйти замуж за Клавдио по-настоящему, по взаимной любви. Только до самого последнего момента я боялась себе признаться, что меня очень заинтересовала его античная литература, его простодушная физиономия, его фигура и прочее, прочее, прочее... Разумеется, мне намекали, о господи, что я несколько эксцентрична, но не объяснили – до какой степени. А Клавдио... Можно сказать, что я влюбилась, а можно сказать, что Клавдио вполне устраивал меня как уютный муж на всю оставшуюся жизнь. Ты знаешь, что сейчас я не кривлю душой, господи... Правда,

через довольно продолжительное время я не хотела уже получать от Клавдио подарки, мне требовалось другое.

Разумеется, я слышала иногда ночью, как пыхтел над Валерией Клавдио. «Мне кажется, он меня использует. Ты ничего не замечаешь?..» – размышляла Валерия. Я отвечала, что нет. И, честное слово, не ревновала Клавдио. Даже не знаю почему. Отчасти его проделки позволяли мне надеяться, что он не круглый идиот. Шучу, конечно, но «тайные происки» Клавдио как бы оправдывали мои грехи. «Ты точно ничего не замечаешь?» Точно! Конечно, могла бы и я оказаться на месте Валерии, покуда она находилась в бессознательном состоянии. Позвать к себе на диванчик Клавдио и... прости господи. Но я погрязла в этом болоте настолько, что только хотела оттуда выбраться. Мне безумно надоела вся эта грязь и интриги. Я собиралась с духом, чтобы остановить Валерию еще в Праге... Как тут... «На киностудии мне сказали, что Милош едет через две недели на Крит. Надо столкнуть их лбами...» Валерия, возбужденная новой идеей, размахивала передо мною руками, что надо вызвать у Милоша чувство ревности, что надо вызвать у Клавдио чувство ревности. Передо мною закручивалась такая абракадабра, что я напрямую спросила Валерию, а какого черта она в действительности добивается? Я потребовала разумных объяснений – для чего нам ехать на Крит и толкать друг на друга Милоша и Клавдио? Я орала на Валерию так же громко, как и она на меня. Хорошо, что Клавдио в это время не было дома. А может, и жаль, что не было дома Клавдио... «Что я, господь бог?! – отвечала мне Валерия. – Откуда я знаю, что произойдет на Крите?! Но что-нибудь произойдет – это точно!» Это точно... Тогда я плюнула и согласилась, в надежде, что действительно на Крите все прояснится. Тем более что Клавдио был не против осмотреть на Крите кое-какие развалины. «Клавдио, ведь ты не против?» Клавдио был не против – ему на Крите обещали показать меня... «Тройка». Тройка, семерка, туз... Думаю, что со временем я разобралась бы с этими фантазиями Клавдио. Ведь глупые фантазии рождаются в голове у мужчины, когда нет у него ничего конкретного. Господи, скажи, можно ли любить свои фантазии? Я согласилась быть рядом с Клавдио на Крите, потому что впервые серьезно задумалась – Валерия в здравом уме или нет?..

На морском пароме я совсем не старалась привлечь к себе внимание Милоша. «Вдали от Праги он сразу же на тебя клюнет». А я

смотрела на Валерию и думала о том, что снова незаметно для себя повзрослела. Двадцать шесть лет мне не исполнится никогда... Валерия нервничала, беспрестанно курила, и странное дело – Милош почти самостоятельно обратил на нее внимание, а дальше... Валерия действительно потрясающая женщина. Там же, на пароме, стало ясно: Милош и Клавдио не подозревают друг о друге, не подозревают, что связаны через Агриппину. Еще одна женщина... Клавдио мешал Валерии, ей необходимо было развить свой успех, и Клавдио отослал ко мне в каюту. Мы оба провинились. Особенно я, потому что в каюте вначале отдалась Клавдио, а потом ему обо всем рассказала. Почти обо всем... Клавдио буквально кряхтел от изумления: «Валерия, Валерия, Валерия...» В дальнейшем Клавдио кряхтел только от удовольствия. Но Валерия обо всем догадалась, едва взглянула утром на блаженного Клавдио. Она догадалась, что Клавдио теперь со мной. Во всяком случае Валерия моментально зарегистрировалась в номере у Милоша, а поселилась рядом, у Клавдио... Я это выяснила и почувствовала что-то недоброе... Когда Милош и Валерия переехали в «Диоген», я перебралась на место Валерии... Ведь Клавдио официально являлся моим мужем... А до этого я снимала комнату неподалеку от отеля... Мы тоже бродили с Клавдио по побережью и любили друг друга, вот за это я не прошу прощения ни у кого... Мы тоже смотрели на звезды, хохотали и радовались теплу и солнцу... Что еще надо женщине – немного шарма, немного тепла и так далее... Это я, Яна Райчек, посылала фотографии Милошу, чтобы его предупредить... «Вы чувствуете, как я приближаюсь, друг мой?..» Я до конца защищала Валерию, как в детстве... Я хотела, чтобы все догадались обо всем самостоятельно и жили счастливо... Но Валерия утащила от меня Милоша куда подальше – вот чего я добилась с этими дурацкими фотографиями... Тогда я позвонила Милошу в «Диоген», но Валерия нас разъединила... Теперь я знаю об этом... На фотографиях – Валерия в состоянии депрессии... совершенно больная... Я спала рядом с Клавдио в отеле под названием «Афродита». Внезапно почувствовала острую боль в сердце. Успела повернуть голову и заметить, как Валерия покидает меня... На секунду Валерия задержалась на лоджии и исчезла. Тогда очнулся Клавдио. Кроме меня, он никого не видел... Клавдио дико закричал... Валерия ударила меня в спину ножом... настолько сильно, что кончик лезвия торчал у меня

из груди... Я умерла... И вот я стою перед Тобой, Господи, и рассказываю всякие глупости... Прости меня... Прости, Господи, и Валерию, как я простила ее... Зачем она это сделала? Теперь я знаю... Валерия одним ударом погубила и Клавдио, и меня... И причинила боль Агриппине... Прости их всех, Господи... По-настоящему Валерию зовут Берта Крамар...

*Здесь лежит Юлия Рестута, несчастнейшая,
убитая в десятилетнем возрасте из-за украшений.
Юлий Рестут и Стация Пудентилла, родители.*

Надгробная надпись

Поджо Браччолини Корнелию Тациту привет!.. Ты спрашиваешь о смутном времени?..

Род Клавдиев пресекся со смертью Нерона. Ему наследовал Гальба, и вовсе с домом Цезарей не связанный, но, как указывают источники, муж великой знатности. И тотчас молния поразила фамильный храм Цезарей, и со всех статуй попадали головы...

Когда рыжий Агенобарб по кличке Нерон Цезарь узнал о восстании в Испанской провинции под руководством Гальбы, Агенобарб рухнул на пол в душевном изнеможении, как указывает вездесущий Тацит. Паяц не рожден был править, актера Агенобарба воспитывали соответственно роли. И только роли, но никто не учил его быть императором. В первую очередь, собираясь в поход против Гальбы, Агенобарб подготовил телеги для перевозки театральной утвари и своих наложниц. Светоний без улыбки повествует об этом. Агенобарб созвал со всего Рима проституток, остриг по-мужски и вооружил секирами, наподобие амазонок. Славное, вероятно, было зрелище... На этом, собственно говоря, все и закончилось. Сборы были недолги... Поскольку настоящий воинский набор, объявленный Агенобарбом, с треском провалился. Никто из римских граждан, годных для службы, не явился под знамена и флажки Агенобарба. Между тем поступали известия, что мятеж под руководством Гальбы распространился и на другие провинции огромной Римской империи. Войска и полководцы заявляли о своей готовности выступить на стороне Гальбы. С кем они собирались воевать?! Театральный

император выстраивал мизансцену: появиться в черных одеждах, с лавровым венком на голове, чтобы воззвать к народу. В горьких слезах собирался Агенобарб молить у народа прощения за все, что было и чего не было, очень рассчитывая на свое амплу трагического актера. Комик. Но спектакль не состоялся из-за боязни, что его растерзают раньше, чем успеет он произнести хоть слово. Верная своему делу, отравительница Локуста снабдила императора подарочным набором. Ради такого случая Локуста упаковала фирменный яд в изящный ларец и преподнесла ларец Агенобарбу. Светоний сообщает, что рыжий Агенобарб принял ларец Локусты с благодарностью. Далее... Агенобарб отправляет доверенных лиц снарядить корабли для бегства, и никто из доверенных лиц Агенобарба назад не возвращается. Во всяком случае, не показывается больше Агенобарбу на глаза, как вымерли. Агенобарб умоляет гвардейцев сопровождать его в бегстве, но гвардейцы либо уклоняются от прямого ответа, либо, глядя Агенобарбу в глаза, категорически отказываются. «Так ли уж горестна смерть?..» – риторический вопрос из «Энеиды». Театральный вопрос. Агенобарб перестал кривляться только по одной причине – римские зрители разошлись, не дождавшись конца мистерии. И нет на свете ничего трагичнее актера, продолжающего свой спектакль при пустом зрительном зале. Именно в эти минуты даже бездарный актер может сыграть потрясающе. Жаль, что никто его не видит и не рукоплещет... Очнувшись среди ночи, Агенобарб прежде всего почувствовал, что все оставили его. Вскочив с постели, Агенобарб принялся бегать по дворцу, взывая к прежним друзьям и собутыльникам – все двери были заперты, никто не отвечал. Агенобарб вернулся в свои покои – оттуда разбежались слуги, похитив даже простыни, похитив даже и ларец Локусты с ядом. Агенобарб бросился прочь из дворца, босиком прошлепал по темным, обезлюдевшим улицам Рима до самого Тибра и хотел было кинуться в его воды... «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» – воскликнул Агенобарб, призывая смерть. Мрачный Тибр, злорадный Рим, чужой праздник с факелами... Империя замерла в ожидании нового извращенца... И рыжий Агенобарб, умоляющий о смерти... Лучшая мизансцена в жизни театрального императора. Ради этого стоило появиться на свет...

Агенобарб не сбросил с себя личины Нерона. Покряхтел, глядя на зловещий Тибр, и отправился обратно во дворец. Назвался Нероном –

полезай в петлю! И все-таки нашелся во дворце один сердобольный человек – юноша по имени Спор, вольноотпущенник Нерона. Он предложил Агенобарбу укрыться на своей вилле. Агенобарб, как был босой, только платком закутал голову, забрался на лошадь, чтобы сбежать из города. С первых же шагов лошади сверкнула молния, и город Рим содрогнулся от землетрясения. Об этом упоминает историк Светоний для большего трагизма, или случилось так на самом деле? Мы не знаем и судить не будем. С неба на беглецов обрушился ливень, лошади скользили копытами на раскисшей дороге, из ближайшего лагеря доносились радостные крики солдат, желавших Агенобарбу гибели и прославлявших Гальбу... «Они гонятся за Нероном!» – воскликнул постовой на четвертой миле. «А что слышно?» – спросил другой. Лошадь Агенобарба шарахнулась от трупа, лежавшего посреди дороги, лицо Агенобарба раскрылось, какой-то отставной гвардеец узнал его и отдал честь... По привычке.

Наконец они прибыли на место и, отпустив лошадей, сквозь кусты и терновник вверх по склону добрались до задней стены усадьбы. Покуда юноша Спор копал лаз, чтобы тайно проникнуть внутрь усадьбы, рыжий Агенобарб напился воды из лужи и обобрал с себя колючки терновника. А потом на четвереньках пролез Агенобарб через проход, выкопанный в земле, и бросился в первую попавшуюся каморку. Сидя на тощей подстилке в узкой комнате, рыжий Агенобарб разрыдался, а затем велел вырыть для себя могилу, собрать куски мрамора для надгробья и заготовить хворост для погребального костра... Отдавая приказания, рыжий Агенобарб все время всхлипывал, повторяя: «Какой великий артист погибает! Какой великий артист погибает!» Он был прав – погибал артист. Вероятно, не великий, но самый известный артист в истории человечества...

Агенобарб медлил... Из Рима уже поступило известие, что сенат объявил Нерона врагом отечества и желает казнить Агенобарба, как разбойника с большой дороги. Агенобарб пальцем попробовал острие кинжала и спрятал кинжал обратно. Уже приближались всадники, которым было поручено захватить Агенобарба живым... «Ну же, мужайся! Не к лицу Нерону медлить, не к лицу!» Агенобарб уговаривал Споры начинать стенание и плач, уговаривал каждого показать ему пример и заколоться первым. Заслышав, что приближаются всадники, сподвижники помогли рыжему Агенобарбу –

общими усилиями Нерон Агенобарб вонзил себе кинжал в горло... Когда посланники сената ворвались на виллу, Агенобарб еще дышал. Один из посланников сделал вид, что сейчас он попытается спасти Нерона. «Поздно, – прошептал Агенобарб. – Вот она...» Что видел рыжий Агенобарб в это мгновение? Куда устремился его взгляд – в прошлое или в будущее? Нет ответа. Глаза его остановились и выкатились, и ужасно было на них смотреть...

«Ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини, да и ею потом стал гнушаться настолько, что мочился на нее». Здоровьем он отличался отменным, вид и одеяния его были совершенно непристойны императору, волосы он завивал, как женщина, рядами, все время носил шелковые платья, как на представлении, шею повязывал артистическим платком и так выходил к народу – «распоясанный и необутый». Увы...

Смутные времена. Гальба: занял место императора на семьдесят втором году жизни.

Родился Сервий Гальба, как сообщают, в усадьбе, что на холме близ Таррацины, по левую сторону, как идти в Фунды. В третьем году до нашей эры. Когда Гальба, еще мальчишкой, приветствовал императора Августа, тот ущипнул Гальбу за щечку и сказал: «И ты, малютка, отведаешь моей власти». Что имел в виду старый извращенец, непонятно. Окружающие восприняли туманную фразу Августа как пророчество – быть Сервию Гальбе императором, быть. Не обошел юного Гальбу своим вниманием и следующий император – Тиберий. Знамения преследовали Гальбу. И как раз во времена Тиберия подоспела от богов весточка, что займет Сервий Гальба римский престол, да только в старости. «Ну и пусть живет, коли нас это не касается», – ухмыльнулся Тиберий, а ведь мог бы и зарезать юного Гальбу, снизойди от богов другая депеша. В день совершеннолетия, в семнадцать лет, приснился Гальбе эротический сон... Что богиня Фортуна стоит на пороге его дома и говорит, мол, устала стоять я тут, Гальба. Пойду, говорит богиня Фортуна, и достанусь первому встречному, коли ты, Гальба, меня не принимаешь... Так богиня и поступила. Что и говорить – тоже женщина. Вдобавок дедушка был у Гальбы. И приспичило вдруг этому дедушке совершить жертвоприношение. Только зарезал дедушка Гальбы барашка, чтобы погадать на его внутренностях, как налетел на

дедушку орел, выхватил прямо из рук баранью требуху и утащил на высокий дуб, покрытый желудями. Тогда умные люди сказали дедушке, что это знамение – суждено его роду забраться на вершину власти, хотя и не скоро. Каким образом требуха барашка олицетворяла собой древний род Гальбы, не сказано. Так что Гальбе на роду было написано служить дворником и убирать требуху после императоров: Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона. О, всемогущие боги, храните Гальбу, источник знаний! Ему бы стать историком вроде Корнелия Тацита. Как-никак пережил Гальба пятерых, *пятерых* императоров. Считаю, выстрадал Гальба весь первый том истории императорского Рима. И славную повесть мог бы написать Гальба, но предсказания... Ох уж эти предсказания! Сервий Гальба решился лично открыть вторую книгу римской истории... Как персонаж.

Безобразные амбиции ведут человека за ручку к пропасти. Смешные фантазии тянут его обратно. Стань императором – говорят человеку амбиции. Представь себя богом – шепчут фантазии. Слаб человек. Ему бы вообразить себя Наполеоном и успокоиться, так нет же – лезет в императоры на самом деле... А ведь судьба поначалу была благосклонна к Сервию Гальбе. Однажды пуля из дамского револьвера просвистела у виска Гальбы и попала в голову императора Клавдия – сиятельная Агриппина искала себе родовитого мужа. То есть Агриппина всеми способами, как сказано, обхаживала Гальбу, а мы-то уже знаем – что это были за способы. Гальба еще не овдовел и не развелся, но Агриппина, мягко замечено, положила на Гальбу глаз. И очень скоро бедный Гальба овдовел, так что и разводиться ему не потребовалось. Светоний пишет – «изругали» в собрании римских матрон Агриппину за то, что овдовел бедный Гальба и оба его сыночка остались сиротками. Да что поделаешь – жизнь такая. И только-только собралась Агриппина утешить Гальбу и стать для сироток новой матушкой, как в голову Агриппине пришла другая мысль – император Клавдий. Уже нам известно, что Клавдий, а не Гальба пообедал ядовитыми грибочками, а могло бы быть наоборот... Боги, верните разум Сервию Гальбе! Не слышат боги. Не учат боги ничему человека. Сервий Гальба был на волосок от гибели, но даже этого не заметил. После смерти императора Нерона Сервий Гальба сам полез в петлю – надумал стать римским кесарем...

Дурные люди, как сказал Сервий Гальба, всегда будут сожалеть о Нероне. Надо сделать так, сказал Сервий Гальба, чтобы не стали сожалеть о Нероне и хорошие люди. И Сервий Гальба постарался сделать так... Молва о свирепости и скупости Гальбы достигла города Рима раньше, чем прибыл сам Гальба. Попутно казнил многих, медливших присоединиться к нему, облагал поборами, разрушал жилища и вырезал целые семьи, не исключая женщин и детей. Триумфатор. Насмотрелся Гальба ужасов, наверное, за всю свою жизнь при пяти императорах. На множество казней налюбовался Гальба и решил не нарушать римских традиций. По правде говоря, иные люди надеялись, что дряхлый старик в семьдесят два года с трудом найдет в себе силы добраться до города Рима, хотя бы и на носилках. Зря надеялись. По прибытии в Вечный город Гальба поспешил лично подтвердить слухи о своей невозможности. Большое количество разных чудиков видывал Рим, но подобного скрягу – впервые. Для начала Сервий Гальба стал разыскивать ценные подарки Нерона. Граждане, вероятно, подумали, что Гальба хочет раздать им новые подарки, и сдуру потащили всякую дрянь в императорский дворец, потому как все ценное было гражданами уже продано и перепродано. Ведь кого так щедро одаривал Нерон? Актеров и трубочистов. А люди это были легкомысленные, как подсказывает нам Плутарх, несерьезные люди, «сущие сатиры в жизни». И конечно, все подаренное Нероном «успело просочиться у них между пальцев». Тогда Сервий Гальба дошел, по мнению многих, до неприличия. Он стал разыскивать перекупщиков ценных подарков Нерона. И множество лиц поплатились за свою любовь к театру и яхшание с актерами – найденные вещи Гальба заставлял возвращать в казну. О новом императоре заговорили с презрением. «Как бы нам скоро не пожалеть о Нероне!»

С небогатыми соратниками бывшего императора расправлялись особо зверски. Глadiatora Спикула раздавили – бросили Спикула наземь и обрушили на него подходящую по весу статую Нерона. Другого переехали повозкой, многих растерзали в клочья. *«Пей себе волю, когда начата или кончается бочка!»*^[33] Нерон ушел из жизни, и дряхлый Гальба должен был вскоре последовать за ним – сообразно своему возрасту или с чужой помощью. Чем не благоприятный период для обогащения? Сподвижники Гальбы, разжигая в государстве

мелочную скаредность, сами не знали ограничений – присваивая, присваивая, присваивая и продавая. Разумеется, львиную долю Гальба оставлял себе, да много ли надо старому, дряхлому льву? Малый кусок на оставшийся зубок. Поскольку накопил Гальба при пяти императорах и без того приличное состояние. И львиная доля больше требовалась Гальбе для порядка, чтобы остальные звери помнили – кто здесь царь. Уместно упомянуть, что к своему здоровью царь зверей относился наплевательски, – и разогнал Гальба отряд германских телохранителей, издавна и верно служивших дому Цезарей, безо всякой видимой причины, добавляет Светоний...

Своими необъяснимыми поступками вызвал Гальба недовольство во всех сословиях, но больше всех Сервия Гальбу возненавидели солдаты, которым странный император не выплачивал жалованья. Он даже гордился тем, что не выполнил своих обещаний. Примкнувшие к Гальбе войска поначалу тешили себя надеждой получить щедрое вознаграждение за измену Нерону. Надежды на вознаграждение слабели, и солдаты рассчитывали получить хотя бы сумму месячного довольствия, как при Нероне, но даже эти расчеты оказались напрасными. И тогда солдаты возненавидели императора Сервия Гальбу. Создается такое впечатление, что либо дедушке Гальбе было уже все равно, либо дедушка Гальба рубил сук, на котором сидел, пуская слюну от старческого маразма.

Вдобавок молодой Отон, все тот же молодой Отон, что уступил свою жену Поппею Сабину императору Нерону, Отон, который скрылся затем в провинции, теперь хотел только одного... Молодой Отон навязывался Сервию Гальбе в приемные сыночки. Что тут плохого? Но Сервий Гальба рассудил иначе – не нужен государству такой сыночек. Сервий Гальба не решился назначить Отона своим преемником, он не решился бы, говорит Плутарх, избрать Отона наследником даже своего имущества, поскольку грешен был Отон, по мнению императора Гальбы. Бражник, мот, распутник Отон, и долгов на пятьдесят миллионов. Решение Гальбы – уважительное, но опрометчивое. А тогда объявил император Гальба своим преемником Пизона – юношу, по свидетельству Плутарха, одаренного от природы всеми нравственными достоинствами. И пошел юноша Пизон на Форум, возблагодарить Сервия Гальбу и римский народ за оказанное доверие, и только начал читать Пизон признательную речь, как

засверкали молнии, хлынул проливной дождь, и на город опустилась такая мгла, что каждому сделалось все понятно... Не пойдет на благо Риму усыновление Пизона! Не послужит!

Тем временем молодой Отон, боком-боком, и побежал к недовольным «по жизни» солдатам. Те пообещали Отону сделать все как надо... И вот на шестой день после усыновления Пизона дедушкой Гальбой правили язычники свой культ на Форуме – резали баранов и гадали на внутренностях. Как в добрые старые времена. Отон гадал позади дедушки Гальбы. Внутренности животных смущали жрецов, они видели на требухе тайные знаки о предстоящей гибели императора Гальбы. Для остальных это было ясно безо всяких внутренностей. И тут появился солдатский заговорщик, подошел к Отону и сказал, мол, строители собрались и ждут молодого Отона. Это был условный знак, по которому Отону надлежало бежать на собрание к солдатам. Отон и побежал.

Число солдат, которые встретили Отона и приветствовали его как императора, не превышало, как пишет Плутарх, двадцати трех. Отон, видя это жалкое сборище, закричал, что он погиб. «Погиб, погиб – помогите!» – кричал молодой Отон, вытаращив на свое «войско» глаза. Но важные от своей значимости солдаты взвалили Отона, как свинью, на носилки и стали таскать носилки по улицам Рима, выкрикивая ругательства в адрес Сервия Гальбы. И тогда к двадцати трем солдатам присоединилось еще столько же. Молодой Отон от ужаса уже не кричал, а громко стонал. Ему казалось, и оправданно, что сейчас вдруг выскочит из переулка мало-мальски подходящий отряд Гальбы и перережет всех заговорщиков, как котят. Но история иногда творится абы как, глупо и безобразно. Достаточно какому-нибудь придурку выскочить на людное место в подходящий момент и прокартавить пару слов из Карла Маркса, как толпе уже кажется, что этот картавый черт – их национальный лидер. То же самое случилось и с Отоном. К чести его будет сказано, Отон не картавил. Он оторопело молчал. Солдаты наконец-то сообразили, куда им следовать дальше, и потащили носилки с Отоном в свой лагерь. Там и бросили, посреди палаток армейского образца шестьдесят девятого года нашей эры. Января месяца. Четырнадцатого числа.

На следующий день, пятнадцатого января, Сервий Гальба, узнавший о проделках Отона, хотел было выйти к народу,

сподвижники не пускали Гальбу к народу, сенаторы убеждали Гальбу выйти, сподвижники снова противились – как вдруг разнесся слух, что молодой Отон убит в солдатском лагере. Тогда же выбежал вперед один из телохранителей Гальбы, показал императору окровавленный меч и объявил, что именно он, верный телохранитель, убил молодого Отона. По какой-то необъяснимой причине Гальба поверил этому телохранителю. Уселся в носилки и поехал к согражданам. По дороге дошли до Гальбы противоположные слухи – что жив Отон и здоров и войско подчинилось Отону. Как обычно, предвкушая спектакль, римская толпа заполнила собою главную городскую площадь. Одни кричали Сервию Гальбе, чтобы он поворачивал обратно, другие советовали продолжить путь, третьи убеждали Гальбу не падать духом, четвертые – не доверять никому. Чернь со всего города, смешавшись с рабами, требовала покончить с Отоном, требовала хлеба, требовала зрелищ, требовала, требовала, требовала – бог знает еще чего... Носилки с Гальбой швыряло в толпе из стороны в сторону, как птичий помет в океане. И тут появились на площади всадники, а затем и пехотинцы, и тоже потребовали – очистить площадь всем частным лицам. Моментально, как сказано, народ пустился бежать, но недалече... Люди забрались на колонны и статуи вокруг площади и замерли, как обезьяны при появлении питона по имени Каа. В городе мертвых. Никто из присутствующих не попытался помочь своему императору. Кроме германских ветеранов. Говорят, прослышав о несчастье, они бросились из своего лагеря на подмогу Сервию Гальбе, но заблудились в городе, по незнанию здешних улиц и мест... Носильщики кинули наземь императора Гальбу и разбежались. И тогда на памяти поколения случилось то, ради чего это поколение существовало, – сцена перехода власти из одних рук в другие. Для чего толпе нужно видеть подобные сцены – вечная тайна. Можно предположить, что убийство императора вызывает у обывателей больше восторга, чем убийство какого-нибудь нищего. Ради нищего даже собираться не стоит. Был человек, и нету – раз плюнуть, о чем тут можно рассказывать внукам на сон грядущий? Это Богу все едино: император, рабыня, плотник – все одинаково твари божьи. Обывателю интереснее, когда режут императора... Пожалуйста – старый Гальба получил множество ран в бедра и руки, его рубили, как капусту, как некогда рубили Гая Калигулу, как некогда рубили Юлия Цезаря, как

незадолго до этого могли изрубить Нерона, да не успели... Сервию Гальбе отрубили совершенно лысую голову. Счастливый обладатель лысой головы Гальбы сунул ее за пазуху, поскольку трудно было удержать скользкую от крови безволосую голову Гальбы в руках. А затем счастливый обладатель лысой головы Гальбы поддел ее пальцем за челюсть и преподнес молодому Отону. Отон отдал голову своим обозникам и харчевникам, а те, потешаясь, накололи голову на пику и шлялись по улицам Рима, распевая: «Красавчик Гальба, красавчик Гальба, наслаждайся вечной молодостью!» А затем лысая голова надоела всем, и ее бросили в отхожее место. Вот такой футбол. Неудачливые люди, которые не успели потыкать своими мечами Сервия Гальбу, специально пачкали руки в его крови и показывали перепачканные руки молодому Отону в надежде получить вознаграждение. Подобных насчиталось сто двадцать человек, сообщает Плутарх. По поводу убийства старого и безоружного императора уместно напомнить стихи Архилоха:

Мы настигли и убили равным счетом семерых!
Целых тысяча нас было...

Так закончил дни свои император Сервий Гальба. Росту он был среднего, голова, как упоминалось, совершенно лысая, глаза голубые. Умер он на семьдесят третьем году жизни и на седьмом месяце правления.

Говорят, что незадолго до смерти приснилась Сервию Гальбе все та же богиня Фортуна. Жаловалась богиня, мол, жадный Гальба лишил ее подарка, упрекала Фортуна императора Гальбу и грозилась в отместку отобрать все, что дала. Чуть свет помчался Сервий Гальба в божий храм одаривать свою Фортуну... Да поздно...

Смутные времена. Отон: ненадолго занял место императора после Гальбы. Правил Римской империей целых девяносто пять дней.

Нет ничего смешнее людей, рвущихся к власти от жадности и амбиций. Они меньше всего думают о государстве, опираются они на нищих и дураков, и суетятся они, и толкаются они, не ведая – что будут с этой властью далее делать кроме сиюминутного обогащения. Ибо все в этом мире брэнно и сиюминутно. Особенно дураки. Были

они и сплыли. И ничего после себя не оставили, кроме жалких регалий в собственных захоронениях. Поэтому и смешно глядеть на смутные времена и междуцарствие...

Все вышеизложенное отчасти относится и к Отону. За малым исключением – Отон был искренний и прирожденный шалопай. Занятная альтернатива – стать императором или погибнуть от кредиторов! Но именно так обстояли дела у Отона. За несколько дней до переворота Отон в который раз занял миллион сестерциев у императорского раба в надежде предоставить этому ушастому рабу место управляющего – управляющего все равно чем. Надежды Отона потрафить рабу за взятку рухнули, когда старый Гальба, совершенно не понимающий, какие в жизни вечного юноши могут быть проблемы, когда дурной Гальба объявил своим преемником Пизона. «Тю-тю денежки!» – вероятно, подумал Отон, и сердце его екнуло, потому что кредиторы после заявления Гальбы уставились на Отона с явным интересом...

С ранней молодости, как ябедничает Светоний, будущий император Отон был такой мот и наглец, что отец неоднократно сек Отона от растерянности, не ведая – что еще можно с ним поделать. Разгуливая ночами по улицам Рима, молодой Отон с приятелями развлекались – хватали подвыпивших прохожих и подкидывали их сверху попой. Об этом можно прочитать у Марциала, такого же повесы и озорника: «Как на военном плаще к звездам подбросят тебя!» Занятие веселое, но малокультурное, особенно когда речь идет о подвыпивших женщинах, которые страшно визжат и ругаются, если их подбрасывать, ну хотя бы метра на два. Заметим, что молодой Нерон причинял прохожим вред и увечья, а молодой Отон только от души забавлялся. Есть разница?

Когда после убийства императора Гальбы заканчивался день, в сумерках явился Отон в сенат и кротко заявил, что похитили его на улице солдаты и силой заставили принять власть. Сенаторы почесались и применили к Отону ответное насилие – среди угодливых поздравлений и лести они присвоили Отону имя... Нерон! «Забудем о событиях прошедшего дня!» Отон восстановил изображения и статуи Нерона, вернул подарки актерам и трубочистам, призвал к себе на службу прежних собутыльников Нерона и первым же императорским указом направил пятьдесят миллионов на достройку Золотого дворца.

Того самого дворца Нерона, где «пруд был подобен морю», где «прихожая в милю длиной», где «главный зал днем и ночью вращался вслед небосводу». «Забудем о событиях прошедшего дня!» – кричали отцы-сенаторы. Лысая глупая голова Сервия Гальбы валялась в кустах, новый кесарь принял имя предыдущего – Нерон-Отон. Появление на римском престоле Нерона-Отоня сродни возвращению Наполеона Бонапарта. Сто дней французского императора, девяносто пять дней римского Нерона-Отоня – небольшая разница между Ватерлоо и битвой при Бедриаке. Император наследует императору. Все, кроме императрицы... «А впрочем, почему бы и нет?» – подумал Отон.

Хитросплетения, боже мой, как причудливо переплетаются между собой человеческие судьбы, без вмешательства романиста! Какие виртуозные канделябры штампует жизнь, и сгорают, сгорают, как свечи, разные человечки, оплывая в этих удивительных канделябрах... Было у императора Нерона три жены. Первая по имени Октавия – образец женской терпимости, нравственности и смирения в римской литературе. Вроде греческой Пенелопы, да и только... Народная молва наделила Октавию всеми добродетелями, украсила всеми достоинствами. Ангел во плоти, а ведь были у этого ангела вполне земные родители – император Клавдий и Валерия Мессалина. Мать, запятнанная всеми пороками, олицетворение животной страсти – молва аккуратно отделила трепетную Октавию от ее неукротимой матери. Историки последовали за молвой и тоже не особенно подчеркивали генетическую связь Октавии с Валерией Мессалиной. Агриппина Младшая, мать Нерона, уничтожила Валерию, вышла замуж за императора Клавдия, а дальше?.. Агриппина, люто ненавидевшая Мессалину, с нежностью оберегала дочь ее – Октавию. Во всяком случае, когда Нерон пожелал развестись с Октавией и жениться на Поппее Сабине, он встретил яростное сопротивление со стороны Агриппины. Сейчас мы не будем докапываться, кто именно – Нерон или рыжий Агенобарб – все-таки развелся с Октавией и женился на Поппее через двенадцать дней после развода. Нам это неважно. Октавию обвинили в бесплодии, Октавию обвинили в прелюбодеянии. Но никто не посмел выступить в суде как свидетель женского преступления. Никто, кроме одного человека... Служанка Октавии прямо заявила обвинителю, что женские органы у Октавии чище, чем его лживый рот. Этим свидетелем, обвинителем и

пособником вызвался быть дядька Аникет. Морской начальник, принимавший активное участие во всех преступлениях Нерона, и здесь не отступился от своих принципов – быть негодяем. Он заявил, что хитростью овладел Октавией, за что получил императорскую благодарность и большое поместье в провинции. Там Аникет и укрылся от суда истории. Дочь Мессалины получила развод и вскоре, по приговору новой императрицы Пoppей Сабины, Октавию навели «врачи». Они связали несчастную и вскрыли ей вены. Затем деловито отрезали голову и отправили голову Октавии в императорский дворец на имя получателя – Пoppей Сабины...

Вторая супруга Нерона поступила к императору весьма замысловатым способом. Через Отона. Пoppей Сабина до поры до времени считалась женою блистательного шалопа по имени Отон. Скорее всего молодой Отон любил эту женщину. И скорее всего Пoppей отвечала Отону взаимностью, как любят девушки всю свою жизнь развеселых бездельников, но замуж идут за людей обстоятельных и с положением. А выше Нерона девушкам в Римской империи прыгать было некуда... Что за драма разыгралась за дверями спальни между Отоном и Пoppеей – одному богу известно. Вполне возможно, что пожалела Пoppей своего Отона, который не боялся ни бога, ни дьявола и заставлял могущественного императора Нерона стонать под дверью: «Хочу Пoppею, хочу Пoppею, хочу Пoppею!» Отон противился и не собирался уступать свою Пoppею даже императору. И Пoppей запирала перед Нероном двери, когда Отона не было в городе. Неоднократно «холостой» Нерон удалялся обратно к себе во дворец, проклиная обоих. Играть с огнем становилось все более опасным развлечением, и Пoppей в конце концов сдалась. Она не читала еще Вильяма нашего Шекспира, еще не родился Шекспир, не написал «Ромео и Джульетту». Пoppей мыслила реально, что не сносить Отону головы, а она рано или чуть попозже все равно окажется в постели императора Нерона, если пришла ему в голову подобная блажь. И отвратительная, по мнению историков, Пoppей спасла Отону жизнь. Только благодаря ее влиянию и контролю не тронул Нерон, единственного, Отона. Уничтожил свою мать и многие, многие, многие жизни загубил, а Отона не тронул. Как изменилось поведение Пoppей в образе жены Нерона – другой вопрос. Ведь в подобных мерзостях красавица Пoppей ранее замечена не была, а тут –

получила голову Октавии и истыкала голову иголками. Странности женской натуры? Расплатилась Поппея за эти странности, когда муж, Нерон, явился поздно вечером пьяный, а Поппея принялась его попрекать. Забил до смерти Нерон больную и беременную Поппею – ногами, как пишет Светоний. Вот вам и странности...

Третью супругу приглядел себе Нерон, еще будучи женатым на Поппее. Как звали третью жену Нерона? *Статилия Мессалина!* Дальняя родственница, можно сказать, десятая пенка с молока, но поглядите – как талантливо переплетаются случай, рок и судьба. Ведь сватался – после смерти Поппеи, – сватался Нерон к Антонии, дочери императора Клавдия и Элии Петины. Да отказала Нерону Антония, выбрала для себя смерть, поскольку казнил ее Нерон за это небрежное отношение к его императорскому величию. А родственница третьей жены Клавдия, родственница Валерии Мессалины, не отказала Нерону. Судьба.

И тоже был муж у Статилии Мессалины, но меньшим влиянием обладала Статилия на Нерона и бывшего мужа своего не уберегла... Звали бедолагу сенатор Марк Вестин... Завершив свои государственные обязанности, обедал Марк Вестин дома с приятелями. Внезапно являются к Вестину посыльные и говорят, что срочное дело ожидает сенатора... Без промедления встает Марк Вестин из-за стола, и все совершается мгновенно, как пишет Корнелий Тацит. Марка уединяют с «врачом» в спальне, там надрезаются вены, после чего переносят тело Марка Вестина в баню и погружают в теплую воду, чтобы кровь вытекала поскорее... Поскорее, побыстрее – чтобы было веселее... Чтобы Марк Вестин не обременял больше Статилию Мессалину своим присутствием в этой жизни... Таким образом дальняя родственница Валерии стала третьей женой Нерона. А затем и вдовой Нерона, поскольку не хватило императору времени прикончить третью жену.

К чему эти долгие рассуждения о брачных извращениях? А вот: молодой император Отон принял имя Нерона и собирался жениться на его вдове – Статилии Мессалине. Как сообщает Светоний, на девяносто четвертый день своего правления, в ночь перед смертью, император Нерон-Отон написал два прощальных письма. Первое – к своей сестре, с утешениями, и второе – к Статилии Мессалине, с просьбой позаботиться о его бранных останках. Именно родственнице

Валерии Мессалины суждено было поставить точку после имени «Нерон». Статилия схоронила Нерона-Отонa, повесу и баловня, который своею смертью перечеркнул свою жизнь. И многие поколения римлян восхищались затем смертью Отонa, столь непохожей на его жизнь. Но обо всем по порядку...

Любезные солдаты, которые довели Отонa до власти, едва не довели Отонa до сумасшествия. Масса, толпа явно преувеличивает свое значение в истории и явно преуменьшает свое участие в безобразиях. «Нас много, и мы не можем ошибаться!» – глаголет долбаная и..... толпа. Обильное многоточие посреди исторической фразы подразумевает только нецензурное выражение. Кто мы все? Что мы есть? Знаки препинания, собранные на площади. Вместо того чтобы служить по законам грамматики, мы претендуем. Созванные вместе, мы не можем высказать ничего разумного, потому что слов среди нас нет. Мы точки, дефисы, запятые и в беременном виде – двоеточия. Два вопроса заключают в себе умонастроение нации. «Тварь я дрожащая или право имею?!!» – это вопрос амбиций. «А сопричастен ли я Создателю?» – другая возможность самоутверждения. Римские герои меньше всего хотели рассуждать интеллигентно. Каждый дерзал стать богом или воздвигнуть себе хотя бы статую. И простые солдаты не были исключением – они привели Отонa на вершину власти и не желали оттуда спускаться. Настырные альпинисты.

Когда Отон поручил своему соратнику передвинуть семнадцатую когорту поближе к Риму, тот еще ночью стал готовить отряд к выступлению и грузить на повозки оружие. «Да как же так?» – возмутились солдаты. Император, по общему мнению, совершил неслыханное дело! Он не поставил в известность каждого солдата о передислокации когорты. Возмутительно! Каждый солдат чувствовал свою исключительную важность в историческом процессе, а с ними обращались, как с (...), как с винтиками. И «свинтики» перебили всех своих солдатских начальников и отправились когортой в Рим к императору Отону, чтобы разобраться – «ты чего в самом деле?». У Отонa, как сообщает Плутарх, в тот вечер обедали семьдесят сенаторов. Солдаты решили, что им представился счастливый случай – помочь императору и перерезать всех императорских врагов разом. Чтобы лишний раз за ними не бегать. Почему солдатам пришла в

голову такая блестящая мысль – урок истории. Военные люди рассуждали прагматично: сегодня сенатор – друг императору, завтра сенатор – враг императору, а подвиг требуется *сейчас!* Не будем ждать до завтра – «защитим» своего императора немедленно! При приближении семнадцатой когорты во дворце Отона начался переполох. Все были уверены, что *сейчас* начнется массовый грабеж. Взоры сенаторов обратились на Отона, который оказался в затруднительном положении. Действительно, не такая уж редкость в римской истории, когда сенаторов вместе с детьми и женами резали на императорских ассамблеях. Но в данный момент Отон был к этому непричастен, ни сном ни духом, и сам задумчиво чесал затылок, соображая – с чего солдаты вдруг «сбрендили». Император потихоньку выпустил своих гостей через тайные двери, и тут же ворвались обезумевшие солдаты и потребовали у императора ответ – куда подевались его враги?! Как пишет Плутарх, император Отон встал во весь рост на своем ложе и долго упрашивал солдат успокоиться. Говорят, даже разрыдался, бедняга. Далее Отон похвалил солдат за преданность и назначил каждому награду – по тысяче двести пятьдесят аттических драхм. Что и требовалось! Солдаты разошлись с чувством выполненного долга в глазах истории.

Дурной пример вдвойне заразителен для людей, предрасположенных к идиотизму. Славная семнадцатая когорта открыто похвалялась своими заслугами, а другим солдатам в Римской империи тоже хотелось пить, плясать и веселиться до безобразия. Да только число вакансий на «разлюли малину» было ограничено. И тогда иные солдаты выдвинули своего императора – Вителлия. Честно говоря и положила руку на сердце, не было других предпосылок для смены императора...

И вот однажды солдаты Отона и солдаты Вителлия, размахивая разноцветными знаменами, притащились на некое поле, изрезанное рвами, неподалеку от городка Бедриак. Место самое неподходящее для сражения, но именно здесь задумали солдаты решать – который из императоров лучше. По-настоящему смогли развернуться в боевом порядке только два легиона: «Хищник» – со стороны Вителлия и легион по прозвищу «Заступник» – со стороны Отона. Все остальные рубились в сутолоке и беспорядке. В междоусобных войнах погибло наибольшее количество римского народа, поскольку в плен друг друга

сограждане не брали. По Римскому праву, римского гражданина нельзя было обратить в рабство и продать. Брать в плен – совсем невыгодно. А по совести, междоусобная война – это сущее уродство. Оставшиеся в живых участники «битвы» при Бедриаке не могли припомнить собственных действий и маневров – из-за страшного беспорядка в этом сражении. Один консул, переживший междоусобицу, рассказывал, что после битвы он видел гору трупов в четыре человеческих роста высотой. Консул попытался разузнать – зачем, для какой надобности притащили в одно место такое количество мертвых тел и взгромоздили их одно на другое? Никто не мог ему этого объяснить, а самому понять подобное не так-то просто. Поскольку невозможно понять безумие, безумие можно только лицезреть. И постараться в нем не участвовать...

Собственно, император Отон так и поступил. Он решил устраниваться от этого маразма, решил умереть с большей честью, нежели управлял государством. Отон уничтожил все бумаги, компрометирующие его сторонников как сторонников. Раздал сенаторам и солдатам оставшиеся у него деньги, лег спать и спал спокойно, а наутро велел рабу своему побродить некоторое время на глазах у солдат – «если не хочешь, чтобы они убили тебя, как собаку, подумав, будто умер я с твоей помощью». Как только раб покинул императорскую палатку, Отон поставил меч острием вверх и, держа оружие обеими руками, упал на него. Единожды только вскрикнул Отон от боли и скончался. Можно ли было ожидать такой мужественной смерти от повесы и весельчака Отона? Почему – нет?

Многие воины со слезами целовали мертвому Отону руки, величали его храбрым и мудрым мужем – смерть императора Отона потрясла всех. Многие лишали себя жизни возле погребального костра Отона, многие солдаты искупили свой идиотизм своею искренностью. Впрочем, мы римлянам не судьи, мы тоже искренни и эмоциональны в своих оценках. Эпитафией Отону послужат слова, сказанные Отоном: «Мальчик мой, завещаю тебе напоследок – не забудь, что я тоже был императором, но не слишком часто вспоминай об этом!»

Смутные времена. Вителлий: правил, если можно так сказать, Римской империей в течение одного года без девятнадцати дней.

Если яблоко падает недалеко от яблони, то Вителлий гнивал в отца. Папенька его отличался умением беззастенчиво льстить –

искренне и самоотверженно. Безумного Гая Калигулу папенька Вителлия первым признал как бога. Закутал голову в одеяло, чтобы «не ослепнуть», глядя на «божество», приблизился и распростерся перед Калигулой на полу ниц. Вероятно, Гай хихикал до икоты, но «шуточка» с одеялом ему понравилась. У Мессалины папенька Вителлия выпросил дозволения разуть свою императрицу. Валерия и сама была не промах повеселиться, а тут – толстенький подлиза ползает у нее под ногами и прямо провоцирует на всяческие сексуальные отклонения. То в пятку чмокнет, то пальчик облобызает. Как только сдержалась Валерия, чтобы не сесть на папеньку Вителлия верхом или не выкинуть что-нибудь похлеще? Уму непостижимо, что приходится терпеть женщинам! Вы думаете, папенька Вителлия на этом успокоился? Нет, нет и нет! Он снял с Мессалины правую сандалию и впредь носил сандалию на груди, то и дело целуя. Одно это способно распалить любую гражданку любой империи до невозможности, вот Мессалина и тронулась... А папенька Вителлия – ничуть... Умер от паралича, а не от бесстыдства. Сенат почтил пройдоху статуей за государственный счет, с подписью: «Неколебимо верен императору». Надо было бы приписать – «любому императору».

Авл Вителлий, сын пройдохи, дослужился до императора в возрасте пятидесяти семи лет. Спина, конечно, сгибалась у него хуже, чем у папашки, да случай помог, да разные казусы смутного времени. Детство и юность свою Авл Вителлий провел на острове Капри. Среди развратных любимчиков императора Тиберия, которые совокуплялись пред глазами императора Тиберия группами и цепочками. В последующие годы мастерство Авла Вителлия росло. Он был близок императору Калигуле за показательную любовь к скачкам, близок императору Клавдию за отчаянную любовь к азартным играм, близок императору Нерону – за все, что мог Нерон с ним себе позволить. Таким образом Авл Вителлий снискал милость трех правителей и удостоился множества почетных должностей. Вылитый папенька. Должности свои Вителлий отправлял добросовестно. Он похищал из храмов приношения граждан. Лишь только взглянет Вителлий на серебряные украшения в храме – как превращаются они в оловянные, а только коснется взором – и блекнет золото, и превращается золото в медь. Химик.

Есть люди, которые всю свою жизнь проводят в крайностях – либо ползут на брюхе, либо садятся тебе на шею. Вителлий был из этой славной когорты. После самоубийства Отона и «битвы» при Бедриаке Вителлий чувствовал себя словно Юлий Цезарь, как великий и непревзойденный воин. И чтобы никто не сомневался – каким образом будет Вителлий управлять государством, устроил новый император банкет, где исполнялись только песни Нерона на музыку и слова Нерона. И стал тогда Вителлий подпрыгивать от радости, и хлопать в ладоши, и требовать еще и еще песен – «из Хозяина!» Вот как – «из ХОЗЯИНА!» «Ты пользуешься тем, что я занят», – вероятно, ухмыльнулся Нерон с того света, глядя на фиглярство Вителлия.

Но больше всего, пишет Светоний, император Вителлий отличался обжорством и жестокостью. Пиршества он закатывал круглосуточные. Между завтраком, обедом и ужином принимал Вителлий рвотное и снова укладывался за стол и опивался, и обжирался. Даже во время жертвоприношений хватал с алтаря лепешки и тут же их поедал, причмокивая. По сексуальной ориентации Вителлий был толстый педераст. По жизненным принципам – невозможная гадость. Мы по-прежнему никого не осуждаем, мы просто констатируем. Своих сверстников и однокашников Вителлий всячески обхаживал, заискивал перед ними по привычке, а затем убивал – зверски и целенаправленно. Подозревали, что и мать свою Вителлий отравил, подозревали вполне обоснованно – дурной пример для фигляров заразителен. Но особенно злобствовал Вителлий на астрологов и прорицателей. «Почему вдруг попадали все мои конные статуи? Почему мне на голову сел петух и клюнул меня в темечко? Почему?» – вопрошал Вителлий, и сложно было истолковать эти знамения в его пользу. И пошло тогда гулять по рукам подметное письмо, где ясно говорилось: «В добрый час! А императору Вителлию не дожить до нового года!» И на сей счет прорицатели не ошиблись...

На восьмом месяце правления императора Вителлия возмутились повсюду войска и присягнули на верность Веспасиану. Враги наступали против Вителлия по суше и по морю, император лихорадочно раздавал направо-налево деньги, вербуя себе солдат и защитников, но повсюду был разбит или предан. Время от времени Вителлий выбегал в скорбных одеждах на Форум и со слезами с роstralной трибуны клялся и других заставлял клясться, что нет для

него ничего священнее общественного спокойствия. Когда некоторые враги Вителлия поверили в эти сопли и ослабили бдительность, приспешники Вителлия по приказу императора окружили врагов во время богослужения, подожгли храм и всех уничтожили. А сам же Вителлий смотрел на пожар и избиение сограждан из своего дворца, по обыкновению пьянствуя и закусывая. Странное зрелище представлял город Рим в эти дни. Складывается такое впечатление, что вооруженные банды солдат бродили по городу и сражались между собою – в сумятице, безо всякой определенной цели, кроме грабежа. Империя изнывала от смутного времени, как пьяница и дебошир от тупого безделья. Как и положено на последние дни праздников – буйствовать от безысходности, – римляне буйствовали. Пить, гулять уже надоело, но рабочая неделя еще не началась. Как указывает Тацит, жители Рима вели себя как в цирке. Они наблюдали за сражениями солдат – аплодируя, кричали и улюлюкали, кидались камнями и требовали добивать раненых. И раньше в Риме бывали столкновения вооруженных войск, но... Но только теперь появилось это чудовищное равнодушие, говорит Тацит. Никто не прекратил своих обычных развлечений. Среди мертвых тел разгуливали продажные девки и подобные девкам юноши, в каждом доме пьянствовали и кутили... Какова Римская империя на закате смутного времени, такова и любая другая страна, размякшая от тупоумия и подлости своих правителей.

Наконец, слава богам, все кончилось – сторонники Веспасиана одержали победу, или приспешники Вителлия полностью перешли на сторону Веспасиана. Императора Вителлия вывели из дворца, связали ему за спиной руки, набросили веревку на шею и, как собаку, поволокли на Форум. По дороге граждане кидались в императора Вителлия навозом, обзывали обжорой и стремились поддаться бывшему императору посильнее. По дороге Вителлий видел, как валятся с пьедесталов его статуи, как радуются сограждане возможности плюнуть ему в лицо. Заканчивались римские каникулы. На спуске с Капитолийского холма к Тибру, на знаменитой Лестнице рыданий, Вителлия прикончили мелкими ударами и крюками сволокли и бросили в Тибр. Ни в смерти его, ни в жизни его не было никакого величия или хотя бы малой порядочности. Перед самой смертью Вителлий отчасти повторил слова Отона: «А ведь я был вашим

императором», но не было в этой фразе Вителлия античного блеска и изящности. За что, собственно говоря, Вителлий и поплатился...

*Пей себе вволю, когда начата или кончается
бочка!*

*Будь на середине умерен; у дна же смешна
бережливость.*

Гесиод. Труды и дни

На следующий день мы с Александром сидели в баре у Корнелия, потягивали винцо и обсуждали драматическую ситуацию...

– Что же он задницей так вертит? – спросил у меня Александр, поглядывая на Корнелия, который прохаживался между столиками.

Я молча пожал плечами. Время от времени артистичный Корнелий выбрасывал вперед левую ногу и следом правую ногу, и – тра-та-та-та-та – как петух, выпендривался – из угла да на угол бара, по диагонали. Каждый раз возле стены Корнелий топтался на месте, поджидая второго петуха, и, разочарованный, поворачивал обратно.

– Как цветочница, – бубнил Александр, намекая на Корнелия.

Кроме меня и Александра, в этот утренний час других посетителей у Корнелия не было.

– Лола тебе не нравится, Карина тебе не нравится... – продолжал бубнить Александр. – Может быть, Корнелий тебе нравится?

Очевидно, Александр прав. Мы поработали на Крите весьма прилично, и директор киностудии останется доволен. Он обожает такие монументальные картинки вроде панорамы греческих развалин. Главное, чтобы тетки голые все время не бегали со скоростью двадцати четырех кадров в секунду... Теперь Александр уговаривал меня «использовать Карину, как положено». Мол, Карина в растерянности и вот уже четвертый свитер вяжет. «А по ночам распускает», – вставил словечко я. «Все, что запланировано с Кариной по сценарию, – это три натуральных эпизода на Крите, – надрывался Александр. – Так неужели настолько проблематично?..» – «Что?» – «Ничего!» – «Что „ничего“?» – «Все!»

(ФРАГМЕНТ СЦЕНАРИЯ. Карина довяжет свой свитер в Праге, в самый канун Рождества. И скажет мне: «Примерь... Я вязала этот

свитер для тебя. С самого начала». Я улыбнусь Карине, ведь мы уже полгода как женаты. Я поцелую Карину, мы будем сидеть дома в уютных креслах и смотреть, как в камине потрескивают сухие поленья, и вместе встретим Новый год.)

– Три эпизода, – уговаривал меня Александр и демонстрировал четыре волосатых пальца. – Три эпизода с Кариной. Все остальное на Крите мы уже сняли. Раз, два, три!.. – Александр загибал и разгибал пальцы у меня под носом.

Конечно, Александр мой друг, но пальцы его выглядели неэстетично, когда подразумевали сценарий фильма. По сценарию Карина призвана сыграть саму себя. Я не господь бог, я всего лишь предлагаю Карине ситуацию и слова. Да только сейчас мне абсолютно неинтересно, что будет говорить и делать Карина. Потому что в Праге...

– В Праге будешь локти кусать, – добавил Александр и показал мне свой локоть. – В Праге греческих колонн нету. А также...

И Александр стал методично перечислять, чего «нету» в Праге и что есть на Крите. Да только Александр забыл про Валерию. А Валерия предполагалась – везде, и поэтому доводы Александра меня не пугали. Александр специально коверкал слова, чтобы лишний раз подчеркнуть мое ослиное упрямство. Предлагал выбирать между своими пальцами и локтем... Я не хотел внушать Карине какие-либо надежды. Как нелюбимой жене внушать...

– Все, – сказал Александр. – Сыт я по горло твоими сравнениями. – И снова показал мне четыре растопыренных пальца.

– Мне кажется, – неожиданно возник Корнелий, – в баре завелись тараканы. – Он прекратил наконец бегать из угла в угол и теперь раскачивался перед нами с пятки на носок.

– Это еще что?! – возмутился Александр, расценивая Корнелия как юмориста. – Это еще что за эпитеты?!

Действительно, других посетителей в баре по-прежнему не было. Но Корнелий невозмутимо помахивал мухобойкой и поглядывал на Александра.

– И говорят, что в «Афродите» один турист зарезал свою жену. Сегодня, – добавил Корнелий и звонко шлепнул по стене своей мухобойкой. – Тоже чех, и жена его чешка... Я в «Афродиту» соленые

орешки поставляю... Каждую неделю две большие коробки соленых орешков...

Александр пододвинул ко мне кружку пива и потребовал, чтобы я не бледнел и не тарасился на Корнелия, потому что – мало ли на Крите чешских туристов...

– Конечно, – ответил я Александру, – все побережье ими усеяно... Этого чеха из «Афродиты» зовут Клавдио? – обратился я к Корнелию.

– Не знаю, – сказал Корнелий. – А тараканы вроде бы рыжие...

– Рыжие... – повторил я, отодвинул от себя кружку пива, поднялся и пошел.

Александр окликнул меня пару раз, затем догнал на пыльной дороге и усадил в микроавтобус, на котором мы приехали в бар к Корнелию. Я потребовал остановиться возле «Афродиты»... «Только тебя там еще и не хватало», – пробурчал Александр и, минуя «Афродиту», погнал микроавтобус по направлению к «Диогену». Через пять минут мы с визгом затормозили возле отеля. Валерия стояла на лоджии и курила. Она помахала нам рукой. «Ну?» – спросил у меня Александр, когда мы вылезли из микроавтобуса и присели передохнуть на лавочке возле отеля, кстати на самом солнцепеке. Цикады верещали как сумасшедшие. Что я мог сказать Александру вразумительного? Что Валерия жива и здорова, что какой-то другой чех зарезал в «Афродите» другую жену, что все равно меня терзает смутное беспокойство?

– Я больше не буду дергать Карину за ниточки! Пусть она вяжет свой свитер, – сказал я Александру.

– Боже мой, какая патетика! – язвительно заметил на это Александр, и мы разошлись.

Александр отправился разыскивать Карину, чтобы привить ей склонность к мазохизму. Не сомневаюсь, что через полчаса Карина расскажет каждому о своем желании – быть привязанной на кресте и избитой. Я, в свою очередь, поднялся в номер к Валерии...

Вопрос: Вы согласны отвечать на наши вопросы в присутствии сотрудника консульства Чешской Республики?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы сознаетесь в убийстве своей жены Яны Райчек?

Ответ: Нет.

Валерия, застегнутая на все пуговицы, сидела в кресле спиной к окну. Ее руки лежали на подлокотниках кресла. «В „Афродите“ убили женщину», – сообщил я Валерии. «Это печально», – ответила мне Валерия. Она положила ногу на ногу и продолжала смотреть на меня не мигая. Сегодня утром, когда я украдкой покинул наш номер, чтобы переговорить с Александром, Валерия еще спала. Я постарался не разбудить Валерию. Теперь я дотронулся указательным пальцем до мочки своего уха: «Мне показалось...» Валерия тоже подняла правую руку и внимательно осмотрела свой маникюр. «Тебе показалось?..» – Валерия предлагала мне закончить фразу. «Что несчастье могло произойти с тобой». Я закончил фразу совсем иначе... Иначе, чем хотел первоначально. «Кстати, – сказала Валерия, – по-настоящему меня зовут Берта. – Она вернула правую руку обратно на подлокотник и взглянула на меня как следует. – Берта Крамар». «Я это давно знаю», – ответил я. Она рассмеялась. «С первого дня?» – спросила Валерия. «Со второго, – ответил я, – когда обнаружил, что мы зарегистрированы вдвоем с Бертой Крамар в одном номере». «Ну и как тебе?..» Валерия энергично покрутила головой, и черные волосы растрепались. «Линзы не растеряй», – предупредил я Валерию. Она фыркнула, приподняла веко, и одна контактная линза оказалась у нее на пальчике. «Так лучше?» – спросила Валерия. Теперь ОНО смотрело на меня разными глазами. Карий глаз и голубой глаз. «Либо – либо», – попросил я, и Валерия вернула линзу на место. «Предохраняет глаза от южного солнца», – пояснила Валерия специально для дураков вроде меня. «Угу», – согласился я с Валерией. «А фотографии?..» – спросила Валерия. «Угу», – повторился я, потому что с фотографиями «великий режиссер» действительно сваял дурака. Возмутительно долго я терялся в догадках, разглядывая эти квадратные фотографии, покуда не взялся пересчитывать родинки у Валерии на попке. И тогда все совпало. «А Клавдио?» – решила уточнить Валерия. «А что Клавдио?» – не понял я. «Клавдио – бывший муж Агриппины», – добавила Валерия. Здесь Валерия меня как бы это... ошаршила. «Понятно», – заметил я, демонстрируя, что тоже могу держать удар и выглядеть невозмутимо. Агриппина действительно никогда не называла мне имя своего бывшего мужа. Аферистка. «Понятно, понятно». Агриппина, вероятно, рассказала Клавдио обо мне, а Клавдио, хихикая, шепнул

Валерии, что некий Милош и Агриппина... Убью, сучку, как только приеду в Прагу. Как тресну общей тетрадкой по башке! «Кстати, – решила добавить Валерия, – Клавдио на самом деле муж моей подруги, Яны Райчек». Я достал из холодильника бутылку пива, подумал о Клавдио и поставил бутылочку пива на место. Вытащил из бара бутылку текилы и набухал себе полстакана. Отравиться можно! Что у меня, дел других нету, как разгадывать чужие кроссворды и ребусы жизни? Муж – это не муж, второй муж – один и тот же муж, чтоб ему сдохнуть. «И для чего весь компот?» – спросил я у Валерии, опрокинул в себя текилу и вытаращил глаза. Валерия держала наготове дольку лимона. Она засунула дольку лимона мне в рот, и глаза у меня стали как у китайца. «Ты дважды забраковал меня в Праге, на киностудии, – сказала Валерия. – Я решила достучаться таким способом». С самого начала я подозревал что-нибудь вроде этого. Некоторые «актрисы» устраивали мне фокусы и посложнее. Вроде ложной беременности, если я с ними никогда не встречался, а если встречался – смело подавали на алименты. Во всяком случае, пару раз мне приходилось неприятно объяснять, что не желаю с ними размножаться. В присутствии адвокатов. «А куда ты ползала ночью?» Я решился на последний вопрос, который меня беспокоил. «Сюда ползала, – показала Валерия, – и сюда ползала, и сюда тоже...» Она не только показывала, но и делала. «Подожди...» Я хотел освободиться из лапок Валерии, но... «И сегодня буду ползать», – предупредила Валерия, расстегивая на мне брюки. Я подумал и решил, что пускай себе ползает где угодно. А если мне действительно померещилось, что Валерия бродила ночью по крышам и поднималась и спускалась по пожарной лестнице? Ведь я не был уверен на сто процентов...

Вопрос: Двадцать пятого июля вы с Яной Райчек прибыли на Крит и остановились в номере триста одиннадцать отеля «Афродита»?

Ответ: Получается, что так.

Вопрос: Точнее, пожалуйста.

Ответ: Ответ утвердительный.

...Мы лежали с Валерией в постели и курили. Голый мужчина с трубкой во рту выглядит необычайно весело, поэтому я попросил

у Валерии сигарету. «Сигаретку на двоих, друг мой?» Как же одна женщина могла зарегистрироваться в разных номерах? «Ничего подобного», – рассмеялась Валерия...

Клавдио достал из кармана свой паспорт и паспорт Яны Райчек, я озирался по сторонам, Клавдио зевал, Валерия мурлыкала песенку, портье был необычайно любезен, я разглядывал ножки Валерии, Клавдио получил ключ, Валерия достала из сумочки свой паспорт, я достал из кармана трубку, Валерия получила у портье ключ от соседнего номера и сунула ключ мне в руки.

«Яночка разругалась в пух и прах со своим Клавдио на пароме. Я попыталась их помирить, но Яночка убежала к себе в каюту. И тут наконец режиссер Милош обратил на меня внимание... С перепугу я назвала Клавдио своим мужем... С перепугу или для пикантности...»

Между мною и Агриппиной были горы одежды, между мною и Валерией стоял Клавдио... Наверное, мне действительно нравится, когда что-то мешает, например перегородка между лоджиями.

«Ну а потом все перемешалось... Я перебросила на твою лоджию свои вещи и побежала ночевать в комнату неподалеку от отеля... Ты получил очередную фотографию и разорался... Клавдио не мог бы меня позвать... Меня не было рядом... Вот и все...»

Вот и все... Горничная была уверена, что в моем номере проживают двое – повсюду валялись женские вещи вперемешку с мужскими. А подлецу Клавдио нравилось думать, что у него две молоденькие жены. Клавдио с удовольствием подыграл Валерии – я остался в дураках. Агриппина умрет со смеху, когда обо всем узнает. Ее бывший муж, рыжий недотепа, целую неделю водил меня за нос.

«Ты дважды игнорировал меня на студии в Праге... Мои смешные фотографии – это маленькая женская месть...»

Александр мне надоел в Праге... Он вынимал из кармана живописные фотографии жеманных девиц и показывал эти снимки мне. В баре, в туалете, в такси. Если бы Валерия показала мне то же самое на Крите, я бы потерял к Валерии всякий интерес... «Дыши!..» Все сходится. Это флер, дымка, нечеткий фокус. Чем реальнее становится женщина, тем она порнографичнее. «Живи!» Ежедневно мужчина получает открытки, где только одно слово. Его волнуют эти послания, он постоянно думает о женщине, которая разрешает ему делать то, что он делал до этого произвольно. «Люби!» И когда

открытки перестают приходить, он погибает. Потому что разучился жить не задумываясь... Все сходится... Женщине достаточно накинуть на себя вуаль, а мужчина дорисует ее черты...

В дверь постучали. Я поднялся с постели, накинул халат на голое тело и подошел к двери.

– Кто там?

– Это я, – отвечал Александр.

– Там написано, чтобы меня не беспокоили, – разъяснил я Александру положение вещей, имея в виду табличку на дверях моего номера.

– А я тебе не горничная, – важно уточнил Александр.

Я оглянулся на кровать. Валерия лежала во всей красе и даже не думала чем-нибудь прикрыться.

– Подожди меня внизу на скамейке, – сказал я Александру в замочную скважину.

Валерия расхохоталась, поднялась с постели и ушла в ванную комнату. Само собой разумеется, что Валерия раз десять успела бы одеться, вздумай я отворить дверь. Вдобавок я действительно выглядел очень смешно, когда давал Александру указания, присев на корточки... Через пять минут, солидно попыхивая трубкой, я вышел из своего номера. На лестнице столкнулся нос к носу с Кариной, пробурчал «Привет!» и, прыгая по ступенькам как козлик, спустился вниз. Я догадывался, о чем хочет сообщить мне Александр. О странных наклонностях Карины, которая на все согласна, включая...

– Придурка, который сегодня ночью зарезал свою жену, действительно зовут Клавдио, – сообщил мне Александр. – Они жили в номере триста одиннадцать в «Афродите». Это тебе о чем-нибудь говорит?

Я не стал интересоваться, откуда у Александра такие точные сведения. Александр всегда умел общаться с людьми...

– Этого Клавдио увезли в полицейский участок, жену в морг, – добавил Александр. – Меня тошнит от твоей трубки...

Александр всегда поминал мою трубку недобрым словом, при определенных обстоятельствах. Сейчас обстоятельства были именно такими, что хуже некуда. И дело даже не в том, что я оказался замешанным в печальную историю... Просто Александр ожидал от

меня объяснений по поводу Валерии... И мои объяснения вышли на лоджию в солнечных очках – позагорать...

– Меня тошнит от твоей трубки! – настойчиво повторил Александр.

Я вытащил изо рта трубку и выбил ее о каблук.

(ФРАГМЕНТ СЦЕНАРИЯ. Море шепелявит, словно беззубая старуха, на непонятном языке.)

– Давай снимем три оставшихся эпизода, – сказал я Александру.

Он посмотрел на меня как-то странно, затем окинул взглядом Валерию на лоджии и вздохнул.

– Ну-ну, – сказал Александр, – наверное, ты знаешь, что делаешь...

Вопрос: Вы утверждаете, что кто-то посторонний проник в номер ночью и убил вашу жену Яну Райчек?

Ответ: Да, утверждаю.

Вопрос: Ваш номер был закрыт на ключ изнутри, следов проникновения в номер через лоджию не обнаружено – как вы можете это объяснить?

Ответ: Нет ответа.

...Я мысленно возвращался в Прагу, и сотни лиц мелькали у меня перед глазами, как застывшие картинки. Как можно их оживить, что выдумать? Будут они существовать по моему сценарию или нет? Ведь я не господь бог. Я только лишь сопричастен. Я пытаюсь их видеть по-своему, тоже пытаюсь вдохнуть душу... А сопричастен ли я?.. Вот в чем вопрос... Мы решили выпить с Александром по этому поводу – все равно день ни к черту...

– Теперь Карина отказывается сниматься категорически, – сообщил мне Александр за стойкой бара. – У нас на пленке останется одна природа.

– Природа и развалины, – поддакнул я. – Я должен поговорить с Кариной.

– Будь здоров! – Александр аккуратно выпил какую-то ядерную смесь, крикнул от удовольствия и добавил: – Боюсь, твои разговоры ни к чему не приведут. Карина угрожает перебить нам все софиты... Которые сохранились...

Для конкретики Александр постучал указательным пальцем по своей почти что лысой голове. Перед выездом на Крит Александр коротко подстригся, и теперь каждый волосок торчал у него на башке и раскачивался, словно палки на Альпах. Капли пота катились с макушки за уши, как будто в Альпах проходили международные соревнования горнолыжников... Это было описание лица Александра... Я «испил свою чашу до дна» и отправился беседовать с Кариной.

– У тебя контракта с нею нет, – крикнул мне вдогонку Александр.

Я ответил Александру нахально:

– Если есть у Карины контракт с чертом, значит, будет у нее контракт и со мной...

– Изыди! – открестился от меня Александр, и я последовал туда, куда он меня послал...

(ФРАГМЕНТ СЦЕНАРИЯ. Одинокий краб бежит в полосе прибоя... Берег обнажается – и краб торопливо спешит исследовать мокрый песок; волна наступает – и краб сломя голову бежит обратно. И все повторяется, все повторяется...)

Карины у себя не оказалось. Тогда я потревожил нашего Виктора, кинооператора, который пытался установить первый контакт с какой-то девицей. Я попросил повернуться девицу ко мне лицом, убедился, что это не Карина, посоветовал оператору бережно обращаться со съемочной техникой и хлопнул дверью. Затем я покинул отель, исследовал берега лагуны, выкопал из песка юную леди, которая тут же закопалась обратно, испуганно зырякая на меня чудными глазищами, и вернулся в отель. Там я наконец обнаружил Карину – она выходила из моего номера.

– Не буду! – сказала мне Карина, едва я раскрыл свой рот.

– А что ты делала у меня в номере? – в таком случае спросил я.

– Ни-че-го, – заявила Карина, повернулась ко мне спиной и удалилась.

Прежде чем пуститься вдогонку за Кариной, я заглянул к себе в номер. Валерия сидела в том же кресле, что утром, и в той же позе. Только пальчиками постукивала по подлокотнику.

– О чем была беседа? – спросил я у Валерии.

– Ни о чем, – отвечала мне Валерия, и несложно было догадаться по сходной интонации, что беседа между дамами все-таки состоялась.

– А на самом деле? – попробовал уточнить я предмет разговора.

Валерия пожала плечами и уточнила:

– О том о сем – женские глупости.

«Вот вам и первый эпизод с Кариной», – подумал я, потому что однажды, после «женских глупостей», древние греки всю Троию разворотили. Но мне некогда было надоедать Валерии с наводящими вопросами, я махнул рукой и побежал догонять Карину. Но она успела закрыться в своем номере. Я принялся что есть силы барабанить в дверь...

– Отстань от меня, – крикнула Карина из-за двери, – не то я позвоню твоей любовнице в Прагу... И послушаю – что она скажет!

– Ты номера ее телефона не знаешь, – парировал я, но на всякий случай прекратил барабанить.

– Еще как знаю! – заверила меня Карина. – Сейчас нажму на кнопку повтора и соединюсь... Автоматически!

Я припомнил, что действительно звонил Агриппине из номера Карины. По телефону. Вот и верь после этого женщинам. Пришлось возвращаться к Александру в бар. После второго эпизода с Кариной...

(ФРАГМЕНТ СЦЕНАРИЯ. На затуманенном стекле Агриппина выводит пальчиком замысловатые вензеля. «Ты понял?» – спрашивает у меня Агриппина. Я отрицательно качаю головой. «И не надо, – говорит Агриппина, – и не надо... С женщиной может разобраться только женщина...»)

– Ну и как? – спросил у меня Александр, возле которого на стойке уже разместились четыре пустых рюмочки и два пустых стаканчика.

Бармен посмотрел на меня очень любезно, как крокодил на свою жертву. А ведь на первый взгляд – такой симпатичный бармен, и при бабочке.

– Мне то же самое, – подтвердил я к радости бармена и указал на пустые рюмочки Александра.

Мы лишний раз пожелали с Александром здоровья друг другу, я понаблюдал еще немного за горнолыжными соревнованиями на его башке – капли слева выигрывали у капель справа. Потом мы пожелали здоровья «крокодилу» за то, что он способствует нашему здоровью.

– Я же сказал, что натуральных съемок сегодня не будет, – подытожил Александр и сложил губы бантиком, уточняя, чью гадкую натуру имел он в виду. Всех женщин, разумеется. И мы выпили

с Александром за завтрашний день... А затем – за послезавтрашний... Когда позеленевший «крокодил» заявил, что бар закрывается, мы, кажется, праздновали Новый год. Время от времени я «наводил резкость» и вспоминал блондинку, которую однажды видел рядом с Клавдио в бинокль... И мне снова хотелось выпить...

Вопрос: Госпожа Крамар, в каких отношениях вы были с Яной Райчек?

Ответ: Мы были знакомы.

Вопрос: Вы прибыли на Крит вместе с Яной Райчек и ее мужем?

Ответ: Не совсем так. Я приехала сюда с режиссером Милошем Кордой.

...Мне снилась какая-то чепуха вроде сценария фильма. Я редактировал, черкал и переставлял слова – «Валерия вышла на лоджию... на лоджию вышла Валерия... вышла Валерия на лоджию...». А она никак не выходила...

– Валерия, – простонал я, не открывая глаз, – достань бутылку пива из холодильника...

– А как же! – почему-то басом отвечала мне Валерия.

Но вскоре прохладный стакан очутился в моей руке. Я приподнял голову и отхлебнул...

– Это не пиво, Валерия, – снова простонал я в полном отчаянии. – Это минеральная вода...

– Само собой разумеется, – ухала Валерия, словно пушка или колокол...

Я открыл глаза и увидел перед собой Александра. Он кинул в мой стакан с минералкой еще одну таблетку алкозельцера, и таблетка зашипела в стакане. Александр давно пытался меня отравить. Сальери. Я огляделся по сторонам и обнаружил, что ночевал в номере Александра на одной подушке с Лолой. И теперь потревоженная Лола тарасилась на меня с подушки – ядовито и не мигая. Ничего не скажешь – приятное пробуждение. Я скривился и выпил минералку до капельки под пристальным надзором Александра и этой зеленой сволочи.

– Где Валерия? – спросил я у Александра.

– После, после... – отмахнулся от меня Александр и добавил: – Поднимайся, все уже в сборе, едем снимать Карину.

Он буквально выдернул меня из постели, умыл, начистил мне зубы, засунул себе в карман Лолу, и через десять минут я вполне самостоятельно продвигался по коридору, натываясь на стены отеля.

– Мне надо зайти к себе в номер...

– Я предупредил синьориту, что мы вернемся не позже четырех часов дня... – успокоил меня Александр.

По какой-то причине он предпочитал не называть Валерию никак. У меня было слишком мало сил, чтобы сопротивляться, и я поверил Александру на слово. Вместе с кофрами и штативами меня загрузили в микроавтобус, и мы помчались к черту на рога, отчаянно сигналив. Сидя на самом заднем сиденье, я поглядывал в окошко и понемногу приходил в себя, прикладываясь к бутылки с минеральной водой. Впервые за время нашего пребывания над Критом появились маленькие тучки, и таяли прямо на глазах, и после очередного автомобильного гудка окончательно растаяли. Карина сидела впереди меня, скрестив на груди руки. Вероятно, Карина довязала уже свой свитер и освободилась для съемок... Дорога извивалась между гор, словно первый раз замужем. Тогда мы свернули на другую дорогу и стали медленно забираться вверх, рыча и постанывая. Из-под колес летели камни, микроавтобус задрал свою морду к небу, Александр топтал педали, серая пыль пыталась пробиться сквозь стекла – я выругался, и подъем закончился. Для справки, основные указатели на острове Крит – «Главная дорога» и «Нет дороги». Мы прибыли на место. Две прекрасно сохранившиеся колонны, увитые зеленым плющом, вдали от туристических маршрутов, они простояли здесь, наверное, не одну тысячу лет, нисколько не тревожась о времени. Некогда они подпирали крышу маленького храма Афродиты, богини любви, все сгнуло, превратилось в пыль, и даже других обломков вокруг не осталось. Только они по-прежнему стояли рядом, безупречные по форме, и синее небо держалось на них, и вечность. Мы развернули оборудование и стали снимать Карину... Хитрющая Лола то и дело подглядывала за нами из кармана...

Вопрос: Господин Милош Корда, вы подтверждаете свидетельские показания Берты Крамар?

Ответ: Да, подтверждаю.

Вопрос: Вы подтверждаете, что в ночь убийства Берта Крамар находилась вместе с вами в отеле «Диоген» и никуда не отлучалась?

Ответ: Подтверждаю...

...Вернулись мы в отель намного позже запланированного Александром времени. В половине седьмого.

– Пивка? – спросил у меня Александр, когда мы, совершенно измочаленные, вывалились из микроавтобуса.

Я отмахнулся от него и забуксовал ногами на одном месте, потому что Александр ухватил меня за куртку. Он, видимо, вспомнил свою спортивную молодость.

– Пивка! – настойчиво повторил Александр и кивком указал в сторону бара.

Я вынужден был согласиться – все равно так просто от Александра не отвяжешься, когда он ворочает своими бицепсами под рубашкой. Карина прошмыгнула мимо нас летящей походкой. Мы проводили ее благодарными взглядами. Я – за то, что она не пожелала видеть мое поражение в борьбе с Александром, а Александр – не знаю за что. За удачный съемочный день, вероятно... Александр усадил меня на вертящийся стульчик возле стойки, я моментально с этого стульчика свалился, и Александр усадил меня обратно.

– Мы работаем сегодня до часа ночи, – сразу же поставил нас в известность любезный бармен.

– Тогда не тяни время, – пробурчал Александр по-чешски и добавил волшебное слово: – Наливай!

Александр никак не соглашался отпустить меня с меньшим количеством пива, чем это было вчера. И все-таки мне удалось его уговорить через полчаса и пол-литра. Вначале неспешно, на глазах Александра, а потом через ступеньку по лестнице я поднялся к себе в номер и замер на пороге. Мне даже не потребовалось осматривать шкафы и полочки, чтобы почувствовать – Валерии здесь нет, равно как и вещей Валерии. И только сохранился запах ее парфюма. Я постоял в растерянности некоторое время посреди комнаты, потом выключил в номере свет и спустился обратно в бар к Александру.

– Ну и что ты все время бегаешь? – спросил у меня Александр. – Туда-сюда, туда...

Я не дал ему закончить:

– Где Валерия?

– Берта Крамар? – уточнил Александр и сделал вид, что задумался. – Вчера вечером она давала показания в полицейском управлении, сегодня утром – тоже... А теперь не знаю, где она... У полиции больше вопросов к ней нет. – И Александр развел руки в разные стороны.

(ФРАГМЕНТ СЦЕНАРИЯ. Валерия стоит на краю плоской крыши многоэтажного дома. Она смотрит вниз. «Я – Валерия Мессалина», – шепчет Валерия. И улыбается.)

Я развернулся и, ни слова бранного не говоря, пошел разыскивать второго заговорщика – Карину. Что исчезновение Валерии – это ее рук дело, можно было не сомневаться. Еще утром мне показалось странным поведение Карины. Она слушала меня на съемочной площадке, раскрыв от старательности рот. Я разыскал Карину под землей, в недрах отеля. Она гремела бильярдными шарами совершенно одна, если не считать бутылку джина и бутылку содовой в разных креслах. Гудели кондиционеры, Карина разглядывала разноцветные шары и прикидывала – какой из них симпатичнее, чтобы как следует по нему треснуть. Я устроился в кресле между джином и содовой и тоже сделал вид, что очень интересуюсь этим бильярдным помещением. А заодно настольными играми.

– Ты не той стороной кий держишь, – сказал я Карине.

– Так удобнее попадать по шару, – ответила мне Карина, выбрала синенький и двинула по нему рукояткой кия.

– Где Валерия?

– Улетела в Прагу.

– Как улетела?!!

Карина села верхом на бильярдный кий и наглядно показала – как именно улетела Валерия. Получалось, что как ведьма на помеле.

– Почему? – Конечно, вопрос лишний и глупый, но я все равно задал его Карине.

Она бросила на стол совершенно не нужную никому палку и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Я эту Валерию, – Карина выговаривала слова, как на уроке декламации, – я эту Валерию вчера предупредила. Что если она не

уберется отсюда очень быстро, я пойду в полицейское управление и тоже дам свидетельские показания.

– Какие еще показания? – опешил я.

– Что в ночь убийства я видела, как эта Валерия спускается по пожарной лестнице. Что я очень хорошо разглядела эту Валерию и готова показать под присягой, что это была Берта Крамар.

Карина взяла из одного кресла джин, из другого кресла – содовую и смешала в своем стакане.

– Ты врешь, – сказал я.

– Вру, – согласилась со мною Карина.

– Зачем?

– А затем, что, кроме этой Валерии, никто бы... Никто бы другой не мог этого сделать...

Глаза у Карины были светло-коричневого цвета от природы. Я не заметил в них ни тени сомнения. Карина была уверена на сто процентов, что она поступает правильно. А меня всегда пугает уверенность других людей.

– Да ты хотя бы знаешь – чего она хотела?! – разорался неожиданно я.

– Мне все равно – чего она хотела, – повысила свой голосок Карина. – Для меня важно – чего она не смогла!

Мы выпили с Кариной по стаканчику джина с содовой и немного успокоились. Ну что же, стрелочник тоже не может остановить локомотив, он просто направляет локомотив на другой путь... А если в конце концов этот локомотив разбивается, то виноват не стрелочник, а локомотив. Вот куда он, падла, так мчался?..

– А еще я сказала, этой ВаРЕЛиИ, – добавила Карина после стаканчика содовой, – что, может быть, я и плохая актриса, но свою роль сыграю просто замечательно.

– Главное – не перестарайся, – пробурчал я, раскуривая свою любимую трубку.

– Главное... – Карина вдруг задумалась и села на бильярдный стол. – Главное, что здесь кондиционеры работают... Плохо в Греции жить без кондиционера...

И мне пришлось с ней согласиться. А иначе... Иначе бы Валерию не испугали пустые угрозы Карины. Ведь Берта Крамар не из пугливых.

- Ты сумасшедшая, – констатировал я.
- Все мы немного сумасшедшие... – улыбнулась в ответ Карина. – Прощальную записку или адрес этой Валерии можешь не разыскивать. Я успела побывать у тебя в номере...
- Чего нашла? – Иногда я тоже коверкаю слова и выражения.
- Ничего не нашла, кроме поцелуйчика из губной помады на зеркале...

Зачем выходит дьявол на прогулку?!!

*Современная надпись на стене дома
в Праге*

Агриппина Милошу привет!

Как видишь, античность – болезнь заразная. Проклятие дома Ашеров. Только мне еще осталось свихнуться и, прижимая к груди книги Корнелия Тацита, пойти бродить по Праге. Наверное, так и поступлю, чтобы подкараулить в темном переулке одного режиссера, – тогда и рассчитаемся. Вам нравятся безумные тетki?!! Ты будешь доволен, когда мы встретимся...

Дошли до меня слухи, мой дорогой Милош, что вы неплохо отдохнули на Крите. Назревает вопрос!.. Твой дружок по имени Клавдио остался на Крите восстанавливать потенцию, а ты вернулся. Что так? Мог бы составить Клавдио подходящую компанию в местной каталажке... Доигрались – дочитались! Теперь все ваши античные книги пылятся у меня на полу в спальне, под замком. Если осталась у тебя подобная литература – неси ко мне, для собственного блага... Клавдио, вероятно, ожидает от меня сочувствия – его не будет. Слов нет. Вы как охотники, которые поставили ловушку на крупного зверя, закрутились и сели на собственный капкан задницей. Смех! Посеявший пшеницу пожнет пшеницу! У него не вырастут на поле деревья, увешанные золотыми монетами. Вы оба нашли то, что искали. И какого сострадания от меня хотите? Я отлупила Берту Крамар и ничуть об этом не жалею. А что же я – любоваться на нее буду? «Нежная, воздушная, ветерку послушная». Киска. Однажды я видела, как четверо полицейских тащили такую же пьяную «киску» из ресторана. Я тебе так скажу – девушка была в ярости, полицейских

было мало... (Оцени, как я ввернула тебе про пшеницу?!!) Кстати, я совершенно не имею иллюзий на свой счет. Я тоже женщина, которую иногда приятнее обойти, чем столкнуться.

Клавдио сидит на Крите в ожидании неизвестно чего... Вина его не доказана, мотивы убийства похоронены вместе с Яной Райчек, адвокаты выпрыгивают из штанов, но оправдать рыжего дурака не в состоянии. Клавдио написал мне два письма и переслал ключи от своей квартиры. Я побывала на Вацлавской площади, но абсолютно ничего из вещей Берты Крамар не обнаружила. Она подчистила за собой хвостик очень обстоятельно. Мне кажется, Клавдио что-то недоговаривает... Мол, Яну Райчек уже не воскресить из мертвых. Ну и пусть тогда сидит, дуралей, хоть до Страшного суда... Как просил у меня Клавдио, я разыскала номер телефона в кармане его пиджака – случайное знакомство в парфюмерном магазине. Уверяю тебя, Милош, что записи, сделанные губной помадой, выглядят весьма любопытно. Во всяком случае, интереснее, чем шариковой ручкой. Цвет губной помады мне понравился. Очень надеюсь, что эта женщина не стерва по крайней мере. Теперь Клавдио переписывается и с нею. Я рада...

Вопрос назрел: почему взрослые мужчины ведут себя как недоумки? Вы живете в прострации, и, ей-богу, не понимаю – для чего вам переводить продукты? Питайтесь иллюзиями – это хлеб ваш. А теперь подите-ка в церковь, мой дорогой Милош, и скажите спасибо Создателю, что он послал вам ангела-хранителя в лице Карины, – умная девочка, она мне все-таки позвонила. Я позабыла приличные слова, когда узнала, что может натворить всего лишь парочка идиотов. Уточняю – ты и Клавдио. Вас нельзя выпускать из дома без поводья. А вы отправились на Крит. Теперь плачете. Клавдио шлет слезные письма из-под ареста, а ты рыдаешь в Праге. И, как мне сообщили, рыдаешь по Берте Крамар – «о, Валерия, Валерия, Валерия!». Зайди ко мне – я одолжу тебе двести долларов. Ты возьмешь эти денежки и прогуляешься вечером по Вацлавской площади – там на каждом углу своя «Валерия». И, может быть, тогда перестанешь рыдать на всю Прагу. Карина мне говорила, что ты поглядываешь на какие-то фотографии и время от времени пускаешь слезу. Напиши мне подробнее – какие части женского тела вызывают у тебя подобные эмоции. Я завтра же сфотографируюсь для тебя в лучшем виде. Обязательно напиши, а то бедная девочка Карина не знает, чем тебя

утешить. У нее еще слишком мало опыта, хотя развитие весьма правильное. Я посоветовала ей треснуть тебя скалкой по голове, так что не удивляйся...

А теперь послушайте – как отдыхали мы дома... Я жалею только об одном: что ваша компания идиотов на Крите была неполной. Вы забыли в Праге своего младшего брата – Британика. Как мать я надеюсь, что он переплюнет всех вас. Конечно, я обязана его защищать, но чувствую, что силы мои на исходе. Поэтому, когда соберетесь снова в увеселительную поездку, прихватите с собою и Британика. Не оставляйте его в городе, если хотите сюда вернуться... Поскольку мальчик растет; сегодня он поджег загородный домик, завтра подпалит матушку Прагу. Но обо всем по порядку...

Как ты помнишь (если Карина еще не треснула тебя скалкой), я и Брют собирались на месяц в деревню неподалеку от Оломоуца. Там у меня домик. Каждый год я раздумываю, что мне делать с этой «хижиной дяди Тома», которая разваливается прямо на глазах. Представь себе двухэтажный сарай, построенный еще до Рождества Христова. С этого времени он стоит без ремонта, потому что мужчины, как небожители, вечно витают в облаках и редко опускаются на грешную землю. Я периодически ставлю эту рухлядь под сигнализацию, чтобы местные жители не растащили мой дом на дрова. Так вот, теперь здесь загородная резиденция императоров. И вообще – Байи-и. (Кстати, нет ли у тебя на киностудии хорошего плотника? Я подвязала угол дома какой-то проволокой, но опасаясь, что зимой дом рухнет... Черт, черт, черт!!! У меня ведь и дома теперь нет!) Продолжаю... Я, Брют и моя приятельница по имени Марта отправились в деревню 29 июля. Марта добровольно вызвалась помочь мне по хозяйству. С самого начала Брют косился на Марту, я бы сказала – озадаченно, если не озабоченно. У него трудный возраст, а у Марты привлекательная фигура. «Ты все поняла?» «Конечно, – отвечала мне Марта, – придется загорать в комбинезоне». Ну и ладно... Брют сразу же поставил нас перед фактом, что Марту он будет называть Ацерронией, озеро – Неаполитанским заливом, а нашу развалюху – модным курортом... Делать нечего...

Брют целыми днями валялся в саду или сидел возле окна на втором этаже, читал свои античные книги и, кажется, чувствовал себя неплохо. Правда, мы с Мартой замечали некоторые чудачества, но

старались не придавать им особого значения. Например, время от времени Брют интересовался – зачем император Нерон спал со своей матерью?! После подобного вопроса мы убежали с Мартой за угол дома, чтобы Брют нас не видел, и хохотали там до икоты. Почему мужчин интересуют подобные глупости? Несколько раз Марте удавалось меня разыграть. «А скажи-ка, Агриппина?..» – задумчиво спрашивала Марта, заглядывая в кастрюлю... Я думала, что Марту интересует, солила я суп или не солила. «Нет, – качала головой Марта. – Скажи-ка мне... – Марта пробовала суп столовой ложкой, – зачем император Нерон спал со своей матерью?!» Мы прыскали со смеху и – досмеялись, две здоровые дуры. На третий или четвертый день у Марты исчезли из чемодана все трусы. «Ты поняла?» «Давай делиться», – ответила Марта, и мне пришлось одолжить ей пару комплектов своего белья...

Я не психоаналитик, чтобы решать, какие фантазии – признак гениальности, а какие – шизофрениии. Особенно у мужчин. У женщин меньше претензий к вечности и больше – к повседневности. Я думаю, что Брют хороший мальчик. Он несколько инфантилен для своего возраста; он большой проказник и выдумщик; ему присущи многие мужские странности – все, кроме подлости и хамства. Он ни за что не упустит возможности соврать, но трудно назвать это ложью, поскольку сочиняет Брют безо всякой выгоды, а только из любви к искусству. Конечно, Британик может натворить черт-те что... И тем не менее он совершенно безобиден. Я не могу назвать его дураком, потому что расцениваю Британика слишком по-женски. С моей точки зрения, он круглый идиот. Впрочем, кому я об этом рассказываю... Такому же балбесу. Быть может, теперь Карина займется твоим воспитанием. Она мне нравится – правильная девочка...

Через полторы недели стали мы с Мартой собираться в Прагу. Помнишь, я обещала тебе приехать на пару дней? (Ты, разумеется, можешь без меня обойтись, а вот цветочки на подоконниках завянут.) Вдобавок у Марты заканчивался отпуск, короче – ехать было необходимо. И надо же такому случиться, буквально накануне в нашей местности пропали две молоденькие девушки. Мужчины со всей округи принялись их разыскивать, но прошли сутки, а девушки словно в воду канули. Тогда сообразили, что нечто подобное и произошло... Вероятно, смерть девушек потрясла Британика. Не знаю – что он себе

вообразил, разглядывая утопленниц, но высказался по этому поводу очень откровенно – «а красивая у меня была мать». Как тебе подобные сравнения? Правда, никто не обратил внимания на его слова. Я тоже... Тем же вечером уехали мы с Мартой в Прагу, а Брюта оставили под надзором соседки...

Дальше... (Будешь смеяться – не упади со стула.) За время моего отсутствия Британик успел поджечь дом и полюбить соседку... Я достаточно ясно излагаю?... Старая толстая дура, конечно, все отрицает, но дома больше нет, одни головешки – это факт, а при имени Британик соседка покрывается плесенью, которая напоминает девичий стыдливый румянец. Я узнала от соседки, что Брют направился в Прагу, развернулась и поспешила туда же... Но Британик несколько не терял времени даром. Когда поздно вечером я наконец-то добралась до Праги и достучалась к себе домой, то обнаружила там прелестную троицу: Британика в обществе самой захудалой проститутки и такого же сутенера. Двое из этой компании сразу же отправились у меня за дверь, а с Британиком состоялся любопытный разговор из междометий. На все вопросы Брют отвечал односложно – «тык» да «мык». Но кое-что я все-таки сумела понять, поэтому отобрала у Британика все книги, написанные раньше тридцать седьмого года. Теперь они стопками валяются у меня в спальне и ждут своей участи. На досуге я их перелистываю... Весьма любопытно...

Не знаю, можно ли тебе доверять, но выбирать не приходится. Я просто хочу, чтобы ты наконец-то понял, почему я настолько трепетно оберегаю Брюта. Я Британика не рожала, и поэтому на мне лежит двойная ответственность за его судьбу. Двойная любовь, двойная забота – звучит немного высокопарно, да что поделаешь... Британик – мой приемный сын, и с меня еще спросится на том свете – в двойном размере. Я развелась с Клавдио при первой же возможности, когда Британик немного подрос. Не будем анализировать мое решение – оно продиктовано чувствами, а не разумом. Сумел бы Клавдио стать Британику настоящим отцом? Выводы сделай сам... Сейчас я не хочу рассказывать о смерти собственного сына. И не буду посвящать тебя во все тонкости усыновления Британика... Скажу только, что рыжие волосы Брюта – знак судьбы, а не мой умышленный выбор... Один мальчик убил своего дядю – вот и весь «Гамлет, принц Датский»... Смотри же, Милош, не болтай попусту, потому что не сможешь

рассказать об этом правильно. Кстати, Карина все знает, поэтому не надо интригуяще закатывать свои глазки, когда заходит речь об Агриппине...

Будь здоров.

P. S. Давай как-нибудь позавтракаем?..

Берта Крамар скончалась в психиатрической больнице в возрасте двадцати восьми лет. Она отчаянно цеплялась за существование в образе невозможной Валерии. Но Господь забрал ее...

Эпитафия

Эпилог

Плиний Тациту привет!

Я приеду к тебе на обед, но вот мои условия: обед должен быть прост, дешев и изобиловать только беседами в сократовском духе, но и тут – в меру.

А пока хочу тебе рассказать об одном литераторе... Он был завален какой-то чепуховой работой, но находил время писать о последних днях людей, убитых или сосланных Нероном. По стилю – среднее между историей и речью... Однажды моему литератору приснилось, что он в ночной тиши лежит в своей постели, а перед ним, как обычно, стоит ящик со свитками; вдруг, представилось ему, вошел Нерон, уселся на ложе, вынул первую книгу о своих преступлениях, дочитал ее до конца, то же самое сделал со второй и третьей, а затем ушел. Литератор истолковал это так: писание его закончится на той же книге, на которой и чтение Нерона.

В нашем обеде пусть все будет в меру: и убранство стола, и расходы, и сам обед, и время, за ним проведенное.

Будь здоров.

Перевод Анны Владимировой

Об авторе

[34]

Иржи Грошек – известный чешский литературный критик и кинематографист. Работу в кино он начал в 1982 году с должности осветителя на киностудии «Баррандов», но уже в 1988 году получил приз жюри критиков на фестивале в Сан-Себастьяне за короткометражный фильм «Жизнь двенадцати брендмейстеров». В последующие годы Грошек сочетает учебу на высших сценарных курсах с успешным ведением рекламного бизнеса. Он участвует в ряде международных культурных проектов, в частности, его компания выступала спонсором европейского и российского турне мужского балета «Трокадеро де Монте-Карло». Широкую литературную известность Грошек приобрел в 1998 году после выхода романа «Легкий завтрак в тени некрополя». Книга стала в Чехии бестселлером, переведена на восемь европейских языков, готовится экранизация.

Автором разыграна историческая шизофрения, и весьма заразительная... По ходу «завтрака» античные персонажи оживают, натягивают современные личины, буйствуют, не зная удержу... Классический «некрополь», навязший в зубах со школьной скамьи, превращается в «Сатирикон»...

Corriere della Sera

Литературная игра в квадрате... Двойственность персонажей помножена на исторические параллели... Пунктуация – как у всех сбрендивших авторов стран бывшего Варшавского договора.

Der Spiegel

notes

Примечания

1

...ходячий апофеоз рода Клавдиев... – Имеется в виду античный сатирический памфлет «Апофеоз божественного Клавдия». Сочинение данного памфлета приписывается Сенеке.

Якобы дословная цитата. На самом деле (и не только здесь) автор (И. Г.) соединяет античные источники с собственным текстом, подразумевая, что именно так были составлены «Анналы» и «История» Корнелия Тацита итальянским писателем эпохи Возрождения Поджо Браччолини.

Из письма «безумного» Винсента Ван Гога брату Тео.

4

Здесь подразумевается свадьба Валерии Мессалины с Пизоном при жизни действительного мужа Валерии – императора Клавдия.

«Так, после ее убийства, садясь за стол, он спросил – почему же не приходит императрица?» – Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Клавдий. Кн. 5. Гл. 39. По определению Светония, людей удивляла подобная забывчивость императора Клавдия.

Тацит Корнелий. Анналы. Кн. 11. Гл. 12; «...что [эта связь] останется тайной» – так размышлял Пизон, по мнению Корнелия Тацита.

Монтень М. де. Опыты. К читателю (предисловие).

Псевдоцитата.

Тацит Корнелий. Анналы. Кн. 14. Гл. 2. Можно добавить еще один двусмысленный абзац: «Но Агриппина с женским неистовством накидывается на сына, говоря, что его оспаривает у нее какая-то вольноотпущенница... Тогда Агриппина... стала окружать его лаской, предлагать воспользоваться ее спальным покоем и содействием, с тем чтобы сохранить в тайне те наслаждения, которых он добивался со всей неудержимостью первой молодости и к тому же наделенный верховной властью» (Тацит Корнелий. Анналы. Кн. 13. Гл. 13) – очень щекотливая речь Тацита, отретушированная переводчиком.

Основные античные источники по эпохе Нерона.

Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон. Кн. 6. Гл. 28.

Тацит Корнелий. Анналы. Кн. 14. Гл. 5. И далее: «После этого [после кораблекрушения] все с тем же притворным спокойствием она [Агриппина] прикладывает к ране целебные снадобья и к телу – согревающие примочки, а также велит разыскать завещание Ацерронии и опечатать оставшиеся после [Ацерронии] вещи, только в этом действуя без притворства».

Бунюэль Луис. Мой последний вздох (роман-воспоминание). Луис Бунюэль подразумевал в контексте свое воображение.

...триста спартанцев. – Для уточнения: «Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных. <...> Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга». Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пелопид. 18.

Литературная подделка (по мнению автора, в духе Поджо Браччолини).

Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Клавдий. Кн. 5. Гл. 43.

Божественному Клавдию было видней...

Лукиан. Диалоги гетер. Диалог 5. Все выдержки из пятого диалога – компиляции и вольная обработка автора.

Авторская обработка эпиграммы Марциала:

Что истерией больна, заявила старому мужу
Леда, плачась, что ей надобно похоть унять.
Но, хоть и плачет навзрыд, согласиться на помощь не хочет
И заявляет, что ей лучше совсем умереть.
Просит супруг, чтоб жила, чтоб во цвете лет не скончалась,
Позволяет другим, что не под силу ему.
Тотчас приходят врачи, и прочь все врачихи уходят.
Подняты ноги ее... Что за мученье болеть!

*Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 11.
Эпиграмма 71.*

Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон. Кн. 6. Гл. 43.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 4. Эпиграмма 84. Авторская обработка, но вольности автора с текстами эпиграмм не подменяют смысла.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 9. Эпиграмма 67.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 14 «Подарки». Эпиграмма 134. Вдобавок «подарок № 149 – Грудная повязка»:

Слишком грудастых боюсь: отдай меня девушке нежной,
Чтобы могло плотно льнуть к белоснежной груди.

Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон. Кн. 6. Гл. 46.
Здесь подмена имени. В тексте Светония – «жена его Октавия увлекает
(Нерона) в черный мрак».

Мать Поппеи слыла первой красавицей своего времени... – Первая половина предложения – дословная цитата из Тацита, вторая половина: ...и даже снялась для обложки журнала «Плейбой» в каком-то году, когда купальные трусики были еще до колена... – от автора (И. Г.). То же самое и в остальных предложениях этого абзаца... – природа щедро одарила Поппею всевозможными талантами: девяносто сантиметров окружность груди, шестьдесят в талии и восемьдесят девять в бедрах. В общественных местах Поппея показывалась редко, и всегда пряди ее волос закрывали половину лица – то ли видела плохо правым глазом, то ли потому, что это ей шло. И т. д.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 11. Эпиграмма 81.

Можно добавить:

Двое явились зараз полюбовников утром к Филлиде:
Тот и другой захотел первым ее заголить.
Им обещала она отдаться вместе, и сразу
Ногу ей поднял один, тунику поднял другой.

*Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. Кн. 10.
Эпиграмма 81.*

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 19:2.
Под «любодейцей» подразумевается Римская империя, город Рим.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 17:1.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 17:4.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 17:5.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 17:7.

Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 17:9,10. «Вавилонская блудница» – город Рим на семи холмах. Семь царей, «из которых пять пали», – Юлий Цезарь, Август, Тиберий, Гай Калигула, Клавдий. «Один есть» – Нерон. «А другой еще не пришел» – Антихрист, дьявольская сущность Нерона, Лже-Нерон.

Гесиод. Труды и дни. 368.

Далее:

Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!

Собственно говоря, о том и речь...

Данные не соответствуют действительности и являются неотъемлемой частью литературной игры, затеянной автором в романе «Легкий завтрак в тени некрополя» и продолженной в книгах «Большая реставрация обеда» и «Файф-о-клок».